

А.Г. Дружинин

ИДЕИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

общественно-географический анализ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. Г. Дружинин

**ИДЕИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА
И СОВРЕМЕННОСТЬ:
общественно-географический анализ**

Монография

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета

УДК 911.3:327(470+571)(035.3)

ББК 26.8+66.4 (2 Рос)я44

Д76

Рецензенты:

профессор, доктор географических наук,
Заслуженный деятель науки РФ **А. И. Чистобаев**;

профессор, доктор географических наук,
Заслуженный деятель науки РФ **Г. М. Фёдоров**

Дружинин А. Г.

Д76

Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ : монография / А. Г. Дружинин ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.

ISBN 978-5-9275-3665-8

Монография посвящена общественно-географической составляющей воззрений основоположников «евразийства» (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, П. М. Бицилли, Г. В. Вернадского, Г. В. Флоровского и др.) и её созвучности реалиям XXI столетия. Особое внимание уделено акцентированному в рамках евразийской доктрины видению «Евразии-России» как особой территориальной целостности, её специфическому положению в планетарной геополитической и геоэкономической структуре (в том числе и в дихотомии «Суша – Море»), приоритету для страны «внутриконтинентальных» экономических взаимодействий, а также русско-тюркских (туранских) историко-культурных «скрепов». Показано, что классики «евразийства» в своих трудах не только опирались на инструментарий географической науки (широко оперируя, в том числе, понятиями «область мира», «географический центр», «культурная зона», «приморский регион», «хинтерланд» и др.), но и культивировали в пространственном анализе динамический, основывающийся на принципах самоорганизации подход, подчёркивали приоритет культурно-духовных аспектов общественного развития, а также излагали (формируя, отстаивая «россиеориентированную» географическую картину мира) внятные (оказавшиеся в целом реалистичными) геостратегические прогнозы.

Книга предназначена для географов-обществоведов, а также для специалистов в области экономического, политологического и культурологического анализа глобального и регионального развития.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ 1918-00005

«Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции».

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-3665-8

УДК 911.3:327(470+571)(035.3)

ББК 26.8+66.4 (2 Рос)я44

Оглавление

Введение	5
1. «Россия-Евразия» – как «месторазвитие»: идея пространства, пространство идеи	17
1.1. Важнейшие общественно-географические «утверждения» основоположников евразийства и их созвучность «прорывным» научным идеям конца XIX – начала XX веков.....	19
1.2. Концепт «месторазвития»: «классические» смыслы и их актуализация.....	33
1.3. «Россия-Евразия»: мифологема, атавизм, или сохраняющая свою актуальность «прорывная» идея?...	50
2. «Морской принцип» в построении хозяйства Российского: факторы и векторы реализации	69
2.1. Евразийские векторы морской активности постсоветской России: «классические» идеи и современность	71
2.2. Мореориентированность «страны – континента» в новой глобальной реальности: основные детерминанты и приоритеты	87
2.3. Единая система морской деятельности Российской Федерации: концептуальный контур в контексте «большой» евразийской интеграции	99

3. Концепт «внутриконтинентальных соседств»: приоритеты и потенциал использования в интересах современной России	115
3.1. Идея «внутриконтинентальных соседств» в трудах основоположников «евразийства»	117
3.2. Поливариантность «внутриконтинентальных соседств» современной России: концептуальный подход.....	128
3.3. Взаимодействие Российской Федерации с её «внутриконтинентальными соседями»: особенности и проблемные ситуации в «зеркале» внешнеторговой статистики.....	135
4. Классическое евразийство о фундаментальном значении русско-тюркского взаимодействия: взгляд на прошлое, обращённый в будущее	153
4.1. «Тюркская тематика» в системе классического «евразийства»	155
4.2. Русско-тюркский этнодемографический баланс в СССР и в постсоветской Евразии: основные тренды.....	167
4.3. Евразийские форматы и приоритеты русско-тюркского взаимодействия в XXI веке: общественно-географическая составляющая.....	184
5. Геостратегический выбор России: «предчувствия» классиков евразийства и реалии XXI века	199
5.1. Евразийские альтернативы России: былое и грядущее.....	201
5.2. Большие и малые евразийские лимитрофы в новой глобальной реальности.....	224
Заключение.....	239
Библиография.....	245

Введение

«Каждое поколение научных исследователей, подмечал наш выдающийся соотечественник В. И. Вернадский, – ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени»¹. Замечу, что подобный поиск также может быть ориентирован на фундаменты и истоки сохранивших своё значение, актуальность **прорывных, опережающих идей**, которые, как подчёркивал Президент Русского географического общества С. Б. Лавров «не всегда срабатывают сразу, иногда находят полное выражение через десятки лет»². К числу последних, вне сомнения, относятся и концепты так называемого «евразийства», в свою очередь созвучные предшествующей пролонгированной российской интеллектуальной традиции (объединяющей такие имена как Н. Я. Данилевский, В. И. Ламанский, И. Гаспринский, В. П. Семёнов-Тян-Шанский и др.). Отдельные «евразийские» постулаты впервые были изложены в 1920 г. в брошюре «Европа и человечество»³, а затем, уже в более системном виде, озвучены в сравнительно небольшом по объёму сборнике «Исход к Востоку»⁴, изданном в Софии в 1921 году. За ним последовали и иные объединённые общим замыслом и подходами издания⁵,

¹ Вернадский В. И. Труды по истории науки. М.: Наука, 2002. С. 173.

² Лавров С. Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 35.

³ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. Российско-болгарское книгоиздательство. София, 1920. 82 с.

⁴ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. 135 с.

⁵ См.: На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. 357 с.; Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское

ознаменовавшие собой появление оригинального, напрямую сфокусированного на Россию и её интересы мировоззрения, изначально активно заявившего о себе и ставшего важным, неотъемлемым элементом не только российской, но и мировой интеллектуальной повестки. С тех пор миновало целое столетие, в течение которого взгляды основоположников «евразийства» то пребывали «в тени» иных доминантных идеологов, то вновь актуализировались, оказываясь высоко востребованными; временами их замалчивали, в иные эпохи – подвергали доскональному анализу и жесточайшей критике (местами домысливая, искажая), подчас воспринимали как маргинальные и, наряду с этим, тиражировали в дискурсе и по факту многопланово задействовали в «реальной политике».

Соотносимую с «евразийством» совокупность воззрений принято воспринимать преимущественно как политико-философскую¹, а также геополитическую² доктрину, стратегию выживания в современном мире³, цивилизационную идею⁴, а также попытку концептуального самоопределения России⁵. Имеют место, впрочем, и разноплановые характеристики «евразийства» в иной, пре-

книгоиздательство. Берлин, 1923. 175 с.; *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 60 с.; *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.; *Трубецкой Н. С.* К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Евразийское книжное издательство, 1927. 96. с.; Евразийство. Декларация, формулировки, тезисы. Издание евразийцев. Прага: Политика, 1932. 29 с. и др.

¹ *Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.

² *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 168 с.

³ *Ерасов Б. С.* Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. Политические исследования. 2001. № 5. С. 87–94.

⁴ *Лушников О. В.* Евразийская идея на современном этапе: цивилизационный, геополитический и геоэкономический аспекты // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 4. С. 174–186.

⁵ *Каганский В. Л.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.

имущественно негативной тональности: «разновидность русского утопизма»¹, «вариант националистической идеологии»², «авторитарный национализм»³ и, наконец, «тотальная идеология, с жесткими идейными схемами, с упрощениями и категорическими позициями по всем вопросам»⁴.

Характерно, при этом, что сами авторы первых «евразийских» текстов (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, П. М. Бицилли, Г. В. Вернадский, Г. В. Флоровский и др.) определяли своё интеллектуальное детище как *«идеологию»*⁵, *«систему мировоззрения и жизни»*⁶, а также *«миросозерцания»*⁷, *«политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира»*⁸.

За столь очевидным многообразием смысловых граней и аспектных характеристик чётко просматривается и ещё одна значимая (особенно для географов-обществоведов!) сторона «евразийства», являющего собой (по своему содержанию, сути) целостную, оформившуюся на очередном крутом «вираже» российской истории, специфическую **географическую картину мира**, вмещающую соответствующий инструментарий, аналитические обоснования, прогнозы, концепты. «Мы [евразийцы – А. Д.], – акцентировано в «Евразийском временнике» 1923 года

¹ Бердяев Н. А. Евразийцы // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.

² Кизеветтер А. А. Евразийство / Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.

³ Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2006.

⁴ Хоружий С. С. Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78–84.

⁵ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. С. 6.

⁶ Трубецкой Н. К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Евразийское книжное издательство. Берлин, 1927. С. 3.

⁷ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. 135 с.

⁸ Там же. С. 7.

издания, – *метафизичны и в то же время этнографичны, географичны»*¹.

Будучи активно развиваемыми и тиражируемыми в интеллектуальной среде русской эмиграции, идеи «евразийства» в дальнейшем эволюционировали и, по мере всё более широкого укоренения в пластах общественного сознания (в СССР, а позже – в Российской Федерации, ряде других постсоветских государств), – обретали всё новые и новые содержательные акценты, грани. Их идентификация и анализ, равно как и в целом историография данного политико-идеологического течения, периодизация его пролонгированного тренда (в котором не без основания выделяют как минимум четыре специфических временных этапа²), – интереснейшая, самостоятельная и в последние десятилетия интенсивно «осваиваемая» (в первую очередь российскими авторами³)

¹ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. с. 7.

² *Entin, M., Entina, E.* (2016) The new role of Russia in the greater Eurasi. *Strategic Analysis*. 40(6). С. 590–603.

³ См.: *Бердин А. Т.* Основные направления евразийства в постсоветской России // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2015. Т. 20. № 4 (80). С. 49–58; *Вахитов Р. Р.* Синтетический образ России-Евразии // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 193–200; *Верещагин А. С.* Критики и сторонники евразийства: современные течения и интерпретаторы // Вестник ВЭГУ. 2009. № 6 (44). С. 4–14; *Гарлик А. И.* Идеи евразийства в контексте современного развития России. Улан-Удэ, 2000. 364 с.; *Горяев А. Т.* Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2001. 160 с.; *Дугин А. Г.* Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея, 2002. 144 с.; Евразийство: философия, история, политика / под ред. О. Т. Кирсанова. Ростов-наДону: РГЭУ»РИНХ», 2006. 480 с.; *Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишкин М. Ю.* Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.; *Исаев И. А.* Евразийство: миф или традиция // Коммунист. 1991. № 12. С. 106–118; *Кайзер М.* Евразия: социальная реальность или миф? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 4. С. 40–58; *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004; *Лушников О. В.* Евразийская идея в России. Истоки и перспек-

исследовательская область. Сознательно оставляя её в целом за предметно-содержательными рамками предлагаемой вниманию Читателя книги, хотелось бы, вместе с тем, сфокусировать внимание на ряде значимых моментов.

Прежде всего, следует учитывать принципиальную обусловленность (предельно проявившуюся именно в постсоветский период) динамики и тональности евразийского дискурса геополитическими и геоэкономическими метаморфозами, равно как и фактическими векторами, приоритетами «реальной политики» (когда само внимание к «евразийству», к наследию его классиков – характеризуется выраженной «волнообразной» ритмикой, порождаемой и усиливаемой различного рода экзогенными импульсами).

Наиболее значительные по своей амплитуде «всплески» интереса к евразийским доктринам были инициированы, первоначально, «гласностью», а также кризисом и последующим разрушением СССР. Затем (с середины 1990-х гг.) ускоренное тиражирование, укоренение и эволюция евразийских идей (в том числе манифестация так называемого «неоевразийства»¹) – оказались обусловлены реакцией на новые (крайне неблагоприятные для Российской Федерации) геополитические реалии, а также первыми реинтеграционными импульсами на постсоветском пространстве.

С конца 2000-х гг. (когда в условиях проявившегося сдвига мирохозяйственной активности с Запада на Восток² и, соответственно, стремительно нарастающей геополитической турбулентности –

тивы. Пермь: ЦЕИ ПГГПУ, 2019; Люкс Л. Краткие заметки к дискуссии о «неоевразийстве» Александра дугина и о «классическом» евразийстве на сайте gefeter.ru // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 204–208; Маслин М. А. Классическое евразийство и его современные трансформации // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 201–210; Орлик И. И. Евразийство: от зарождения до наших дней // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 55–70; Пащенко В. Я. Идеология евразийства. М., 2000 и др.

¹ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 2000; Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея, 2002. 144 с.

² Barma, N., Ratner, E., & Weber, S. (2007). A world without the West. The National Interest, 90, 23–30; Zakaria, F. (2008). Post-American world. London: Allen Lane.

стали очевидными и зыбкость, недолговечность однополюсного мира, и иллюзорность связанных с ним ожиданий¹ «конца истории») евразийские идеи вновь возвращаются на интеллектуальную авансцену, что, кстати, достаточно наглядно иллюстрирует публикационная активность, учитываемая в ныне широко известной базе цитирования «Scopus»: если за 1995–1999 гг. в ней было размещено лишь 14 соответствующих (с ключевым словом «eurasianism») работ, то в 2000–2004 гг. – 17, 2005–2009 гг. – 27, в 2010–2014 гг. – 49 и, наконец, в 2015–2019 гг. – 99 статей и книг (рис. 1).

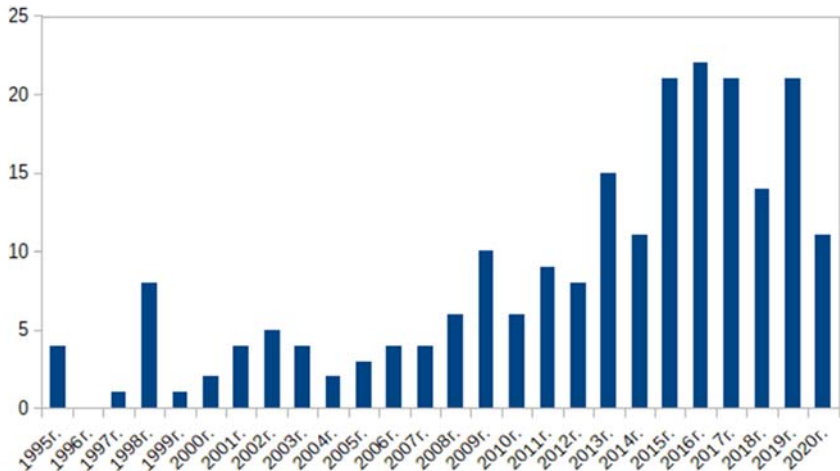

Рис. 1. Динамика научных публикаций с ключевым словом «eurasianism», размещённых в международной базе цитирований Scopus за 1995–2020 гг. (составлено автором; данные на декабрь 2020 г.)

Примечательно, что если в «скопусовских» публикациях начала 1990-х гг. преимущественное внимание уделялось презентации идей «евразийства» и их историографии², то с середины – конца первого постсоветского десятилетия в них всё явственнее про-

¹ Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М., 2004.

² Kosharnyi, V. P. (1995) Eurasianism as an Object of Interdisciplinary Synthesis. *Russian Studies in Philosophy*. V. 34, Issue 3, December 1995, Pages 6–9; Shlapentokh, D. V. (1997) Eurasianism: Past and present. *Communist and Post-Communist Studies*. 30(2), с. 129–151.

является преимущественно критический, геополитически ангажированный пафос¹; далее (с 1999 г.) – интерес к «евразийству» заметно снижается; превалируют (особым образом – в работах западных авторов) декларации маргинальности данного направления, его периферийности как в глобальной, так и российской интеллектуальной повестке². Однако с рубежа 2013 г. ситуация ощутимо преображается – евразийский дискурс не только активизируется (чему благоприятствует в том числе и реализация проекта Евразийского экономического союза³), но и в ещё большей мере интернационализируется. В фокусе внимания оказываются, в частности, вопросы становления «турецкого евразийства»⁴, «ка-

¹ *Laruelle, M. (2001) Alexandre Dugin: Esquisse d'un eurasisme d'extrême-droite en Russie post-soviétique. Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest. 32(3), c. 85–103; Ingram, A. (2001) Alexander Dugin: Geopolitics and neo-fascism in post-Soviet Russia. Political Geography. 20(8), c. 1029–1051; Smith, G. (1999) The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism. Transactions of the Institute of British Geographers. 24(4), c. 481–494.*

² *O'Loughlin, J. (2001) Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era. Geopolitics. 6(3), c. 17–48; Shlapentokh, D. (2007) Dugin, Eurasianism, and Central Asia. Communist and Post-Communist Studies. 40(2), c. 143–156; O'Loughlin, J., Kolosov, V., Gearóid Tuathail, G. T. (2011) Inside Abkhazia: Survey of attitudes in a de Facto state Post-Soviet Affairs. 27(1), c. 1–36.*

³ *Andarova, R., Khussainova, Z., Bektleyeva, D., Zhanybayeva, Z., Zhartay, Z. (2016) Eurasian economic union: Potential, limiting factors, perspectives. International Journal of Economic Perspectives. 10(3), c. 13–23; Zhanguzhin, R. (2013) The Eurasian Union concept: Political or civilizational? Central Asia and the Caucasus. 15(2), c. 20–32.*

⁴ *Akçali, E., Perinçek, M. (2009). Kemalist Eurasianism: An emerging geopolitical discourse in Turkey. Geopolitics. 14(3), c. 550–569; Aras, B., Fidan, H. (2009). Turkey and Eurasia: Frontiers of new geographic imagination. New Perspectives on Turkey. 40, c. 193–215; Eren-Webb, E. (2011) To which eurasia does Turkey belong? A comparative analysis of Turkish eurasianist geopolitical discourses Bogazici Journal. 25(2), c. 59–82; Erşen, E. (2013) The evolution of 'Eurasia' as a geopolitical concept in post-cold war turkey. Geopolitics. 18(1), c. 24–44; Wiederkehr, S. (2007) II. Eurasianism as a reaction to Pan-Turkism. International Studies in Sociology and Social Anthropology. 102, c. 39–60; Yanık, L. K. (2019) Debating Eurasia: Political travels of a geographical concept in turkey // [Avrasya'yi Tartışmak: Coğrafi Bir Kavramın Türkiye'deki Siyasi Yolculuğu] Uluslararası İlişkiler. 16(63), c. 33–50.*

захстанского евразийства»¹, по ряду аспектов тяготеющего к евразийским идеям неотуранизма в Венгрии², а также евразийские интересы и стратегии Китая (соотносимые, главным образом, с реализацией мегапроекта «Один пояс, один путь»³).

С рубежа 2015–2016 гг. «евразийская тематика» вновь обретает дополнительные грани и импульсы – теперь уже в связи с трансконтинентальными интеграционными процессами, поиском Российской Федерацией новых векторов и форматов внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества (их манифестом и воплощением стал активно «продвигаемый» рядом ведущих российских политологов-международников и географов-обществоведов концепт «Большой Евразии»⁴).

Пролонгированный процесс восприятия, осмысления и адаптации «стартовых» евразийских идей их адептами из последую-

¹ *Baigabylov, N. O., Maslov, K. B., Kozybayeva, M. M., Tuleubayev, Z. Z.* (2013) The current development trends of relations between kazakhstan and turkey: The eurasian idea, the religious question and migration in the context of studying social history. *Middle East Journal of Scientific Research*. 16(12), с. 1648–1652; *Beloglazov, A. V., (2015) Akhmetzyanov, I. G.* Russian-Kazakh cooperation as a factor in the implementation of the Eurasian idea *Journal of Sustainable Development*. 8(5), с. 176–183; *Mostafa, G.* (2013) The concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian policy and its implications. *Journal of Eurasian Studies*. 4(2), с. 160–170.

² *Akçali, E., Korkut, U.* (2012) Geographical metanarratives in east-central Europe: Neo-turanism in Hungary *Eurasian Geography and Economics*. 53(5), с. 596–614.

³ *Yilmaz, S., Changming, L.* (2018) China's 'Belt and Road' Strategy in Eurasia and Euro-Atlanticism. *Europe – Asia Studies*. 70(2), с. 252–276.

⁴ *Бордачёв Т.* Новое евразийство // *Россия в глобальной политике*. 2015. № 5. [Электронное издание] <https://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754> (Дата доступа – 23.08.2020); *Безруков Л. А.* Географический смысл создания «Большой Евразии» // *География и природные ресурсы*. 2018. № 4. С. 5–14; *Дружинин А. Г.* Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.; *Караганов С.* Новые идеи для себя и мира // *Россия в глобальной политике*. 2020. № 2. С. 21–32; *Котляков В. М., Шупер В. А.* Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // *Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред. В. М. Котлякова и В. А. Шупера. Вопросы географии*. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 357–372.

щих возрастных генераций, равно как и задействование отдельных положений и подходов «евразийства» в иных (основывающихся не на российской традиции) геополитических построениях (например, фиксируемое турецкими авторами¹ некоторое совмещение идеологием «евразийства» с неоосманизмом и пантюркизмом) – сопровождаются ростом плюралистичности, инвариантности «евразийства», углублением концептуально-содержательной дистанции между современными интерпретациями «евразийской идеи» и мировоззренческими установками её основоположников. Последние в отечественной литературе по евразийской тематике принято ныне идентифицировать преимущественно как «**классическое евразийство**», вкладывая в данное словосочетание сущностное единство **времени** (здесь имеются ввиду прежде всего 1920-е годы², хотя отдельные авторы относят к евразийской «классике» и весь предвоенный период³, и даже творчество Л. Н. Гумилёва⁴), **места** (Балканы, Центральная, а затем и Западная Европа; ареал расселения российской эмиграции «первой волны»⁵), **персоналий** (в первую очередь – Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого с ближайшими сподвижниками), а также их совместно нарабатыва-

¹ *Eren-Webb, E.* (2011) To which eurasia does Turkey belong? A comparative analysis of Turkish eurasianist geopolitical discourses *Bogazici Journal*. 25(2), с. 59–82; *Erşen, E.* (2013) The evolution of 'Eurasia' as a geopolitical concept in post-cold war turkey. *Geopolitics*. 18(1), с. 24–44.

² *Верещагин А. С.* Критики и сторонники евразийства: современные течения и интерпретаторы // Вестник ВЭГУ. 2009. № 6 (44). С. 4–14; *Бердин А. Т.* Основные направления евразийства в постсоветской России // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2015. Т. 20. № 4 (80). С. 49–58; *Хоружий С. С.* Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78–84.

³ *Шупленков О. В.* Проблемы периодизации евразийства // Белые пятна российской и мировой истории. 2012. № 1. С. 50–66.

⁴ *Кюфнер Ю.* Евразийство: классическое, прагматическое, общественное [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eurasian-movement.ru/archives/747> (дата обращения – 22.08.2020).

⁵ *Кайзер М.* Евразия: социальная реальность или миф? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 4. С. 40–58.

емых и излагаемых **представлений о России**, её положении в изменившемся (и продолжающем далее трансформироваться) Мире.

Научные воззрения «классического евразийства» (а именно их инвентаризации, анализу, равно как и оценке современного эвристического потенциала – главным образом и посвящена данная книга), формировались в специфической *«атмосфере катастрофического мироощущения поворотного, а не только переходного времени»...*, в *«эпоху вулканических сдвигов»*¹. Культивируемое основоположниками «евразийства» видение исторических процессов и пространственных структур, в этой связи, – транзитивно, «размыто», внутренне противоречиво и, одновременно, – логично, многомерно, диалектично, во-многом ориентировано не только на события прошлого, но и на перспективу. Ныне, в первые десятилетия XXI века, когда глобальные геополитические и геоэкономические процессы вновь (как и столетие назад) сполна являют свою турбулентность², а многоаспектные метаморфозы охватили в том числе и собственно «евразийское пространство»³, продуктивный (столь необходимый, актуализированный⁴) поиск новых векторов и стратегий развития России – вряд ли возможен вне опоры на общеконцептуальный контур и содержательный конструктив «евразийской идеи». Это инициирует её «новое прочтение», переосмысление, а также корректную адаптацию соответствующих базовых положений.

Каков основной географический (и в первую очередь общественно-географический) «посыл» и содержательно-смысловой, концептуальный стержень «классического евразийства»? На-

¹ Евразийство. Декларация, формулировки, тезисы. Издание евразийцев. Прага: Политика, 1932. С. 3–4.

² Шупер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21.

³ Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.

⁴ Караганов С. Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32.

сколько соответствует превалирующая в современном дискурсе презентация идей первых апологетов «евразийства» их изначальной сути, духу, потенциалу? Как ныне (с учётом произошедших в три последних десятилетия кардинальных метаморфоз в Евразии) наиболее корректно воспринимать и интерпретировать сердцевинные для мировоззрения классиков «евразийства» пространственные категории «Россия-Евразия» и «месторазвитие», а также сопряжённые с ними идеи позиционирования России в системе «Суша-Море», приоритета «внутриконтинентальных соседств» и особой, фундаментальной роли в этнокультурной структуре и истории нашей страны славяно(русско)-тюркского симбиоза? Способны ли, должны ли базовые постулаты евразийской доктрины видоизменяться и каковы возможности, векторы соответствующих метаморфоз? Каков потенциал «евразийского видения» сущности и перспектив нашей страны в современной, крайне неустойчивой, динамичной реальности, стремительно преобразуемой общепланетарным политико-экономическим кризисом и «подстегнувшей» его коронавирусной пандемией (когда, как полагают, имеет место в том числе и «переход от мира глобализации к миру национально-ориентированных экономик»¹)? Предлагаемая книга (продолжающая уже более чем двадцатипятилетние усилия её автора по изучению евразийских факторов, приоритетов и векторов постсоветского развития нашей страны²) являет собой

¹ *Фененко А.* Чёрные лебеди глобализации. Российский совет по международным делам. [Электронное издание] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-globalizatsii/> (Дата обращения – 15.08.2020)

² *Дружинин А. Г., Суций С. Я.* География русской культуры: подходы к исследованию // *Известия русского географического общества.* Т. 125. Вып. 6, 1993; *Дружинин А. Г.* Русский регионализм: явление в контексте геотнотультурогенеза // *Научная мысль Кавказа.* 1996. № 1. С. 5–18; *Дружинин А. Г.* Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилёва // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилёва.* 2012. С. 51–57; *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // *Социально-экономическая география.* Вестник Ассо-

попытку получить ответ на эти и некоторые другие сопряжённые с ними вопросы. Хочется надеяться, что данное издание вызовет интерес у читателей, а содержащиеся в нём концептуальные положения и аналитика окажутся востребованными, позволят лучше понять, адекватней осмыслить, полнее оценить сформулированные столетием ранее идеологемы «классического евразийства» не только как неотъемлемую, органичную составляющую нашего научно-интеллектуального Наследия, но и конструктивную, не исчерпавшую свой потенциал доктрину адаптивного (учитывающего евразийские факторы, особенности и приоритеты) развития России, ориентированную на её позитивную перспективу.

циации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36; *Дружинин А. Г.* Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 228 с.; *Дружинин А. Г.* Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 24–38; *Дружинин А. Г.* Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.; *Дружинин А. Г.* Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общественно-географические проекции // География и природные ресурсы. 2020. № 2. С. 5–14; *Дружинин А. Г.* Классики «евразийства» о русско-тюркском взаимодействии (взгляд на прошлое, обращённый в будущее) // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 3–15; *Дружинин А. Г.* Концепт «внутриконтинентальных соседств» в идеологемах основоположников «евразийства» // Научная мысль Кавказа. 2020. № 2. С. 5–13 и др.

**1. «РОССИЯ-ЕВРАЗИЯ» – КАК «МЕСТОРАЗВИТИЕ»:
идея пространства, пространство идеи**

1.1. Важнейшие общественно-географические «утверждения» основоположников евразийства и их созвучность «прорывным» научным идеям конца XIX – начала XX веков

Идея **пространства** в «классическом евразийстве» – выступает одной из базовых, а широко применяемые географические (в том числе и общественно-географические) подходы, в свою очередь, являются отправным моментом всех иных (культивируемых в рамках данного интеллектуального течения) мировоззренческих установок, схем, конструкций.

Евразийские идеи в 1921 году начали развивать и пропагандировать недавние выпускники российских университетов (князю Н. С. Трубецкому к тому моменту исполнился 31 год; все остальные его соавторы по первому коллективному сборнику «Исход к востоку» – были ещё моложе), по своей базовой квалификации и профильным научным интересам являвшиеся историками, филологами, лингвистами, этнографами, литературоведами, психологами и, даже, теологами (лишь П. Н. Савицкий, получивший высшее экономическое образование в Санкт-Петербурге, имел предрасположенность к собственно экономико-географическому анализу). Развиваемые ими в рамках «евразийства» идеи соответственно имели преимущественно историософскую, культурологическую, теологическую и политико-экономическую направленность. Вмещали они, впрочем, и выраженный **географический аспект**, связанный преимущественно с предложенной и обосновываемой данным интеллектуальным сообществом системой ключевых для него геоконцептов: «Евразия», «евразийский мир», «месторазвитие», «Россия – Евразия». Общая «россиеориентированность» научного поиска основоположников «евразийства» сочеталась, при этом, с многоплановыми по-

пытками оценить воздействие компонент географической среды на историко-культурные процессы, охарактеризовать общепланетарный хозяйственный и политический контекст развития нашей страны. Зачастую зримо присутствуя, временами непроизвольно уходя на второй план, территориальные структуры и процессы имели для подавляющей части представителей «классического евразийства», конечно же, во-многом «инфраструктурное», второстепенное значение, выступали преимущественно фундаментом, и каркасом базирующегося на междисциплинарных подходах коллективного творчества. Но именно классическое университетское образование, дополняемое полилингвизмом, личным (для большинства – разнообразным и насыщенным) опытом глубокого (в том числе связанного с эмиграцией) познания разнородного пространства – позволило первым «евразийцам» не только воспринять, но и синтезировать, творчески осмыслить (и, по ряду моментов, предвосхитить, развить) многие мейнстримовские для географической науки конца XIX – начала XX вв. подходы, представления, концепты.

Этот период для географической науки (в том числе и российской) был во-многом трансформационным, переломным (А. Г. Исаченко характеризует его как время «глубокого кризиса»¹, а Ю. Г. Саушкин, анализируя эволюцию географической мысли, констатирует, что в конце XIX столетия экономико-географические подходы «сильно обмельчали»²). Это, кстати, не только лимитировало процесс познания пространственных объектов и процессов (формируя своего рода «отложенный спрос» на внятную, адекватную географическую картину мира), но и порождало благоприятные возможности (создавало мотивацию) для столь необходимого (в том числе и при формировании «евразийской» доктрины) заимствования новых идей, для смелых межпредметных обобщений и творческих «прорывов».

¹ *Исаченко А. Г.* Историзм в географии и поляризация основных направлений её эволюции // Известия РГО. 2011. Вып. 3. С. 1–16.

² *Саушкин Ю. Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. С. 73.

Основоположники евразийства (в первую очередь – П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский), судя по опубликованным ими статьям, тематическим сборникам и книгам, были хорошо осведомлены об основных инструментальных и концептуальных новациях географической науки того периода. В своих трудах они неизменно оперировали такими понятиями как «географическая среда», «область мира», «географический центр», «культурная зона», «приморский регион», «хинтерланд». «Географическая составляющая» первых «евразийских» текстов характеризуется приоритетным вниманием (закономерным для эпохи, когда понимание географии как науки естественноисторической являлось широко укоренённым, общепризнанным¹) к природоведению (акцент на присущие русской природе «черты грандиозности»², на некое «географическое задание» для страны³, на существенность фактора широтной зональности в развитии культур, на особую роль тех или иных природных ландшафтов в российской истории, на физико-географическую «предначертанность» государственных границ и др.).

На природоведческом «фундаменте» основоположники классического евразийства в существенной мере выстраивали и свои страноведческие подходы, включая, разумеется, и сам концепт «**России – Евразии**» (совершенно справедливо воспринимаемый и столетие назад⁴, и сейчас⁵ – как сердцевинный элемент всей связанной с классическим евразийством интеллектуальной конструкции). Физико-географические детерминанты первоначально превалировали и при разработке первыми «евразийцами» пред-

¹ Исаченко А. Г. История географической науки как эстафета поколений учёных. Часть 1 // Известия РГО. 2012. Вып. 1. С. 1–16.

² Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 89.

³ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 60 с.

⁴ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. 319 с.

⁵ Лушников О. В. Классическое и современное евразийство: проблема преемственности идейного комплекса // Научный Татарстан. 2020. № 3. С. 129–140; Орлик И. И. Евразийство: от зарождения до наших дней // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 55–70.

ставлений о территории «России – Евразии» как особого пространства зарождения и функционирования русского этноса – его «месторазвития».

Сфокусированность классического евразийства на «россиеведческой» проблематике и попытка наполнить привычные, устоявшиеся понятия «Россия» и «Евразия» новыми фундаментальными смыслами, высветить и акцентировать устойчивую сопряжённость динамики русского этноса (и его культуры) с факторами и аспектами (природными, этнокультурными, хозяйственными) развития формируемого и осваиваемого им пространства – уже многие десятилетия неизменно констатируется практически во всех посвящённых феномену «евразийства» науковедческих публикациях¹. Впрочем, концептуальное, важнейшее для идеологии «евразийства» значение формулы «Россия – Евразия», равно как теснейшим образом увязанной с ней идеи «месторазвития» подчёркивали и сами их авторы и популяризаторы.

Наше интеллектуальное течение «...начинает с утверждения самобытности культурного мира России – Евразии»², – именно так, предельно чётко, в 1929 г. охарактеризовал в очередном «Евразийском сборнике» важнейший компонент доктрины один из её разработчиков Н. Н. Алексеев. Этот же тезис был озвучен и в 1931 г. П. В. Логовиковым (этот псевдоним использовал П. Н. Савицкий) в другом издаваемом «евразийцами» сборнике «Тридцатые годы»³. Исследовательский «фокус» на территорию и связанные с ней

¹ Гарлик А. И. Идеи евразийства в контексте современного развития России. Улан-Удэ, 2000. 364 с.; Горяев А. Т. Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2001. 160 с.; Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея, 2002. 144 с.; Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишкин М. Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.; Каганский В. Л. Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М.: Наука, 2004. С. 201–216 и др.

² Евразийский сборник. Книга VI. 1929. С. 13.

³ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 63.

процессы оказался, при этом, настолько осмыслен, значим, что это чётко, напрямую проявилось в самоназвании формируемой доктрины, неизменно, уже с 1921 года (т. е. с первой коллективной публикации), именуемой её авторами именно как **«евразийство»**.

Страноведческие «россиеориентированные» и базирующиеся на естественноисторической традиции подходы классического евразийства возникли, конечно же, не на «пустом месте».

Определённое влияние на них, безусловно, оказали пионерные для того периода труды А. Гетнера, считавшего именно страноведение «истинной географией»¹ и, следовательно, основным объектом анализа видевшего конкретный пространственный ареал, вмещающий присущий ему «набор» природных и социально-экономических явлений (сами «человеческие проявления» в подобном ареале виделись обусловленными природными факторами²).

Первые «евразийцы», вне сомнения, были знакомы и с антропологическими теориями Ф. Ратцеля³, также ставившего социально-экономические процессы в прямую зависимость от соответствующих географических условий, равно как и акцентировавшему фактор «пространства» в международной политике, полагавшему, что большие по площади государства по самой своей сути должны стремиться к территориальной экспансии (симптоматична, показательна, в этой связи, близость терминологического аппарата раннего евразийства и немецкой геополитики, на что, в частности, обращал внимание В. Л. Цымбурский⁴).

Учитывая глобальные интеллектуальные веяния и будучи хорошо осведомлены о массиве опубликованной к тому периоду географической и экономической литературы, авторы «евразийских»

¹ Крылов М. П. Роль фактора пространства в науках об обществе и культурная география // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 2. С. 16–28.

² Сухова Н. Г. Хорологическая концепция в российской географии // Известия РАН. Серия географическая. 2018. Т. 150, вып. 3. С. 59–78.

³ Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого), Отдел V // Геополитика: Хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. СПб.: Питер, 2007.

⁴ Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.

текстов располагали обширной информацией и об экономико-географических процессах в современном им мире, могли в полной мере осознавать меру, глубину неравномерности хозяйственного и социального развития отдельных регионов планеты. Превалирующее внимание, при этом, уделялось «евразийцами» непосредственно самой России: исторической траектории нашей страны, особенностям её до- и постреволюционной динамики, вероятностной («предчувствуемой») лидерами классического евразийства, их последователями и сподвижниками) перспективе. И именно российские реалии (равно как и предшествовавшие «евразийству» попытки их анализа) оказали, вне сомнения, глубинное и наиболее существенное влияние на культивируемые Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким и их соавторами идеи и подходы.

Испытав горечь поражения в Крымской (Восточной) войне (1853–1856 гг.), часть российского интеллектуального сообщества впервые начала ощущать, осмысливать не только масштаб обозначившегося противостояния между Российской Империей и другими европейскими державами, но и (что существенно важнее!) цивилизационную «несхожесть» России и Запада. Классическое евразийство естественным образом «впитало» в себя, в этой связи, и «антизападнические» настроения Н. Я. Данилевского (чьей манифестацией стал опубликованный в 1869 году концептуальный труд «Россия и Европа»¹), и идеи В. Н. Ламанского, ещё в 1892 г. заявившего о наличие особого «Среднего мира» («не настоящей Европы и не настоящей Азии» с «господством... русской государственности и русского языка»²), причём, характерно, что основоположники «евразийства» сами ссылаются на данного автора как фактического «первооткрывателя» соотносимого далее с «Россией – Евразией» «срединного материка»³.

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа М.: Книга, 1991. 576 с.

² Ламанский В. Три мира Азийско-Европейского материка. Санкт-Петербург, 1892. С. 3.

³ *Евразийский временник. Непериодическое издание* / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 175 с.

Владимир Иванович Ламанский идентифицировал сердцеви́ный для классического евразийства пространственный объект, но не дал пояснений ни о сущностных его характеристиках, ни о факторах формирования. Эта задача была целенаправленно и системно реализована непосредственно в рамках классического евразийства, сумевшего, как это трактуется российскими географами спустя столетие, сфокусировать внимание на «идеологической и образной значимости географического пространства для российской цивилизации»¹. И именно предложенная Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким и их единомышленниками формула «Россия-Евразия» (подкрепленная историко-этнографической, экономико-географической, социокультурной и геополитической фактурой и аргументацией) оказалась не только созвучной своей эпохе, но и многими содержательными моментами (что стало предельно отчётливо видно к концу XX века²) ориентированной на долгосрочную перспективу.

Становлению «евразийских» взглядов на пространственные структуры и процессы (равно как и на историю нашей страны) не могли не благоприятствовать и реалии геополитики второй половины XIX столетия, когда, как отмечает в своей известном (в том числе и первым «евразийцам»³) научном произведении «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ульянов (Ленин) «начинается громадный «подъем» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира»⁴. Именно в эти времена (вполне логично идентифицированные уже в постсоветский период как «евразийская» фаза отечественной истории⁵), успешно завершив войну на Кавказа,

¹ *Замятин Д. Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71.

² *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000. 156 с.

³ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. 319 с.

⁴ *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 375.

⁵ *Цымбурский В. Л.* Дваждырождённая «Евразия» и геостратегические циклы России // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 5–33.

Российская Империя далее последовательно включает в свой состав территории Средней Азии, а также Приморья и Приамурья. В итоге, с 1847 по 1896 гг. российская юрисдикция устанавливается почти над 2,7 млн км² новых земель¹, в том числе и местами достаточно плотнозаселёнными. На этом фоне вынашиваются планы (и обсуждаются возможности²) по присоединению к России Восточного Туркестана, а на Дальнем Востоке реализуется проект так называемой «Желтороссии».

К началу первой мировой войны владения Российской Империи вмещали 22,8 млн км² (по этому показателю Россия уступала в мире лишь Великобритании³, чьи рубежи охватывали 33,8 млн км²). Обширнейшая территория становится важнейшей составляющей государственного имиджа, статуса, обретает ценностный характер (как подмечает Д. Н. Замятин, именно в XIX в. складывается понимание российского пространства как мощного цивилизационного и общественного института⁴), что, кстати, полностью соотносилось с характерным для того периода аграрным обликом страны (согласно Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года 86,6 % всего населения проживало за пределами городов⁵). Превалирующее в интеллектуальной части российского социума мироощущение чётко выразил в 1907 году в своей работе «К познанию России» Д. И. Менделеев: «Земля навсегда останется первою основою народности и

¹ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 103.

² *Пржевальский Н. М.* Четвёртое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашёва, 1888. 556 с.

³ *Supan A.* Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien. 1906.

⁴ *Замятин Д. Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–90.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905.

государственности»¹. Характеризуя Россию как «срединный мир» и размышляя о путях обеспечения его территориальной целостности, кстати, именно Дмитрий Иванович чётко и резонансно сфокусировал внимание на неправомерности, нецелесообразности, заведомой произвольности укоренившегося, ставшего обыденным разделения российского пространства на Россию европейскую и Россию азиатскую². Акцентированную им проблематику далее развил В. П. Семёнов-Тян-Шанский в геополитическом очерке «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1915 г.), где, в частности, впервые предложил геоконцепт «Русской Евразии» (мыслимой им «от Волги до Енисея»³).

Сам топоним «Евразия», впрочем, к тому моменту уже прочно укореняется в общемировом геополитическом дискурсе, причём, в огромной мере, благодаря творческой активности британского географа Х. Маккиндера, акцентировавшего пролонгированное противостояние «Суши» и «Моря», а также на наличие в массиве «Евро-Азии» особой «Сердцевинной земли»⁴, в реалиях конца XIX – начала XX вв. напрямую отождествляемой им с Российской Империей. Данный подход не только в ещё большей мере ментально дистанцировал Россию от остального «цивилизованного мира» (чьей доминантой, лидером, выступала Великобритания), но и всячески подчёркивал её географически обусловленное своеобразие. В его русле Россию стали рассматривать и как одну из самостоятельных, специфических «главных хозяйственных областей»⁵.

Получая от всей этой совокупности идей и обстоятельств мощную интеллектуальную и информационную «подпитку», клас-

¹ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 53.

² Менделеев Д. И. К познанию России. СПб: Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.

³ Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.

⁴ Mackinder, H. J. «The geographical pivot of history». The Geographical Journal, 1904, 23, pp. 421–437.

⁵ Calwer, R. Einführung in die Weltwirtschaft. Brl., 1906.

сическое евразийство, тем не менее, отнюдь не свелось к компилятивным обобщениям и концептуально-терминологическим ре-мейкам – его идеологи, лидеры, адепты последовательно форми- ровали, развивали, корректировали собственные оригинальные мировоззренческие конструкты и научные подходы.

Опираясь на наработанные к началу XX столетия геополити- ческие схемы, а также превалирующие в тот период физико- и эконо- мико-географические идеи, осмысливая обширнейший истори- ко-географический материал, основоположники «евразийства», в частности, впервые чётко высветили (и обосновали) **многооб- разие путей общественно-исторического развития** и, следо- вательно, структурную множественность, инвариантность обще- ственно-географической динамики (предвосхитив базовый посыл современного нам географического миропонимания, предельно изящно сформулированный М. П. Крыловым: «Мир = миры. Мир бесконечно разнообразен»¹).

Предложенное в рамках классического евразийства методо- логическое обоснование полицентризма и многолинейности со- циально-исторического процесса (в настоящее время совершенно справедливо воспринимаемое в качестве основного «стержня» всей «евразийской идеи»²) позволило сформулировать и ещё одну весьма значимую мировоззренческую позицию – о принци- пальной **равноценности** исторически сформировавшихся **наро- дов и соответствующих им культур**. «Мы не верим, подчёркивал П. Н. Савицкий, чтобы существовали народы, предназначенные на- веки быть избранными носителями культуры»³ Данная принци- пальная позиция способствовала генерированию представителя- ми «евразийства» ещё одного важного (созвучного, в частности, превалирующим современным представлениям, что «все выводы

¹ Крылов М. П. Роль фактора пространства в науках об обществе и культур- ная география // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 2. С. 17.

² Орлова И. Б. Евразийская идея: от истоков к современности // Социально- гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 187–201.

³ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. III.

в социально-экономической географии в той или иной степени релятивны»¹) мировоззренческого постулата: *«Истин столько же, сколько культур»*².

Стараясь высветить влияние на социально-экономические процессы (на «развитие культур») феномена природной зональности, факторов «океаничности» и «внутриконтинентальности», оценить ресурсный (в первую очередь, природно-ресурсный) потенциал хозяйственного и этнического развития, первые «евразийцы» в своих трудах, оперируя категорией «месторазвитие», тем самым, чётко акцентировали и фундаментальное в пространственном анализе значение феномена **«место»**, и, соответственно, всю проблематику локализации (основу географического миропонимания³) социокультурных и хозяйственных процессов как таковую.

Несомненным сильным местом культивируемых классическим евразийством подходов является и их выраженная **междисциплинарность**, дополняемая стремлением сформировать **системное представление** об анализируемых процессах, объектах. Так, в опубликованном в 1931 году сборнике «Тридцатые годы» П. Логовиков (П. Н. Савицкий) в своей статье «Научные задачи евразийства» констатируя, что *«логика научного развития... ведёт к тому, чтобы схвачено было единой синтетической формулой пространство русского мира»*⁴, обосновывает необходимость свести исследования «России – Евразии» в *единую «картину-систему»*, призывает *«видеть пространство во все стороны от описываемого участка, чтобы каждое такое описание вводило конкретное и детальное в совокупность явлений»*⁵. Этот крайне важный для адекватного миропонимания системный взгляд на общественно-географическую

¹ Горкин А. П. О релятивности показателей и понятий в социально-экономической географии // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 1. С. 8–16.

² Полковников Г. Н. Диалектика истории. Издание евразийцев. Париж, 1931. С. 168.

³ Тютюнник Ю. Г. О феномене географии // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 6. С. 8–18.

⁴ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 53.

⁵ Там же. С. 57.

реальность реализовывался в работах классического евразийства столь чётко и последовательно, что остаётся методологически значимым, продолжает привлекать к себе внимание вплоть до наших дней (так, к примеру, В. Л. Каганский, в целом ставя под сомнение евразийские представления о пространстве России, тем не менее, абсолютно справедливо указывает на присущее идеологемам «евразийства» нерасчлененно-синкретическое единство триады «пространство = общество = государство»¹). Весьма и весьма высоко оценил реализованный основоположниками классического евразийства императив междисциплинарного синтеза Л. Н. Гумилёв (блестящий продолжатель и популяризатор данного научного направления), видя главное достижение «евразийства» в продуктивном объединении таких наук, как история, география и природоведение².

«Евразийские» тексты (в первую очередь историко- и экономико-географические) служат и прекрасным образцом рассмотрения тех или иных явлений **в их динамике, в развитии**. Это касается не только всей совокупности евразийских представлений о мире и России в целом, но и отдельных конкретных частностей. Так в публикациях классиков евразийства (особенно в статьях П. Н. Савицкого) многократно и самым детальным образом рассматривается «степная тематика». *«Степь, в которую глядит Россия, отмечает Пётр Николаевич, – есть степь историческая; это степь тюрков и монголов»*³. Однако, как подчёркивает он далее, по мере того как шло многовековое включение степных просторов Евразии в пространство русской государственности и культуры, а степи вовлекались в земледелие, сами русские становились в том числе и «степным народом». *«Важнейшим историческим фак-*

¹ Каганский В. Л. Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М.: Наука, 2004. С. 201–216.

² Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). 606 с.

³ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 347.

том после татарской эпохи, констатировал П. Н. Савицкий, стало распространение русской народности на степь, политическое и этнографическое освоение степи. В начале XX века процесс этот завершился заселением черноморских и азовских, а также части каспийских и среднеазиатских степных пространств». Своеобразие русского отношения к степи заключается в том, что русская этнографическая стихия превращает это, от века отданное кочевому быту пространство, в земледельческую область»¹. «Лесной и земледельческий народ российский за последние века стал также степным»².

Частично трансформировались (под влиянием российских и общепланетарных общественно-географических метаморфоз) и базовые концептуальные установки классического евразийства. Если в 1921 году (когда Россия – РСФСР на непродолжительный период в целом, практически, «выпала» из мирохозяйственных взаимодействий) акцентировалась «континентальность» страны, то всего десятилетие спустя «евразийцы» (в лице П. Н. Савицкого) столь же чётко актуализировали новую для «России – Евразии» повестку: «разворота к океану». Существенно (в позитивном ключе) видоизменялось и отношение основоположников «евразийства» к идеям большевизма, к Советской власти (по мере того, как целый ряд евразийских идей получал в СССР своё фактическое воплощение). В трудах классического евразийства наблюдался и постепенный (в русле универсального, присущего всей науке тренда) отход от установок географического детерминизма (когда идея «месторазвития» стала обретать не только свой природный, но и хозяйственный, политико-географический контур).

Культивируя пространственно-временной анализ, основоположники «евразийства» продемонстрировали образцы и вполне успешного геоэкономического, геополитического прогнозирования (предугадав, в частности, и политико-экономическое глобаль-

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 346–347.

² Там же. С. 350.

ное «возвышение» США, и преимущественно «западническую» перспективу существования российской экономики).

«Евразийские» подходы и идеи, в итоге, не только оказались абсолютно созвучными периоду их становления, зарождения, не только прекрасно иллюстрируют характерный для начала прошлого столетия интеллектуальный контекст, но и по целому ряду моментов, существенно опередив своё время, поныне сохраняют безусловный инновационный научно-концептуальный и мировоззренческий потенциал, способны служить ориентиром в условиях растущей геостратегической нестабильности, неопределённости. Само наследие классического евразийства требует, при этом, не догматического, аналитического (подчас критического), адаптивного, учитывающего весь масштаб меняющихся глобальных и российских обстоятельств подхода. Сказанное относится и к такой архиважной составляющей творческого наследия основоположников «евразийства» как теория «месторазвития».

1.2. Концепт «месторазвития»: «классические» смыслы и их актуализация

Категория «месторазвитие» – одна из основополагающих, ключевых во всём интеллектуальном наследии классического евразийства. Именно она воплощает наработанные данной научно-идеологической доктриной представления о пространстве «России – Евразии», его границах, о географических факторах и форматах становления российской государственности и русской культуры.

Впервые термин «месторазвитие» используется уже в 1921 году в сборнике «Исход к востоку». Далее соответствующее понятие фигурирует практически во всех «евразийских» изданиях, однако реальное, завершённое содержательное «наполнение» получает лишь ко второй половине 1920-х годов, прежде всего в трудах П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Н. С. Трубецкого. И подобный более чем пятилетний временной «лаг» – не случаен; он отражает реальное развитие пространственных аспектов «евразийской идеи», свидетельствует о серьёзных изменениях в мировоззрении лидеров «евразийства». Генерируемые ими и очерчиваемые формулой «*Россия-Евразия как целостное месторазвитие*»¹ представления объединяют целый ряд и поныне сохраняющих свою актуальность смыслов и идей.

Первая из них, как видится, – **историческая** (историко-культурная и историко-геополитическая). В её основе – попытка соотносить, увязать современный основоположникам «евразийства» территориальный контур Российской Империи – РСФСР с ранее развивавшимися примерно в этом же ареале крупнейшими евразийскими державами, высветить эффект геополитической и куль-

¹ *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Часть первое. Евразийское книгоиздательство, 1927. 264 с.

турно-поведенческой преемственности («колеи») между ними и Россией, доказать «естественноисторическую» обусловленность рубежей страны, акцентировать в том числе и степные, туранские сущностные социокультурные черты «России – Евразии».

*«Россия – наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии»*¹. Этот изначально присутствующий в «классическом» понятии «месторазвитие» содержательный аспект был для «евразийцев» столь концептуально значим, что затем, при более масштабном, углублённом исследовании истории степных народов и культур (осуществлённом уже в 1950–1980-е годы Л. Н. Гумилёвым²), проявилась симптоматичная двойственность в идентификации географических границ «Евразии». Не отрицая превалирующий в классическом евразийстве концептуальный посыл – «Россия = Евразия», Лев Николаевич, одновременно понимал евразийское пространство и в его более «усечённом» контуре (ориентированном на ландшафты степей, тысячелетиями вмещавшими, генерировавшими кочевые народы): как «степную полосу от Хингана до Карпат, ограниченную с севера «таежным морем», т. е. сплошной полосой леса, а с юга пустынями и горами»³.

Вторая воплощённая классическим евразийством в категории «месторазвитие» идея – акцент на **сопряжённости эволюции этноса** (его культуры, государственности) **и динамики освоенного** (и осваиваемого, формируемого) **им пространства**. *«Русский народ, – подчёркивал Г. В. Вернадский в своей фундаментальной работе «Начертание русской истории», – рос и развивался... в определённой среде и на определённом месте»*⁴. И возникающая, в итоге, *«связь народа с государством, которое этот народ образует, и с пространством, которое он себе усваивает, с его месторазвитием»*⁵, –

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 346.

² Гумилёв Л. Н. Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967. 504 с.; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с. и др.

³ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. 508 с.

⁴ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 5.

⁵ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское

полагает далее Георгий Владимирович – не случайна; она носит устойчивый характер, воздействующий и на сам народ, и на его государственные институты, и на соответствующее всему этому пространство. Постулируется, таким образом, и обусловленность развития этнокультурной, социально-экономической целостности «местом» (конкретным локалитетом, ареалом), т. е., фактически, пространственная (географическая) детерминация этнокультурной динамики, и, параллельно, воздействие народа (его культуры, системы хозяйствования, расселения) на территорию (её природные, природно-техногенные и иные компоненты), сопровождаемое конструированием самого пространства, его структур.

«Культурные традиции, – отмечается в «евразийской» брошюре «Россия – особый географический мир» (1927 год), – оказываются как бы вросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся «культурно-устойчивыми», приобретают особый, специально им свойственный «культурный тип»¹. Подобное миропонимание далее развивал, и отстаивал Л. Н. Гумилёв, полагая, что уникальное сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, предопределяет его своеобразие – поведенческое и во многом даже культурное². Присущая «классическим» представлениям о «месторазвитии» идея взаимообусловленности, сопряжённости в рамках конкретной территории её природно-ландшафтных особенностей, этнических и культурных процессов, а также геополитических детерминант – и поныне актуальна, «работает» на общегеографический синтез и, кстати, часто акцентируема³, когда речь идёт о теоретическом наследии основоположников «евразийства».

книгоиздательство. Прага, 1927. С. 5.

¹ Россия – особый географический мир. I. Континент-океан. II. Географический обзор России – Евразии. Прага, 1927. 68 с.

² Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации // Наш современник. 1992. № 10.

³ Орлова И. Б. Евразийская идея: от истоков к современности // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 187–201; Лушиков О. В. Классическое и современное евразийство: проблема преемственности идейного комплекса // Научный Татарстан. 2020. № 3. С. 130.

Третий присутствующий в предлагаемом классиками «евразийства» понимании «месторазвития» концептуальный посыл – **необходимость разностороннего учёта** воздействующего на конкретную территорию (на территориальные социально-экономические, территориальные общественные системы, если пользоваться превалирующей в современной российской общественно-географической науке терминологией) **«географического фактора»**, причём, не только в природном, но и обществоведческом (что для начала XX столетия само по себе являлось несомненной мировоззренческой новацией!) его понимании.

«Под месторазвитием человеческих обществ, – отмечает Г. В. Вернадский, – мы понимаем определённую географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде. ... Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность исторических и географических признаков образуют различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории. Таким образом может быть установлена система сменяющихся типов месторазвития». И далее: *«История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию – Евразии, а также приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа»¹. Русский народ не только применился к своему месторазвитию, но и в большой степени сам создал это своё месторазвитие»².*

Аналогичные представления о феномене «месторазвития» высказывал и Н. С. Трубецкой. *«Для личностей многочеловеческих (народных и многонародных), – подчёркивал Николай Сергеевич, используя собственный словесный конструкт «многочеловеческая*

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 9.

² Там же. С. 10.

личность» прежде всего как аналог понятия «народ», – связь с физическим окружением (с природой территории) настолько сильна, что приходится говорить прямо о неотделимости данной много-человеческой личности от её физического окружения и рассматривать это физическое окружение как продолжение данной много-человеческой личности»¹. Поскольку в классическом евразийстве именно категория «месторазвитие» высвечивает, воплощает в себе эту существенную пространственно очерченную и обусловленную связь, рассматриваемая теория обретает и ещё одну концептуально значимую содержательную грань – декларацию **специфичности географических** (широком, природно-обществоведческом смысле) **условий развития для каждого конкретного этноса** и присущей ему культуры **в тот или иной конкретный момент исторического процесса**. Именно эта пространственно-временная специфика (согласно классическим «евразийским» представлениям) создаёт условия для развития народов, их взаимодействия, для государственного строительства и, соответственно, ещё контрастнее прописывает рубежи конкретного «месторазвития», чётче проявляет его хозяйственные и социокультурные свойства. Следовательно, по логике классического евразийства, лишь следуя идее «месторазвития», идентифицируя и исследуя соответствующую пространственную структуру, связанную с Россией, русским народом и другими исторически связанными с ним этносами – можно осмыслить феномен «России – Евразии», обосновать его целостность, самобытность.

*«Евразийский мир, – отмечает Н. С. Трубецкой, – представляет собой замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно – Европы, так и собственно – Азии. Сама природа, указывает народам, обитающим на территории Евразии необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом»*².

¹ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Евразийское книжное издательство, 1927. С. 5.

² Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. С. 52.

Тезис этот опубликован в 1925 году; он – ёмкий и, безусловно, очень важный для понимания мировоззренческих установок классиков «евразийства». В нём уже присутствует общегеографический подход (идея «Евразии» как природной, этнической и экономической целостности), но, одновременно, ощущается и выраженное влияние установок географического детерминизма. Природное и хозяйственное своеобразие России (как предпосылка её пространственной целостности, фактор социально-экономической специфики) особым образом высвечено и в специальной работе П. Н. Савицкого «Географические особенности России», изданной в 1927 году¹. В этот же временной период теория месторазвития весьма подробно излагается в другой «евразийской» брошюре «Россия – особый географический мир»².

Евразия, – подчёркивает П. Н. Савицкий, – *как единый географический мир как бы «предсоздана» для образования единого государства. Но только в конкретном историческом процессе реализуется это единство*³. Последнее замечание – симптоматично и методологически значимо, равно как существенно, ценно и генерируемое представителями классического евразийства понимание имеющего также место «активного выбора месторазвития социальной средой»⁴.

Развивая, осмысливая категорию «месторазвитие», её авторы, как видится, в конечном итоге смогли частично преодолеть изначально довлевший над ними в силу научной традиции исключительно природоведческий взгляд на «Россию – Евразию», на её детерминанты, на характер границ. Рассматривая данную пространственную целостность *«не только в обще-историческом*

¹ Савицкий П. Н. Географические особенности России. Часть 1 . Растительность и почвы. Прага, 1927. 180 с.

² Россия – особый географический мир. I. Континент-океан. II. Географический обзор России – Евразии. Прага, 1927. 68 с.

³ Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // В кн.: Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 259.

⁴ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 57.

и обще-культурном, но и в хозяйственно-географическом смысле»¹, они, тем самым, высвечивали и её антропогеографические, и экономико-географические, и, даже, геополитические предпосылки и грани. Показательно, что активнейший последователь и продолжатель дела основоположников евразийства Л. Н. Гумилёв, досконально изучив историю степных народов Евразии, создав на этом обширнейшем материале теорию пассионарности – полагал, что первым «евразийцам» «очень не хватало естествознания»² и, соответственно, практически не оперировал в своих текстах понятием «месторазвитие», предпочитая использовать его «природоориентированный» аналог-инвариант – «вмещающий ландшафт».

Впрочем, описываемая, моделируемая Львом Николаевичем в его блестящих исторических работах географическая среда обитания «степных» и «лесных» народов и пространственные условия жизнедеятельности современных русских, иных взаимодействующих с ними этносов Евразии – существенно разнятся, причём, прежде всего, в общественно-географическом плане: благодаря иным доминантным видам хозяйственной деятельности, другим формам и особенностям локализации производственных структур и населения (наиболее интенсивные изменения оказались присущи именно советскому периоду российской истории; показательно, что согласно всесоюзным переписям в 1926 г. в городах проживало 17,9 % всего населения СССР, в 1939 г. – 32,9 %, в 1959 – 48 % и только в 1970 г. – 56 %, т. е. спустя лишь пять десятилетий с момента появления теории «месторазвития» страна хотя-бы формально стала обретать свой преимущественно урбанизированный облик, явивший уже в начале XXI столетия гипертрофированные черты благодаря выраженной «москвоцентричности» российского пространства³, концентрации финансовой, торговой, строитель-

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 356.

² Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. Спб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). С. 15.

³ Дружинин А. Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.

ной, политической и научно-образовательной активности также в ряде других немногочисленных «полюсов роста»).

Эта обусловленная фактором времени несхожесть в характеристиках пространства, иницилирующая, кстати, содержательную коррекцию самого понятия «географический фактор», необходимость восприятия его уже не как исключительно «воздействие природы на общество»¹, а как проекцию на социальную реальность любого рода (природных и общественных) пространственных закономерностей, процессов и структур, – конечно же, проявилась лишь во второй половине прошлого столетия, т. е. существенно позже выхода в свет основных классических «евразийских» текстов. В последних же закономерным образом превалируют обстоятельства истории, полновесно (иногда – чрезмерно, с избыточной абсолютизацией) высвечиваются природные детерминанты российского (евразийского, в культивируемом П. Н. Савицким, Н. С. Трубецким и их единомышленниками понимании) пространства, что подчёркивает его масштаб, постулирует целостность, но, одновременно, к сожалению, порождает иллюзию (зыбкую, но, при этом, весьма опасную!) некой естественной (историко-географической) «заданности» (для народа, государства, культуры) соответствующего «месторазвития» и, следовательно, его чрезмерной резистентности (устойчивости) к внешним и внутренним социально-экономическим (и геополитическим) процессам, катаклизмам, воздействиям.

Культивируемые классиками «евразийства» концептуальные схемы, впрочем, вовсе не исключали столь необходимого **динамического подхода**, поскольку предложенное понятие «месторазвития» само по себе, своей семантикой изначально фокусировало внимание не только на «месте развития», но и на «развитии места» (т. е. изменчивости географической среды), на характерных для каждой конкретной пространственной структуры (очерчиваемой категорией «месторазвитие») различного рода природных

¹ Ануцин В. А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. С. 235.

и, в ещё большей мере, социально-экономических, культурных, геополитических трансформаций, метаморфоз. В этом отношении констатируя, что «*Россия занимает основное пространство земель Евразии*»¹, первые «евразийцы», опираясь на историко-географический анализ, одновременно подчёркивали, что Евразия является *русским историческим месторазвитием* лишь с конца XIX века².

В их публикациях имеет место и попытка включить в теорию «месторазвития» элементы **полимасштабного подхода**. Так, К. А. Чхеидзе (ещё один из авторов «евразийских» статей «классического» периода) предлагал ранжировать «месторазвития» от «простых» (присущих той или иной группе людей, например, племени) до предельно крупных, соответствующих «государству-материку» (как «евразийцы» именовали Россию) и в целом земному шару³. К различным пространственным форматам (от миниатюрной исторической территории Московского княжества до всей обширнейшей Российской Империи в её границах начала XX столетия) категорию «месторазвитие» применял историк Г. В. Вернадский⁴. Важную информационно-содержательную нагрузку (иллюстрируя динамику осваиваемого Россией пространства Евразии) несёт, в этой связи, и содержащийся в сборнике «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев» раздел, озаглавленный как «Русская геополитическая таблица». В нём наглядно проиллюстрирован практически перманентный (временами «взрывной») рост территорий под российской юрисдикцией: так, в частности, площадь Московского княжества (около 1474 г.) составляла 306 тыс. км²; Московское государство в 1583 г. владело уже 3654 тыс. км² территории; за последующее столетие (с 1660 г.) в состав российской

¹ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. С. 6.

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.

³ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 109.

⁴ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.

державы вошло 10746 тыс. км² к востоку от Урала (вся территория государства, в итоге, достигла 14,4 млн км². За XVII–XIX вв. Российская Империя приросла ещё на 7,4 млн км²¹.

Характеризуя многовековой тренд, Г. В. Вернадский обращал внимание, что «*в течение XVIII–XIX веков Российское государство достигло огромного распространения, окончательно сделалось – по своей территории – особым географическим миром. Русский народ почти в полном своём составе оказался в рамках единого государства*². Государство наше, кстати, «собирало» не только «русский народ» (в период первых «евразийских» публикаций и несколько ранее – осознаваемый прежде всего в своём «великорусском», «малорусском» и «белорусском» триединстве), но и тюркоязычные этносы (на что ещё в начале 1880-х гг. указывал выдающийся татарский просветитель И. Гаспринский³), формируя, тем самым, тот неповторимый этнокультурный (русско-тюркский) сплав, синтез, который увидели, обосновали, акцентировали лидеры классического евразийства. Месторазвитие «России – Евразии», расширяя свои границы, инкорпорировало в себя, конечно же, и пространства жизнедеятельности многих и многих иных народов (финно-угорских, кавказских и других), обретавших, в итоге, единую цивилизационную судьбу.

Подчёркивая, что «*государственное объединение было достигнуто русским народом в течение длинного ряда веков со страшными испытаниями и величайшим напряжением сил*⁴ и опираясь, при этом, на обширнейший историографический материал, первые «евразийцы» наблюдали и теоретически осмысливали преимущественно поступательную пространственную динамику российского «месторазвития». Являясь очевидцами лишь кратковре-

¹ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931.

² *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.

³ *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881. 170 с.

⁴ *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 229.

менного (и весьма незначительного по масштабу) «сжатия» ареала российского доминирования в Евразии, они отмечали, что «в 1918–1921 гг. Россией в пользу вновь образовавшихся лимитрофных государств было уступлено 809 тыс. км кв территории¹, на которых, замечу кстати, по ситуации на 1914 г., проживало 17,3 % населения Империи. Учёт исключительно становления (расширения) российского «месторазвития», идентификация и обоснование его на, вероятно, абсолютном за всю историю России пространственном «максимуме», при параллельной сложности предугадать, неготовности предсказать иной, негативный по вектору тренд – по всей видимости и позволяли основоположникам «евразийства» фактически ставить знак равенства² между «русским» и «евразийским» миром. Но в конце XX столетия ситуация изменилась радикально (за пределами новообразованных после распада СССР границ осталась более половины населения бывшей сверхдержавы, 24 % её прежней территории и 40 % производственного потенциала³), что, вне сомнения, предполагает существенную коррекцию сформулированных в рамках классического евразийства подходов.

При изучении и концептуализации современного российского «месторазвития» приоритетного внимания требует, прежде всего, его пространственно-временная «устойчивость – изменчивость», соответствующие факторы и процессы. Учитывая несомненное влияние на феномен «месторазвития» собственно природных обстоятельств (например, столь активно обсуждаемых ныне глобальных климатических изменений, которые, как полагают⁴, способны существенно видоизменить условия социально-эконо-

¹ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 102–103.

² Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 175 с.

³ Дружинин А. Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.

⁴ Smith Laurence C. The World in 2050. Four Forces Shaping Civilization's Northern Future. London Plume Book. 2011. 320 p.

мической активности, особенно в пределах российского Севера), следует, тем не менее, всё чётче осознавать приоритет политико-географической детерминации «месторазвития», поскольку (как показало постсоветское тридцатилетие) именно Российская Федерация выступает ныне главной «хранительницей» нашей национальной идентичности и соответствующей лингвистической, общекультурной среды.

Иной крайне важный фактор – воздействие на конкретное «месторазвитие» внешней по отношению к нему социально-экономической среды, её «мощь», активность. Важно учитывать, при этом, как неравнозначное влияние геополитических и геоэкономических детерминант на отдельные пространственные составляющие российского «месторазвития», так и различия между последними в степени резистентности к действию «внешнего фактора».

Требует осмысления инерционность (в том числе и ментальная) былого (идентифицированного столетие назад) российско-евразийского «месторазвития» (в конце XX – начале XXI вв. представления о его целостности активно культивируются в рамках так называемого «неоевразийства»¹), а также степень, причинность и перспектива сохраняющейся сопряжённости его отдельных пространственных компонент.

Необходима теоретическая интерпретация воздействия на трансформацию «большого» (предшествовавшего постсоветскому периоду) «месторазвития» феноменов регионализма и национализма и, в этой связи, – дезинтеграции ранее единого пространства, появления в его пределах совокупности исторически родственных, географически соседствующих, экономически и информационно сопряжённых, но, при этом, – уже обособленных, в определённой мере – конкурентных, в ряде ситуаций – альтернативных «месторазвитий».

Очевидно, что целостность «месторазвития» во-многом предопределяется действием (безусловно неравнозначным «от места к

¹ Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.

месту») так называемой «социальной эстафеты»¹, а метаморфозы «месторазвития» – напрямую сопряжены с различного рода общественно-географическими (в том числе геополитическими и геоэкономическими) инновациями, укореняемыми в рамках механизма постепенного замещения (в структуре народа, этносов) возрастных поколений, по-разному воспринимающих своё «месторазвитие».

«Скрепками» и своеобразными «консервантами» месторазвития выступают и множественные личностные геобиографии. Так, к примеру, при любых геополитических раскладах для меня, появившегося на свет и впервые начавшего осваивать окружающее пространство в Чернигове (кстати, именно здесь же в 1895 году родился и П. Н. Савицкий), и этот уютный старинный город, и соседствующий с ним Киев, и в целом вся Украина – неизменно будут оставаться (наряду с Российской Федерацией, другими составляющими бывшего СССР) – единым Отечеством, целостным «местом развития». Следует, в этой связи, вероятно, концептуально дистанцировать «историческое месторазвитие» (ещё его можно рассматривать и в качестве геоисторического наследия, в свою очередь выступающего неотъемлемой составляющей культуры конкретного народа) и «актуальное месторазвитие», идентифицируемое, прежде всего, с учётом фактической современной ситуации. Последняя, кстати, всё более настоятельно требует рассмотрения данного феномена не только как «сухопутной», но и акваториальной структуры, объединяющей территориальные воды страны, особую экономическую зону оконтуривающих её морей, обширнейшие участки континентального шельфа. Характерно, что наш черноморский и евразийский партнёр – Турецкая Республика, уже более десятилетия активно культивирует идею своей «Голубой Родины» / «Mavi Vatan»²

¹ Кузнецова Н. И., Одинокова Л. Ю., Розов М. А. Социальные куматоиды как объекты географии // V Сократические чтения по географии. М.: Эслан, 2004. С. 77–87.

² Cem Gürdeniz. Mavi Vatan doktrinleşirken. [Электронное издание] <https://www.aydinlik.com.tr/haber/mavi-vatan-doktrinlesirken-199581> (дата доступа – 10.08.2020).

и это тот случай, когда соседский пример требует не только внимания, но и подражания.

Решая задачу осовременивая теории «месторазвития», крайне важно также выйти за предложенные классическим евразийством рамки сфокусированного исключительно на Россию и её пространство подхода. Целесообразно понимать и признавать фактическую множественность (в том числе и разномасштабность) «месторазвитий» не только в контуре евразийского пространства, но и вне его. Первые «евразийцы» справедливо полагали, что *«ни одна великая культура не может обойтись без своего месторазвития»*¹. Но они же, кстати, признавали многообразие, инвариантность культуры, активнейшим образом выступали против глобального доминирования той или иной культурной системы². И в этой совершенно справедливой логике собственные «месторазвития» являются, безусловно, не только уделом «великих» (ныне и в прошлом) народов, что необходимо, кстати, не только понимать, но и признавать, учитывать в реальной (в том числе и евразийской) политике.

Следует видеть (и принимать во внимание, например, в геополитическом анализе) фактическое пространственное «взаимоналожение» месторазвитий (порождающее сложную, архитектуру лимитрофных, поллизависимых структур, ареалов, полос, анклавов), их часто асинхронную, разновекторную динамику (одни – расширяются, другие – фрагментируются, иные – испытывают пространственное сжатие»), а также возникающую (в планетарных и евразийских интеграционно-дизинтеграционных процессах) взаимную сопряжённость «месторазвитий», элементы их иерархии.

Имеет смысл адаптировать теорию «месторазвития» с учётом реалий характерного для XXI века гиперактивного миграционного поведения части социума, цикличности выездов на облюбованные зарубежные дестинации, владения (пользования) «вторым жильём» (расположенного в том числе и вне территории «своего»

¹ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 53.

² Полковников Г. Н. Диалектика истории. Издание евразийцев. Париж, 1931. С. 168.

государства), а также феномена вынесенных за оконтуренные политико-географическими и лингвистическими границами пределы конкретного «месторазвития» соответствующих этнических диаспор, наличия пространственно диверсифицированных активов (и активности) у крупных национальных (по-факту транснациональных) корпораций.

Необходимо принимать во внимание свершившуюся за истекшее столетие радикальную трансформацию (видоизменение и усложнение) пространственной структуры российского месторазвития: от превалирования в ней агроландшафтов (и природной зональности) – к порождённым индустриализацией территориально-производственным комплексам, экономическим районам и промышленным узлам, а далее – «архипелагу» крупнейших городов и их агломераций (в свою очередь встроенных в глобальные урбанистические структуры, сети). В русле данного тренда (в контексте современной информатизации, цифровизации) любое «месторазвитие» становится отчасти виртуальным, когнитивно искажённым, «оторванным» от соответствующего ему не только природного, но и культурного ландшафта. Это придаёт «месторазвитию» ещё большую неустойчивость, пластичность; вероятность (и возможность) его конструирования – деконструирования различного рода геополитическими акторами, в итоге, усиливается.

Впрочем выходящий ныне на приоритетный план культурно-ментальный аспект очерчиваемой категорией «месторазвитие» общественно-географической реальности идентифицировали и сами авторы классических «евразийских» текстов, подмечая, что *«освоение народом своего исторического месторазвития вполне прочно, когда оно осознано народом»*¹. Подобная «осознанность» превращает «месторазвитие» в ключевой компонент национальной географической картины мира, предопределяя современный исследовательский подход к рассмотрению феномена «месторазвития» не только сквозь призму таких прочно укоренённых и ши-

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 19.

роко используемых категорий как «территория», «пространство», «географическая среда», «территориальная общественная система», «культурный ландшафт», но и сравнительно новых, лишь утверждающихся в научном лексиконе: «геоэтос» (объединяющей такие свои аспекты как связь с вмещающим ландшафтом, территориальную идентичность, геоэтнокультурную стратификацию¹), а также «геоконцепт»².

Объединяя в себе архиважные для нашей современной науки интегративные, общегеографические смыслы, очерчивая значимый объект историко-географических исследований, «месторазвитие» в современном мире обретает, при этом, наибольший потенциал, перспективу – прежде всего как культурно-географическая и геополитическая категория.

В некоторой мере это аналог таких традиционно используемых в геополитике словесных конструкций как «жизненное пространство», а также «сфера жизненных интересов». Аналог, безусловно, более «мягкий», во-многом интравертный, лишённый чрезмерной экспансии вовне, заведомой агрессии, очерчивающий повестку «сбережения территорий», территориальной целостности страны, нерушимости её рубежей, реинтеграции, выстраивания (восстановления) былых гуманитарных и хозяйственных связей. Впрочем, в условиях фактической фрагментации былых «больших» евразийских месторазвитий, проявившегося в последние годы тренда на частичную деглобализацию, а также стремления геополитических акторов сформировать (реконструировать) собственные «большие пространства» – концепт «месторазвития» неизбежно вмещает в себя и некое обоснование «территориального реванша». Применительно к российской ситуации это актуализирует, прежде всего, поиск способов и механизмов достижения долгосрочного и устойчивого консенсуса с остальными

¹ Любичанковский А. В. Пространственные формы этоса в этологической географии // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2020 (9). С. 37–49.

² Калуцков В. Н. «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.

евразийскими государствами (включая и те, что непосредственно граничат с Российской Федерацией) по вопросам стратегического межгосударственного малоконфликтного соседства, соразвития в ситуации фактического наличия множественности «взаимонаслаивающихся» месторазвитий.

Завершая данный раздел, хотелось бы процитировать ещё один весьма характерный и поныне абсолютно не утративший своего содержательного пафоса фрагмент из книги Г. В. Вернадского: *«Русский народ создал Евразию как историческое месторазвитие всем напряжением своих сил. Русский народ должен неослабно проявлять и в дальнейшем то же творческое напряжение, чтобы удержать место Евразии на земле и своё собственное лицо в Евразии»*¹.

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 231.

1.3. «Россия-Евразия»: мифологема, атавизм, или сохраняющая свою актуальность «прорывная» идея?

В культивируемой классическим евразийством географической картине мира сердцевинным, концептуально наиболее значимым элементом выступает «Евразия», особая часть одноимённого материка, чей пространственный контур (согласно представлениям первых «евразийцев») в основном совпадал с границами России того периода (начало – первые десятилетия XX столетия). Именно концепт **«России – Евразии»** (а в «евразийских» текстах максимально часто фигурирует данная топонимическая конструкция) – является предельно конкретизированной (с позиций общественной географии) и, одновременно, практикоориентированной (прежде всего, в области геополитики, геокультурного анализа) составляющей евразийской доктрины.

«Для учёных, принимающих участие в евразийском движении, – подмечал Н. С. Трубецкой в одной наиболее известных из своих работ «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (1925 г.), – главным предметом описательного исследования является та многонародная личность, которую в совокупности с её физическим окружением (территорией) евразийцы называют «Евразией»¹. И данное высказывание – предельно симптоматично, показательно, поскольку чётко иллюстрирует и присущий классическому евразийству акцент на исследовании вполне конкретного (с чётко прочерченным внешним контуром) географического (общественно-географического) феномена, и

¹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. С. 6.

изначальную убеждённость основоположников евразийского учения, что провозглашаемая, идентифицируемая ими «Россия – Евразия» – не мифологема, продукт теоретизирования, а реальный пространственный объект, и, наконец, – понимание того, что предлагаемый топоним «Евразия» носит символический, знаковый, концептуальный характер.

В современной географической науке утвердилось мнение¹, что человек, и в целом человеческое сообщество, подразделяющееся на некие определённые культурные или социально-территориальные группы, – воспринимают географическое пространство не напрямую, а посредством определенных кодов, знаков, символов, образов и других ментальных конструкций. Геоконцепт «Россия – Евразия» (в системном виде впервые предложенный именно первыми «евразийцами» и ставший далее отправным моментом в развиваемых ими и их последователями представлениях о самобытности нашей страны, её истории, культуры) как раз таки и представляет собой подобного рода структуру, ставшую, с одной стороны, антитезой, а с другой – логичным следствием, порождением активнейшим образом культивируемой со второй половины XIX в. (в мировой науке, в общественном дискурсе) пространственной дихотомии «Запад – Восток» и «Европа- Азия».

Характерно, что уже в 1921 году в «стартовом» сборнике «Исход к востоку», постулируя географическое бытие «России-Евразия» (или, иначе, «**евразийского мира**»²), акцентируя его своеобразие, П. Н. Савицкий всячески подчёркивал, что «Россия есть не только «Запад», но и «Восток», не только «Европа», но и «Азия», и даже вовсе не «Европа», а «Евразия»... Россия составляет «континент в себе», в определённом смысле «равноправный» Европе...»³. Постулировались, тем самым, как минимум четыре архиважные

¹ Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 7.

² Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. 135 с.

³ Там же. С. 2.

(для понимания общественно-географической сущности России) и органично взаимосвязанные идеи:

- 1) самостоятельности, самоценности России («России – Евразии») как культурно- и политико-географического явления общематерикового, общепланетарного масштаба;
- 2) фактически имеющей место (вопреки исторически укоренившимся представлениям и более чем двухвековому массивированному трансферу различного рода инноваций с Запада) и ещё более важной на перспективу – цивилизационной дистанцированности России от «Европы»;
- 3) наличия у России, у русской культуры – не только «европейских», но и «азиатских» характеристик и черт, что как раз таки и позволяет идентифицировать её синтетичность («евразийскость»);
- 4) принципиальной пространственной тождественности России (геополитической формы) и «Евразии» (культурно-географической сущности).

Эти идеи, подчеркну, в тот период не только соответствовали своему историческому контексту, но и вполне адекватно отражали особенности евразийского позиционирования нашей страны в течение всего XX столетия. В своей основе сохраняют они актуальность и наши дни.

Обосновываемый классическим евразийством концепт «России – Евразии» основывался, при этом, не только на устоявшихся к тому периоду представлениях о наличии в структуре российского пространства его «европейской» и «азиатской» составляющих, но и учёте хозяйственной взаимозависимости территорий страны, на в целом новой, нетривиальной интерпретации нашей национальной истории (совершенно справедливо «смещённой» в направлении Великой Степи, туранских народов), на знании, понимании этнодемографической, этнолингвистической, конфессиональной структуры обширнейшего и очень неоднородного по своим природным и общественно-географическим характеристикам Российского государства. Как это очень чётко сформулировал Пётр Николаевич Савицкий во втором по хронологии коллектив-

ном «евразийском» издании «На путях» (1922 г.), *«имя Евразии выражает для нас... сопряжённость русской стихии с некоторыми этнически нерусскими элементами её среды»*¹. В мировоззрении классического евразийства словосочетание «Россия – Евразия» стало, таким образом, не только терминологической новацией, но и воплощением целой системы ориентированных на самопознание нашей страны «прорывных» идей.

Любой сложившийся геоконцепт (в том числе, вне сомнения, и «Евразия» в культивируемом П. Н. Савицким и его соавторами понимании) – есть, «... супер-топоним..., знаковое место, имя которого является неотъемлемой частью картины мира определённого человеческого сообщества»². Эта картина для той или иной территориально-социальной общности (в силу своего генезиса, сути), конечно же, индивидуализирована, подчас ангажирована (субъективна), зачастую «упрощена», не во всём адекватна фактически имеющим место «объективным» общественно-географическим структурам и процессам. В этом плане вполне логично, что предложенная первыми «евразийцами» формула «Россия – Евразия» (объединяющая два этих феномена в единую синонимическую «пару») сразу же оказалась «под прицелом» жёсткой критики. Основной её пафос – упреки в адрес авторов первых «евразийских» текстов в недоучёте (и игнорировании) географических реалий, навязывании абстрактной схемы, культивировании мифа, то есть в том, что «евразийцы», излагая собственное понимание России как «Евразии», не столько считаются с действительностью, сколько провозглашают пророчески «долженствующий быть»³, что они «воздвигают свои воздушные замки будущего»⁴.

Скепсис по отношению к концепту «Россия – Евразия» (в том числе и со стороны представителей научного сообщества)

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 48.

² Калуцков В. Н. «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 102.

³ Бицилли П. М. Народное и человеческое // Современные записки. XXV. Париж, 1925. С. 485.

⁴ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 426.

предельно возрос после 1991 года, когда на фоне постсоветских трансформаций диссонанс между внешним контуром евразийского пространства и рубежами собственно России (и ранее имевший место) – стал не только очевиден, но и предельно выражен. В этот период топоним «Евразия», укореняясь, уже повсеместно (в том числе и в англоязычной литературе¹) становится синонимичен «постсоветскому пространству» и, в этом контексте, сама идея «России – Евразии» (напрямую реанимированная и культивируемая в 1990-х – начале 2000-х гг. и в тот период напрямую соотносимая с «неоевразийством»²) подчас преподносится и оценивается (главным образом зарубежными авторами³) в предельно нелестных красках: как апологетика возобновления «имперской политики» Российской Федерации, концептуальное обоснование её геополитического реванша.

Среди современных российских географов уязвимость формулы «Россия – Евразия», пожалуй, наиболее глубоко и последовательно вскрыл В. Л. Каганский, характеризовавший евразийство как «главную мнимость» о российском пространстве, опирающуюся, по его мнению, прежде всего на картографический образ страны (когда, по мнению указанного автора, производится подмена культурного ландшафта природным пространством, а последнего – пространством простейшей карты) и, соответственно, полагавший, что реальная общественно-географическая самоорганизация лишена «евразийской» доминанты, а абсолютной (т. е.

¹ *Brzezinski, Z.* (1998). *The grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives.* New York: Basic Books.

² *Laruelle, M.* (2001) Alexandre Dugin: Esquisse d'un eurasisme d'extrême-droite en Russie post-soviétique. *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest.* 32(3), с. 85–103; *Дугин А. Г.* Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея, 2002. 144 с.

³ *Clover, C.* (1999). Dreams of the Eurasian heartland: the re-emergence of geopolitics. *Foreign Affairs,* 78(2), 9–13; *Ingram, A.* (2001) Alexander Dugin: Geopolitics and neo-fascism in post-Soviet Russia. *Political Geography.* 20(8), с. 1029–1051; *O'Loughlin, J.* (2001) Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era. *Geopolitics.* 6(3), с. 17–48.

неизменной, воспроизводимой вопреки всем обстоятельствам) «Евразии» – быть не может¹. Впрочем и иные, даже в целом нейтрально, либо позитивно относящиеся к наследию классического евразийства аналитики не могли не констатировать наличия у концепта «Россия – Евразия» рельефно проявившихся после разрушения СССР «слабых мест».

Так, в частности, воспринимая «Россию-Евразию» в качестве крупнейшей новации русской геополитической мысли XX столетия², В. Л. Цымбурский одновременно чётко иллюстрирует выраженную дистанцию между «евразийством заданностей» (идеи, концепты, целеполагания классического евразийства) и «евразийством данностей» (реальные геополитические, геокультурные и иные структуры и процессы в России, а также на сопредельных территориях). Стремительную утрату «евразийским регионом» своей былой идентичности подмечает географ-обществовед Ю. Н. Гладкий³. И данная тональность – не только симптоматична, но и во-многом, полагаю, оправдана, поскольку с позиций современного миропонимания (в том числе географического) сердцевинный во взглядах первых «евразийцев» концепт «Евразии» («России-Евразии») отдельными своими моментами выглядит, разумеется, не вполне бесспорным, вмещающим внутренние противоречия, проявляющиеся в том числе и непосредственно в классических «евразийских» текстах.

Так, с одной стороны, основоположники «евразийства» признают, акцентируют изменчивость социокультурных структур и процессов, полагая, что *«смена одной культуры другой – это вопрос поколений»*⁴, а сами *«центры культуры перемещаются»*⁵

¹ Каганский В. Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.

² Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.

³ Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб., 2006. 846 с.

⁴ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 125.

⁵ Там же. С. 337.

(пять десятилетий спустя этот тезис, кстати, не только развил, но и проиллюстрировал обширнейшим фактологическим материалом Л. Н. Гумилёв, всячески и абсолютно справедливо подчёркивая, что доминирование Запада в современном мире – не извечная данность, а лишь отдельная историческая стадия, эпизод¹).

С другой, культивируемые классиками евразийства представления о «Евразии» (опирающиеся на реалии Российской Империи с присущим её элите пониманием «естественности» политико-географических рубежей страны²) – оказались чрезмерно статичными, вступившими в диссонанс с ситуацией постсоветского периода, когда евразийское пространство, утрачивая единый государственный (и, параллельно, экономический, лингвистический, транспортно-логистический) «скреп», обрело многополюсность³, а также более «размытый» внешний контур (активно «осваиваемый» как сопредельными, так и географически весьма удалёнными «центрами силы»).

Обращу внимание и на ещё одну заведомо «слабую сторону» классического евразийства. Так, формируя концепцию «Евразии» и осознавая, одновременно с этим, сложность, фрагментарность окружающего нас мира (чьё единство виделось первым «евразийцам» «*в действенном союзе разнородных культур... на основе единства экономических интересов*»⁴), авторы ранних «евразийских» текстов, тем не менее, не всегда в должной мере учитывали внутреннюю многоликость (в том числе и разнородность) самой «России-Евразии», её сложную (хозяйственно-ресурсную, этнокультурную и др.) территориальную структуру. Это пространственное многообразие факторов и особенностей хозяйственного и селитебного развития стремилась, кстати, мак-

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.

² Менделеев Д. И. К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.

³ Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.

⁴ Евразийство. Декларация, формулировки, тезисы. Издание евразийцев. Прага: Политика, 1932. С. 4.

симально выявить, осмыслить (в рамках теории экономического районирования и далее, шире – учения о территориальной организации общества¹) советская экономическая (социально-экономическая) география. Ныне же, уже в XXI столетии, когда под влиянием рыночной экономики и глобализации резко усилилась неравномерность, разнонаправленность общественно-географической динамики, а государственные рубежи (в том числе новые, постсоветские) оказались весомым регионо- и этноформирующим фактором, феномен крайне сложной (и продолжающейся усложняться!) структуры евразийского пространства важно сполна учитывать во всех без исключения постсоветских государствах, причём, в особой мере – в Российской Федерации.

Кстати, изначально концептуально и идеологически безусловно выигрышная в классическом евразийстве его чёткая «россиеориентированность» (воплощённая в первую очередь в самой словесной формуле «Россия – Евразия») – также не всегда, не во-всём выглядит корректной, оправданной в современном нам, постсоветском геополитическом, геоэкономическом и геодемографическом контексте. «Евразия» ныне – это, конечно же, «Россия» и, одновременно, – не только она, но и многие и многие другие пространства (в том числе обособившиеся в её былых пределах, сохраняющие с ней сопряжённость) со своими «центральными местами», границами, формирующейся идентичностью, системой ценностей, приоритетов, интересов.

Впрочем, первые «евразийцы» вряд ли могли корректно предугадать перспективу страны на столетие вперёд; бессмысленно корить их (ещё в молодые годы оказавшихся вдали от Родины) и за недоучёт российско-евразийской этнокультурной и экономической «фактуры». К тому же, своим коллективным разумом классическое евразийство создавало, вне сомнения, отнюдь не детализированное географическое описание Отечества, а нечто иное – систему воплощённых в тексте новационных идей, общих представлений о стране, предназначенных для неё геополитиче-

¹ *Максаковский В. П.* Географическая культура. М.: Владос, 1998. 416 с.

ских и геокультурных «сигналов». Сам **концепт «Россия-Евразия» (ключевой в «евразийстве»)** носит, в этой связи, не столько **дескриптивный, сколько в подавляющей мере нормативный (программный) посыл**. Этим, в первую очередь именно этим, он, кстати, и сейчас, уже в XXI столетии – силён, интересен, конструктивен, позволяя в том числе «нащупать», вскрыть, акцентировать сущностную взаимообусловленность, сопряжённость России и «Евразии» как двух объектов (сторон, граней) единого очерчиваемого, совместно маркируемого данными топонимами интегрированно-дезинтегрированного пространства.

Какие смыслы, сущности кроются, в итоге, за понятиями «Евразия», «евразийский»? Как эти общественно-географические явления соотносятся с феноменом «России»? Каковы резоны и основания продолжать (несмотря на разрушение СССР и последовавшие за этим кардинальные изменения не только на постсоветском пространстве, но и в сопредельных странах) и далее рассматривать предложенную классиками «евразийства» формулу «Россия – Евразия» как исходный концептуальный посыл и значимый стратегический ориентир для нашей страны?

«Евразия» – словесный конструкт (циркулирующий в литературе лишь с середины XIX столетия; полагают, что его автором стал немецкий геолог Э. Зюсс, а затем топоним «Евразия», соотносимый со всей поверхностью материка, оказался растиражирован благодаря активности географа Ф. Ратцеля¹) сам по себе относительно новый, объединивший в себе «Европу», и «Азию», то есть известные ещё с античных времён (в том числе и благодаря трудам известного историка и географа Геродота Галикарнасского²) и прочно укоренившиеся в общественном сознании понятия, применяемые по отношению к определённым так называемым «частям света». Их обособление – вопрос традиции, продукт уже тысячеле-

¹ Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.

² Геродот. История / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Статья В. Г. Боруховича. (Серия «Памятники исторической мысли».) Л.: Наука, 1972. 600 с.

тиями воспроизводящегося общественно-географического структурирования единого материка в привычной для Человечества (к сожалению!) логике дихотомии «свой – чужой» с проявляющимися её инвариантами: «цивилизация – варварство», «развитый – отсталый», «центр – периферия», и, даже, «метрополии – колонии / зависимые страны». Эти изначально сопутствующие обособлению «частей света» качественные, оценочные, ценностные аспекты, с одной стороны неизменно подпитывают интерес к феномену европейско-азиатской границы, а с другой – определяют заведомую условность любого рода её делимитации (как справедливо было подмечено ещё шесть десятилетий назад, «для разграничения Европы и Азии нет никаких географических оснований»¹). Впрочем, замечу, мотивом для разделения единого (хотя и неоднородного) целого на весьма условные «части», для изменения их внешних рубежей – вполне способны стать геоидеологические установки и геополитические интересы, о чём красноречиво свидетельствует постсоветский период с характерным для него расширением на восток и юго-восток пространственных рубежей «Европы».

Любого рода граница (включая и европейско-азиатскую) «результат дискретности мира или нашего дискретного представления о реальности»²; в современной лимологии (науке о границах) её воспринимают не только как линию, но и как некие пространства, как «полосы взаимодействия»³. Данные объекты, порождая трансграничные эффекты, способны (в определённых пространственно-временных ситуациях) существенно расширять свой пространственный контур, обретать самостоятельные (отличные от сопредельных «породивших» их общественно-географических образований) свойства и структуры (приумножая, тем самым, сложность, многоликость общественно-географической реальности),

¹ Родоман Б. Б. О понятиях «материк», «континент» и «часть света» // Известия ВГО. 1959. № 2. С. 159–160.

² Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. М.: Ойкумена, 1999. С. 24.

³ Колосов В. А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 8–20; Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. М.: Ойкумена, 1999. 256 с.

наконец, самопознавать, самоидентифицировать себя. Предпринятые в 1920-е годы Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким и их коллегами усилия по концептуализации «Евразии» (не материка, а именно его обособленной составляющей, т. е. фактически – особой «части света»), реализованная ими попытка напрямую соотносить её с российской территорией, равно как самоопределение самой России (её самообособление) как «неЕвропы» (и, одновременно, «неАзии») – это наглядный, яркий, успешный пример и, вместе с тем, несомненно, лишь один из множества частных случаев подобного осуществляемого «междумирьем» самопознания.

Идентифицировать (и верифицировать) «евразийскость» той или иной территории можно, как видится, по-разному. Один из очевидных способов – **формально-лимологический**, базирующийся на факторе «признанной» европейско-азиатской границы и наличии государств, этносов (основных ареалов их проживания), конфессий и иного рода территориально локализованных социальных структур, «рассекаемых» данным рубежом, т. е. выступающих по отношению к нему в качестве трансграничных.

Граница Европы с Азией, как это зафиксировано, в частности, в «Краткой географической энциклопедии», условно проводится «по восточному подножию Урала, рекам Эмбе и Манычу, или по Главному Кавказскому хребту. Некоторые географы относят к Европе весь Кавказ»¹. С учётом данного ментального факта «евразийским» статусом обладали в прошлом, к примеру, не только Тюркский каганат, государство Чингиз-хана, либо Российская Империя, но и система греческих городов-полисов античности, а также Древний Рим, Византия, Османская империя.

Современную Российскую Федерацию, равно как и Турецкую Республику (А. Г. Дугин несомненно прав, полагая что Турция «сама по себе Евразия»²) также пересекает условная европейско-азиатская граница. Помимо них к числу идентифицируемых в соответствии с излагаемым подходом евразийских государств

¹ Краткая географическая энциклопедия. Т. 2. ГИЗ «Советская энциклопедия». М., 1961. С. 6.

² Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.

(имеющих свои территории как в условных пределах «Европы», так и «Азии») сейчас относится Казахстан, а также (с меньшей степенью определённости) государства Южного Кавказа: Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия и Южная Осетия. «Евразийским» позиционированием, в этой же связи, характеризуются: основной ареал распространения Православия, пространство с доминантой русского языка, совокупные территории расселения тюркоязычных и славянских народов. Несомненными чертами «евразийскости» (точнее – «афро-евразийскости») обладает и Исламская Умма.

Возможен, впрочем, и иной подход к установлению рубежей «Евразии» (части материка). В отличие от предшествующего, он базируется на приоритетном внимании не к абсолютно условной европейско-азиатской границе, а к тем реально сложившимся в пределах материка целостным («ядерным») общественно-географическим структурам (которые и воплощают в себе сущностные характеристики и свойства «Европы» и «Азии») и (что особенно важно) их «междумирию», пространству дуальных, «переходных» свойств, «размытых» внешних границ, ареалу «взаимонаслоения» генерируемых внешними центрами инновационных импульсов, экспансий, интересов. Данный подход (его элементы, кстати, имеют место и в классических евразийских текстах, и в монографических трудах Л. Н. Гумилёва), полагаю, уместно определить как **мегалимитрофный**, поскольку в соответствии с ним евразийское пространство может вычленяться как предельно широкая полоса (между собственно «Европой» и собственно «Азией» в её многоликой, полицентрической ипостаси), либо, точнее – обширнейший «срединный», транссистемный ареал (с присущим ему моментами резким, но в подавляющей мере – относительно плавным переходом количественных социокультурных изменений в качественные), обладающий собственными общественно-географическими свойствами и способный (что многократно продемонстрировала История) генерировать устойчивые, самобытные, имманентные ему пространственные культурные и политические структуры.

Если руководствоваться «позиционным принципом» (предложенным видным российским теоретиком географии Б. Б. Родо-

маном¹), то местоположение любой территориальной социально-экономической (геополитической) системы в таком «промежуточном», «срединном», пространстве европейско – азиатского «междумирья» – изначально существенно, поскольку «задаёт» определённые специфические свойства, характеристики. Замечу также, что зарождающиеся, формирующиеся и развивающиеся здесь общественно-географические структуры совсем не обязательно должны быть «маломерны», периферийны, зависимы. Среди них присутствуют и «гиганты» (в том числе «страны-гиганты», если оперировать этой типологической характеристикой, предложенной ранее А. И. Трейвишем²), сами по себе способные не только «прочерчивать», но и видоизменять европейско-азиатский мегалимитроф, расширять его внешние границы, обеспечивать центр-периферийную структурированность, предопределять геополитическую и геоэкономическую системность во взаимодействии с другими примерно «равновесными» пространственными структурами как в общематериковом, так и в планетарном масштабе.

Испытав (с X века) судьбоносное для своей культуры³ влияние «евразийской» Византии, а с XIII столетия оказавшись частью Золотой Орды (охватывавшей на определённом этапе территории от верховьев Оби на востоке до Дуная на западе⁴), Россия, спустя ещё два столетия, обрела способность выстраивать собственную геополитическую конструкцию, а тем самым, – расширять, обустроить пространство, которое по совокупности обстоятельств может быть охарактеризовано именно как «не Европа и не Азия». Принимая во внимание в том числе и данную ярчайшую (хотя и не уникальную) траекторию нашей страны (последовательно видоизменявшейся от периферийных микроструктур до, фактически, самобытной, мирово-

¹ Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды. М.: Ойкумена, 2007. 368 с.

² Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведов. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

³ Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.

⁴ Краткая история Золотой Орды и татарских ханств. К 750-летию Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 136 с.

го масштаба цивилизации), – уместен третий (и, полагаю, основной, наиболее корректный) подход к делимитации и идентификации тех или иных территорий как «евразийских» (не «европейских» и не «азиатских») – **мегаструктурный**, основывающийся на учёте важнейших центров, ключевых регионов, а также рубежей и сфер влияния государственных образований (и соответствующих им хозяйственных и культурных систем), доминирующих (в пределах того или иного хронологического периода) в полосе европейско-азиатского «междумирья». Подчеркну, что именно в русле данного подхода предложенный классиками «евразийства» концепт «Россия-Евразия» обретает и свою наибольшую обоснованность и несомненную, проецирующуюся в том числе на перспективу инструментальную ценность.

Предложенное П. Н. Савицким, Н. С. Трубецким, Г. В. Вернадским и их сподвижниками видение «Евразии» – изначально в огромной мере было **россиеподобным** и продолжает сохранять данное качество даже в современных нам, кардинально иных обстоятельствах. Сами постсоветские трансформации евразийского пространства, кстати, также напрямую обусловлены изменившимся положением («количеством» и качеством!) России, российского государства (существенно иным, чем в период публикации первых «евразийских» текстов и, тем более, к середине XX столетия, когда «Евразия-Россия-СССР» достигла своего исторического пика позиционирования в Евразии¹).

И в обозримой перспективе (при инерционном сценарии, полагаю, – по крайней мере не менее чем до конца текущего столетия) **феномен «Евразии» неверно, некорректно будет рассматривать вне «фактора России»** (как всё ещё стержневой и наиболее «весомой» для актуального евразийского пространства геополитической и социально-экономической структуры). В этой связи, проводя делимитацию и структурирование современной (первые десятилетия XXI века) «Евразии» («части света») автор исходил²

¹ Дружинин А. Г. Русский регионализм – явление в контексте геотнукльтурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 3–10.

² Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.

из целесообразности решать эту задачу по-прежнему с преимущественным «фокусом» на Россию (её геоисторическое наследие, «месторазвитие») на основе вычленения фактического триединства **«Сердцевинной Евразии»**¹ (постсоветское пространство за исключением некоторых «преимущественно европейских» территорий), **«Собственно Евразии»**² (пространство с конфессиональным превалянием Православия, «порубежная» Монголия, а также Турецкая Республика – второе динамично возрождающееся «ядро» актуального евразийского «междумирья») и трансквиализационной (русско-тюркско-арабо-персидской, православно-исламской) полицентричной **«Расширенной Евразии»**³.

Приведённое структурирование «Евразии» основывается, конечно же, на принципе «здесь и сейчас», поэтому в перспективе – неизбежно подлежит пересмотру, коррекции. Оно ориентировано, также, на учёт инерционности культурно-географических процессов, когда «память» о сравнительно недавней общеевразийской целостности (и доминанте) десятилетиями (и более) продолжает сохраняться в культурных ландшафтах, лингвистических особенностях территориальных общностей, в их идентичности, стереотипах повседневного бытия, межличностных и межгосударственных связей (подобно тому, как набежавшая на берег одинокая крупная волна на какое-то время оставляет на песке чёткий причудливый, хотя и недолговечный след).

В изложенном выше видении географического контура «Евразии» (лишь частично «перекрываемого» актуальным понятием «Россия») зафиксировано и фактически имеющее место за послед-

¹ Включающую Абхазию, Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Киргизию, Молдову, Россию, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан, Украину (без её западных регионов) и Южную Осетию.

² Помимо государств «Сердцевинной Евразии», включает Албанию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Грецию, Кипр, Македонию, Монголию, Румынию, Сербию, Турцию, Черногорию.

³ Включает, помимо государств «Собственно Евразии», Афганистан, Бахрейн, Египет, Йемен, Израиль, Иорданию, Ирак, Иран, Катар, Кувейт, Латвию, Ливан, Литву, ОАЭ, Оман, Пакистан, Саудовскую Аравию, Сирию, Эстонию.

ние три десятилетия **«расширение» евразийского пространства**, причём не только благодаря переформатированию самого европейско – азиатского «междумирья», видоизменения в нём трансграничных связей, контактов, но и в результате вовлечения в евразийские процессы новых геополитических акторов, а также трансформации (в том числе «девестернизации», как это зримо наблюдается, в частности, в современной Турции) культурно-цивилизационных идентичностей. Впрочем, **параллельно, имеет место и «сжатие» евразийского ареала**, его инкорпорирование как в «Европу», так и в «Азию».

Так, в частности, с начала 1990-х, резко усилив своё ценностное, статусное звучание, понятие «Европа» оказалось распространено не только на страны Балтии (что отчасти оправданно), но и на Молдову, Украину, Белоруссию, то есть, фактически, на всю широкую полосу европейско-евразийского контакта (размежевания), определяемого на разных временных этапах как «Европейский перешеек между Балтийским и Черными морями»¹, «Великий Восточный перешеек»², «Балто-Черноморье»³. В фокусе европейского интеграционного проекта оказались и Балканы, вне сомнения, в подавляющей части – евразийские по своим глубинным общественно-географическим характеристикам территории (что неизменно подчёркивал в своих фундаментальных работах лидер и родоначальник сербской географии Йован Цвийич⁴). В последние десятилетия топоним «Европа» стал также всё более активно применяться по отношению к ряду государств Закавказья и Ближнего Востока⁵.

¹ Mackinder H. *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. Wash, 1996.

² Halecki O. *The Limits and Divisions of European History*. Notre Dame, Indiana, 1962.

³ Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–87.

⁴ Цвијић Јован. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи антропогеографије. Београд, 1966. 582 с.

⁵ Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016.

Утверждая свою доминанту на сопредельных пространствах «Евразии», «Европа», при этом, сама всё в возрастающей мере являет (как это справедливо подмечено¹) «евразийские» черты. Европейско-евроазиатская граница, в итоге, оказалась не только ещё более «размытой», но и захватила обширные массивы евразийского материка, «вклинилась» в его глубинные территории.

В меньшем масштабе (и не столь резонансно) аналогичные процессы наблюдаются на востоке. В свете современных экономических и военно-стратегических возможностей Китая и осуществляемого этой ныне глобальной державой «продвижения на запад» ныне лишь условно (либо с высокой степенью геополитической ангажированности) можно воспринимать Восточный Туркестан как нечто сугубо «евразийское» (а именно подобный подход превалировал во времена знаменитых путешествий Н. М. Пржевальского²), а не всего-лишь один из специфических регионов ведущего на материке и, при этом, безусловно «азиатского» государства-цивилизации. Рост «фактора КНР», постепенное ослабление былых «скреп» с Россией – предопределяют вполне вероятный «дрейф» на восток (и юг) и Центральной (Средней) Азии, неотъемлемого и (как полагают³) в современной ситуации – одного из ключевых макрорегионов евразийского «месторазвития».

¹ Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.

² Пржевальский Н. М. Четвёртое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашёва, 1888. 556 с.

³ Radnitz, Scott (2018) Between Russia and a Hard Place: Great Power Grievances and Central Asian Ambivalence *Europe-Asia Studies* 70(10), с. 1597–1611; Eder, T. S. (2014) China-Russia Relations in Central Asia. *Energy Policy, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics*. 89 (2), с. 287–294; Svanstom, N. (2012) Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics: Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? 2012. с. 1–248; Pabst, A. (2009) Central Eurasia in the emerging global balance of power. *American Foreign Policy Interests*. 31(3), с. 166–176; Мальшева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 5. С. 101–108.

Фиксируя внимание на делимитации евразийского пространства, на его мегаструктурах, их взаимодействии с аналогичными образованиями «Европы» и «Азии», имеет смысл воспринимать вербальный конструкт «Россия – Евразия» в том числе и как осуществлённую в 1920-е гг. концептуальную попытку идентифицировать роль, статус России как именно доминантного («стержневого»), формирующего и одновременно оконтуривающего «Евразию» («часть света») образования. Впрочем, в той же мере как «нет территорий, навеки закреплённых за каким-либо народом» (эту истину любил озвучивать Л. Н. Гумилёв¹), так нет и не может быть территорий (стран, государств, их центров), способных неизменно оставаться общеевразийскими лидерами, на всех исторических этапах выполнять организующую, «цементирующую» Евразию миссию. Конкретная цивилизация или народ (как справедливо подчёркивал П. Б. Струве в дискуссии с евразийцами²) постоянно видоизменяет свои характеристики во времени. Не опровергали данный тезис, впрочем, и сами классики «евразийства». Так в своей работе «Геополитические заметки по русской истории» (1927 г.) П. Н. Савицкий абсолютно однозначно констатировал: «*В последние годы Россия-Евразия вступила в полосу «мутации» (существенного изменения ряда признаков и свойств). Все исторические ценности и все принятые взгляды подвергаются пересмотру и переоценке... Мутация ещё не завершилась*»³.

Завершая, хотелось бы подчеркнуть, что европейско-азиатское «междумирье» (как суммарное «месторазвитие» евразийских государств и народов) – нестатично, полицентрично, а перспективы любой из его составляющих (в том числе и наиболее «весомых») не только размерами территории, но и экономически, демографически, технологически) – многовариантны, непредсказуемы, зависимы от множества внутренних и внешних обстоятельств.

¹ Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.

² Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 472 с.

³ Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // В кн.: Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 234–263.

Что же касается собственно **России**, то не только её история, но и настоящее, а также грядущая судьба (при любой конфигурации государственных границ) – **неотделима от «Евразии»**, от евразийских структур и процессов, от общей для данного субматерика судьбы.

В равной мере и позиции России, её потенциал и активность – существенны для евразийского пространства (причём не только в ретроспективном плане, но и в актуальном контексте, в перспективе). Понимание этого изначально «заложено» в конструкте «Россия – Евразия», вмещающем, впрочем, и ещё одну, сверхважную (общественно-географическую по своему содержанию и посылу) идею **Россия – есть «Евразия»**, т. е. сама по себе евразийская держава и, в то же время, – «часть света» в её миниатюре. И это предполагает, помимо всего прочего, не только поиск наиболее эффективного баланса её «открытости-изоляционизма», но и обретение столь необходимой в меняющемся мире реальной многовекторности, а также не менее важной синхронизации (с учётом растущей взаимозависимости этносов и государств внутри Евразии) внешней и внутренней (региональной, национальной) политики.

**2. «МОРСКОЙ ПРИНЦИП»
В ПОСТРОЕНИИ ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОГО:
факторы и векторы реализации**

2.1. Евразийские векторы морской активности постсоветской России: «классические» идеи и современность

Важнейший, один из наиболее чётких, явных общественно-географических аспектов миропонимания классиков «евразийства» связан, прежде всего, с восприятием нашего Отечества (России = СССР = Евразии) как «особого внутриконтинентального мира», «наиболее обездоленного» (как это было акцентировано¹) среди прочих стран в плане возможности доступа к превалирующим (в сложившейся мирохозяйственной системе) океаническим обменам.

Подчёркивая, что *«издержки транспорта имеют значение»*², и что *«из разницы в размерах между издержками морских и сухопутных перевозок вытекает вывод: те страны и области, которые по своему положению могут пользоваться преимущественно морским транспортом – в гораздо меньшей степени зависят, в процессах международного транспортного обмена, от расстояния»*³

П. Н. Савицкий уже в одной из первых своих «евразийских» статей «Континент – Океан (Россия и мировой рынок)», размещённой в сборнике «Исход к востоку»), постарался максимально полно и убедительно охарактеризовать экономико-географическое положение «России-Евразии» по отношению к обеспечиваемым преимущественно морским транспортом мирохозяйственным связям, показать **«континентальную» детерминанту и сущность российской экономики.**

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. 357 с.

² Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 104.

³ Там же. С. 105.

«Океан един. Континент раздроблен, – писал Пётр Николаевич, – И поэтому единое мировое хозяйство неизбежно воспринимается как хозяйство «океаническое» и в рамки океанического обмена неизбежно поставляется каждая страна и каждая область мирового хозяйства. Между тем отдельные страны и области мира находятся, в отношении к океану, далеко не в одинаковом положении»¹. Демонстрируя безусловную «географичность» миропонимания, П. Н. Савицкий далее, в этой же статье, обращает внимание, что «в Англии в оборот чужестранными и отечественными товарами, на континентальные перевозки расходуются суммы, представляющиеся ничтожными на единицу товара... Но если в строй мирового обмена интенсивно вступило бы Семиречье [один из регионов Российской Империи, в настоящее время являющийся частью Казахстана – А. Д.], то издержки на перевозку товаров от моря и к морю оказались бы значительны...»². В итоге, подчёркивает автор, «мы можем сказать определённо: масштабы отстояния Семиречья от побережья... определяют, при вступлении Семиречья в строй мирового обмена, некоторую его «обездоленность»³. Обращая внимание на наличие у целого ряда государств (включая и Россию) обширнейших массивов «внутриконтинентальных территорий», Пётр Николаевич, при этом, указывал на реальность перспективы для них «стать задворками мирового хозяйства».

«Как бы ни тщицалась Россия в пределах открытого её политико-экономическому воздействию географического мира выйти к «открытому» морю, – полагал П. Н. Савицкий, – она никогда не увидит перед собой того свободного мирового океана, который плещет у пристаней Нью Йорка или Сан-Франциско, у берегов Ирландии или Бретани...»⁴. Отмечая, что «из всех великих цельностей мирового хозяйства Россия есть наиболее «обездоленная» в смысле возможно-

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 111–112.

стей океанического обмена»¹, что «географическое положение России относительно моря не может быть признано благоприятным»², он акцентировал, – «Необходимо понять, ту существенно ограниченную роль, которая выпадает на долю «океанического», «морского» принципа в построении хозяйства российского»³. Этот фундаментальный тезис (комплиментарный, кстати, широко растиражированным уже к началу XX столетия представлениям А. Мэхэна⁴ о «морских державах» и факторах их «мощи», а также столь же укоренённому, исторически устоявшемуся противопоставлению структур «Моря» и «Суши», получившему предельную завершённость в предложенной Х. Маккиндером модели «Хартленда»⁵) практически вплоть до 1990-х гг. полностью соответствовал реалиям: отчетливо выраженной «континентальности» нашей страны⁶, проявляющейся в том числе и в «стягивании» её демографического потенциала во внутренние, дистанцированные от побережий регионы⁷.

Впрочем, своим проницательным умом Пётр Николаевич Савицкий предчувствовал, осознавал **способность России видоизменяться**, полагая, что «невозможно определить раз и навсегда

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 123.

² Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 98.

³ Там же. С. 125.

⁴ Mahan A. T. (1890). The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Little, Brown & Co. Boston, Repr. of 5th ed., Dover Publications, N. Y.

⁵ Mackinder, H. J. «The geographical pivot of history». The Geographical Journal, 1904, 23, Pp. 421–37.

⁶ Бернштейн-Коган С. В. Очерки географии транспорта. Госиздат: Москва-Ленинград, 1930. 348 с.; Добрецов Н. Л., Конторович А. Э., Кулешов В. В. и др. Стратегия социально-экономического развития Сибири: научные основы и начало реализации // Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации. М.: Наука, 2004. С. 479–592; Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.

⁷ Покшишевский В. В., Федоров Г. М. Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана // География океана: теория, практика, проблемы. Л.: Наука, 1988. С. 148–161.

*содержание будущей русской жизни»*¹. Видел он и те благоприятные возможности и перспективы, которые способен открыть перед страной её «разворот» к Мировому океану. Констатируя, что «русский народ имеет славную морскую историю»², он уже в 1931 году в своих главах из «Очерка географии России» (размещённых в сборнике «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев») озвучивает новый, принципиально важный для пространственного «поведения» России – Евразии вывод: «русская действительность созрела для... выхода «континента-океана» на океаны»³, тем не менее, при этом, подчёркивая: «Лозунг «континента-океана» остаётся первым и важнейшим лозунгом в экономическом развитии России. Программа выхода на океаны... не устраняет но расширяет этот лозунг»⁴. И далее: «Континент-океан и самодовлеющий мир, она [Россия – А. Д.] должна явиться и перекрёстком путей... Это отвечает её природе срединного мира»⁵. Слова эти оказались по многим аспектам не только знаковыми, но и во многом пророческими.

Прочно заняв казалось бы изначально, всей совокупностью географических обстоятельств уготованное ей положение в глобальной «континентально-океанической дихотомии» (данный концепт, развиваемый уже в начале XXI в. Л. А. Безруковым⁶, полагаю, не только адекватен реалиям, но и предельно созвучен мейн-стриму евразийства), наша страна уже в 1960-е годы приступила к активнейшему освоению ресурсного потенциала Мирового океана⁷.

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 5.

² Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 97.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.

⁷ Горшков С. Г. Морская мощь государства. М.: Воениздат, 1976. 416 с.; Сальников С. С. Экономическая география океана – новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 231–242; Слевич С. Б. Океан: ресурсы и хозяйство. Л., 1988. 315 с.

В итоге, СССР де факто оказался в числе ведущих морских держав¹. Процесс этот вновь обрёл заметный импульс уже в современный период, проявляясь не только в морехозяйственной динамике, но и в ощутимом (фиксируемом географами-обществоведами²) «сдвиге к морю» населения и инфраструктуры, в «морской» трансграничной регионализации³, в общей (последние годы устойчиво нарастающей) «мореориентированности»⁴ российского пространства.

Насколько ныне соотносятся чётко проявившийся (особенно с конца 1990-х гг.) «морской вектор» развития России и её столетиями воспроизводящаяся евразийская ипостась, сопряжённые с Евразией стратегические интересы? В какой мере соответствует современная превалирующая интерпретация идей первых апологетов «евразийства» их изначальной сути, духу, потенциалу? Способны ли, должны ли фундаментальные постулаты данной доктрины и далее видоизменяться и каковы возможности, векторы соответствующих метаморфоз в условиях разворачивающейся «большой» евразийской интеграции и сопряжённого с ней вероятностного очередного (ещё более жёсткого и всеохватного) геоэкономического и геополитического «передела» не только около-материковых акваторий, но и в целом Мирового океана? Попытка

¹ Дружинин А. Г. «Морская составляющая» общественной географии современной России: базовые подходы и концепты // Географический вестник. 2020, № 2 (53). С. 24–37.

² Дружинин А. Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Серия географическая. 2016. С. 10–19; Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Разумовский В. М. Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149. № 3. С. 15–31.

³ Бакланов П. Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 4 (5). С. 8–19; Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 4. С. 7–28.

⁴ Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.

ответа на данные вопросы являет основной целевой ориентир данного и двух других последующих «морских» разделов книги.

Сразу же акцентирую: практически **все три последних десятилетия ознаменованы последовательным инкорпорированием России в «океаническую» экономику**, причём процесс этот напрямую связан с евразийским пространством, с многоаспектными его трансформациями.

После геополитической катастрофы 1991 г. наша страна (в своих изменённых границах) оказалась лишь одним из «осколков» былой «Евразии» (каковой ранее она виделась П. Н. Савицкому, Н. С. Трубецкому и их интеллектуальным сподвижникам), последовательно обретавшей и свою новую (многополюсную) архитектуру, и преимущественную ориентацию на глобальные рынки, и существенную зависимость от экзогенных «центров силы»¹. Она лишилась одновременно как обширнейших внутриконтинентальных территорий (став формально-географически «более океанической»; 96 % её морских границ простирались, при этом, в арктических и тихоокеанских акваториях), так и значительной части былой приморской инфраструктуры (вне России, в новых независимых государствах, остались 15 крупных системообразующих приморских городов, 9 из 17 пароходств Советского Союза и 25 из 67 его морских портов²).

В новой ситуации «морской вектор» в развитии страны был не только жизненно необходим, но и (с учётом превалирующих геοэкономических интересов) практически безальтернативен. Можно, при этом, лишь поражаться, насколько корректно и точно основоположники «евразийства» загодя смогли высветить, предвосхитить российское будущее (ставшее постсоветским настоящим), когда, подмечая риски периферизации «континентальной» страны, одновременно полагали, что «в области экономи-

¹ Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.

² Алхименко А. П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005, С. 5–23.

ческой существование России окажется, быть может, наиболее «западническим»¹. Нашему же «открывающемуся» глобальной экономике Отечеству вновь (и в кратчайшие сроки) пришлось решать практически извечную задачу «доступа к морю» (в первой половине 1990-х гг. более 40 % всех грузоперевозок Российской Федерации обеспечивали порты Украины и стран Балтии²). Альтернативой внешней экспансии (в российской истории – впервые начиная с XVI в., то есть момента, когда важнейшую внешнеторговую миссию обрёл город Архангельск) стало инфраструктурное обустройство остающихся в юрисдикции РФ побережий, чётко акцентированное уже в одной из самых ранних (что симптоматично!) постсоветских целевых программ «Возрождение торгового флота России на 1993–2000 годы».

Характерно, что к началу 2000-х гг. вопрос «импортозамещения» в портово-логистической сфере оказался в целом достаточно успешно решен³; в последующий период (2000–2019 гг.) грузооборот морских портов России вырос ещё более чем в 4 раза. В этой связи проблематика перевалки российских грузов в «чужих» морских портах во-многом утратила свою былую остроту и актуальность (ныне она озвучивается российскими экспертами лишь применительно к странам Балтии, причём сугубо в геополитическом контексте⁴).

Став важнейшим фактором, индикатором и драйвером «разворота к морю» (рис. 2), российская портовая активность (дополняе-

¹ *Исход к Востоку*. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 5.

² Романенко А. А. Морские порты, транспортный флот и судостроение России // Морехозяйственный комплекс России. Санкт-Петербург: РГО, 2005. С. 24–73.

³ Druzhinin A., 2019. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia. *Quaestiones Geographicae*. 38 (2). Boducki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, Pp. 91–100.

⁴ Межевич Н. М., Шамахов В. А. Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая: научный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 54 с.

мая с начала 2000-х гг. строительством морских газотранспортных систем¹⁾ не только позитивно видоизменила транспортно-географическое положение Российской Федерации (что констатируют в том числе ведущие зарубежные эксперты²⁾), но и наглядно продемонстрировала усиливающуюся «размолвку» между нашей страной и столь же интенсивно «европеизирующимися» (либо декларирующими это) приморскими постсоветскими государствами к западу от российских границ. Она же, впрочем, явилась и одной из детерминант евразийской реинтеграции. Характерно, что озвученная в 1994 г. перспектива поставок казахстанской нефти через систему КТК в терминалы Новороссийска – не только оживила евразийский дискурс, но и реально «сработала» на дальнейшую «мореориентированность» как нашей страны, так её «внутриконтинентальных» партнёров по СНГ.

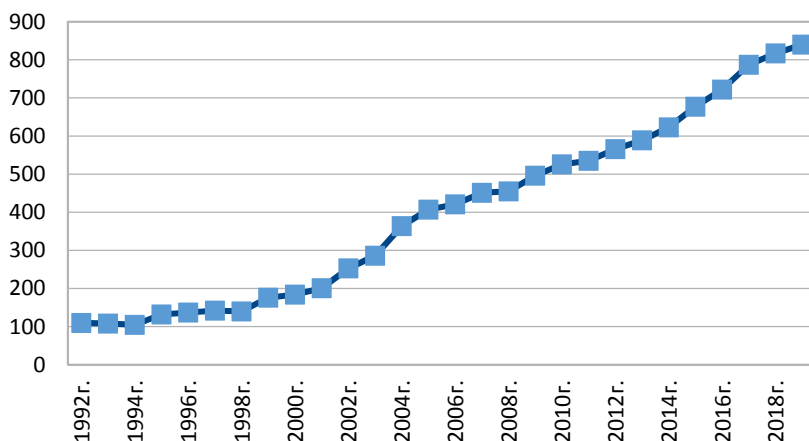

Рис. 2. Грузооборот морских портов России, млн тонн (в динамике)*

* Составлено автором по данным Ассоциации морских портов России.

¹ *Потоцкая Т. И.* Геополитический аспект современного транспортно-географического положения России // Известия РАН. Сер. географическая. 2018. № 3. С. 5–17.

² *Radvanyi J.* Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // Hérodote. Géopolitique de la Russie, 2017. № 166–167. Pp. 113–132.

Корреспондируя с внешнеторговым, сырьевым профилем Российской Федерации, постсоветское развитие её морского хозяйства изначально носило во многом производный от глобальной и евразийской геоэкономической ритмики и логистики характер. По инерции ещё именуемый «комплексом»¹ морской сегмент национальной экономики, адаптируясь к рыночным реалиям, явил свою выраженную фрагментированность (прежде всего в институциональном отношении; особо показательны здесь рыбная отрасль, а также портовое хозяйство, где в пределах одного лишь порта зачастую действуют десятки самостоятельных стивидорных компаний) и асимметрию (акваториально-территориальную и отраслевую), тяготея к немногим крупнейшим приморским городам и приуроченным к ним же трансграничным «транспортным коридорам». Возрастающая внешнеэкономическая активность страны (только за 2000–2008 гг. её внешнеторговый оборот увеличился в 3,4 раза) инициировала позитивную динамику морских портов (за аналогичный период – рост грузооборота в 2,5 раза), а также развитие «припортовых» промышленных производств и их территориальных кластеров (в Санкт-Петербурге, Калининграде, Таганроге и др.²).

Рост российской «морской экономики» оказался самым тесным образом сопряжён с её **интернационализацией**, что проявилось и в такой перспективной, интенсивно развивающейся сфере как добыча энергоресурсов на шельфе и в приморских зонах (Сахалин, Ямал, Каспий и др.): начиная с 2001 г. объём «морской» нефтедобычи в стране возрос в почти в 23 раза, природного газа (включая СПГ-проекты) – увеличился более чем восьмикратно. Рост мерехозяйственной активности оказался, при этом, практически повсеместным, проявляющимся во всех «морских» макрорегионах страны (табл. 1).

¹ Алхименко А. П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005. С. 5–23.

² Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2017. 421 с.

Таблица 1

**Динамика основных компонент морехозяйственной активности
России за 2013–2018 гг.,
(соотношение показателя 2018 г. к аналогичному показателю 2013 г, %)***

Макрорегион	Улов морских биоресурсов	Морская нефтедобыча,	Морская (приморская) газодобыча**	Грузооборот морских портов
Балтийский	133	64	86	114
Черноморско-Азовский	53	–	102	155
Каспийский	127	401	215	51
Тихоокеанский	113	128	108	132
Арктический	106	100	102	157
Россия в целом	115	164	112	134

* Составлено автором по данным Росстата и Ассоциации морских портов России¹.

** Полномасштабное производство СПГ на Ямале «стартовало» в 2019 году.

В трансграничные воспроизводственные «цепочки» оказалась предельно вовлечена и рыбодобывающая промышленность (в первую очередь – в западном секторе Арктики и в Тихоокеанской России; так, к примеру, в Приморском крае, обеспечивающем до 15 % всей рыбодобычи РФ, ежегодно порядка 85–90 % уловов рыбы и морепродуктов экспортоориентированы, в первую очередь – в КНР и Республику Корея²).

Ключевые морехозяйственные отрасли нашей страны, в итоге, не только обрели зависимость от зарубежных рынков, техно-

¹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. М.: Росстат, 2014; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. М.: Росстат, 2020. [Электронное издание] <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> (Дата доступа – 18.03.2020); Грузооборот морских портов по бассейнам за 2013 и 2018 годы // Статистика Ассоциации морских портов России. [Электронное издание] <https://www.morport.com> (Дата доступа – 18.03.2020).

² Рыбохозяйственный комплекс Приморского края. Сборник с аналитической запиской. Владивосток: Приморскстат, 2018. 43 с.

логий, сервисных и финансовых центров, но и оказались инкорпорированы (вместе с «вмещающими» их приморскими территориями) в формирующиеся (конструируемые) по периметру Российской Федерации аквальные структуры: Балтийский регион, Баренц-регион, Причерноморье, Каспий, регионы Японского и Охотского морей (процесс этот уже достаточно хорошо осмыслен и освещён российскими географами¹). На этом фоне в масштабе России ещё рельефнее проявил свой «вес» и специфику контур собственно приморских регионов (чью значимость для «страны-континента» подчёркивал, кстати, и П. Н. Савицкий²), укрепился их экономический потенциал (доля приморских субъектов РФ в суммарном ВРП страны симптоматично возросла с 22,87 % в 2000 г. до 24,34 % в 2013 г. и 26,85 % в 2018 г.). Знаковым проявлением «морского» переформатирования российского пространства стал и последовательный «переток» населения в примыкающие к побережью муниципальные образования (в сумме это 84 городских округа и 97 муниципальных районов; занимая 27,5% территории страны, они концентрируют вместе с двумя «муниципалитетоподобными» субъектами РФ – Санкт-Петербургом и Севастополем почти 21 млн человек); характерно, что если в 2002 г. на их долю приходилось 12,5% от общего числа жителей России, то в 2010 г. – 13,7%, а в 2019 г. – 14,2 % (табл. 2).

Подобный практически реализуемый многоаспектный, трендовый «сдвиг» страны к морю стал, в итоге, не только логической реакцией ранее, действительно, преимущественно «кон-

¹ Бакланов П. Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 4(5): 8–19; Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 7–28; Дружинин А. Г. Российское Причерноморье в современной Евразии: геополитические и морехозяйственные факторы региональной динамики // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3. С. 5–15.

² Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 118–199.

**Динамика численности населения в приморских муниципалитетах
России¹**

Группы муниципалитетов	Суммарная численность населения						Изменение численности населения 2019/2002
	2002 г.		2010 г.		2019 г.		
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	
Собственно приморские	13775005	75,74	14772731	75,31	15501445	74,36	112,53%
Тяготеющие к морю	2042777	11,23	2069976	10,55	2128137	10,21	104,18%
Тяготеющие к приморским агломерациям	2368797	13,02	2774483	14,14	3217658	15,43	135,84%
Все приморские муниципалитеты	18186579	100,0	19617190	100,0	20847240	100,0	114,63%

* Составлено по данным Росстата.

тинентальной» страны на «океанические» реалии и вызовы¹но и условием, проявлением предтеч ей включения в «большие» евразийские партнёрства (обретшие, кстати, свою актуальность, «вес», резоны и политико-идеологическую легитимность лишь в «посткрымском» мире, т. е. с рубежа 2015–2016 гг.²).

Присущее постсоветскому периоду существенное наращивание Россией своих «морских» свойств и характеристик, таким образом, не только проиллюстрировало акцентированную, предсказанную первыми «евразийцами» аттрактивность «океанической» экономики, но и, одновременно, ещё раз верифицировало фундаментальный тезис (озвученный два десятилетия назад В. А. Колосовым и Н. С. Мироненко³): любого рода подразделение государств на «стерильно» континентальные и «чисто» морские возможно лишь теоретически.

Оказавшись (своими отдельными отраслевыми и территориальными компонентами) составляющей объединяемой Мировым океаном глобальной экономики и, при этом, де факто оставаясь (превалирующей пространственной структурой) преимущественно «внутриконтинентальной» страной (показательно, что на расстоянии 500 км от моря и более локализованы 54 центра субъектов Федерации, вмещающие более 73 % всего населения региональных столиц России), Российская Федерация ныне всё явственнее демонстрирует свою двуединую (впервые чётко акцентированную видным отечественным не только флотоводцем, но и «морским» теоретиком Адмиралом Советского Союза С. Г. Горшковым⁴) ипостась **«континентальной и морской державы»**. Её восприятие (к

¹ Дружинин А. Г., Лялина А. В. Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. № 2-1(2). С. 20–35.

² Котляков В. М., Шупер В. А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред. В. М. Котлякова и В. А. Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 357–372.

³ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспент Пресс, 2002. 479 с.

⁴ Горшков С. Г. Морская мощь государства. М.: Воениздат, 1976. 416 с.

позиций классического «евразийства») как «*страны-континента*»¹ в современном контексте обретает, в этой связи, существенно более широкий, дуальный (вмещающий в том числе и морскую составляющую) ракурс. Тем более, что наряду с текущей геоэкономической конъюнктурой, морская активность России в присущем ей позиционировании «от моря до моря» (как более столетия назад образно и точно охарактеризовал специфику нашей страны В. П. Семёнов-Тян-Шанский²) предопределяется в том числе и геополитическими резонами (во все времена неизменно актуальными³, но оказавшимися особо значимыми именно в постсоветский период, когда морские порубежья стали в том числе «геополитическим ключом»⁴ к Евразии). Сохраняет своё значение «морской фактор» и для обеспечения целостности Российской Федерации, связанности обширнейших российских территорий, включая, в первую очередь, арктические побережья (чья социально-экономическая повседневность в огромной мере зависима от морского «северного завоза»⁵) и регионы Дальнего Востока страны (по сути являющего собой единую аква-территориальную систему⁶).

В последнее десятилетие (в наиболее выраженном, явном виде – с рубежа 2013–2014 гг.) «мореориентированность» России обретает дополнительные (также напрямую сопряжённые с трансформацион-

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.

² Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.

³ Горшков С. Г. Морская мощь государства. М.: Воениздат, 1976. 416 с.; Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль 1908. Кн. 1. С. 1143–1157; Дусинский И. И. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военноморской политики. Т. 1. Цели нашей внешней политики. Одесса, 1910. 141 с.

⁴ Дергачёв В. А. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 584 с.

⁵ Голубчиков Ю. Н. Север в геостратегии России // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 4. С. 7–13.

⁶ Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. П. Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.

ными процессами в евразийском пространстве¹⁾ импульсы и векторы. Важнейший – частичное преодоление ранее сложившейся чрезмерной «ветернизированнойности» в локализации морехозяйственной активности и, соответственно, её бóльшее пространственное рассредоточение, проявляющееся как в приращении числа значимых центров «морской» экономики (побережье Ямала с его СПГ-производством, Крымский полуостров, развитие портовой и военно-морской инфраструктуры в Дагестане), так и в ощутимом перераспределении грузооборота в пользу портов Приморского края и Арктической зоны.

На этом фоне (созвучном логике «разворота на восток» и формирования пока зыбкого, лишь декларируемого контура «Большой Евразии»²⁾) продолжается развитие морской инфраструктуры трансграничного хозяйственного взаимодействия на Балтике (где, наряду с завершением газотранспортной системы «Северный поток-2», на повестке – наращивание портовых мощностей в Приморске, Усть-Луге, Пионерском и др.³⁾ и в Причерноморье (в 2019 введён в эксплуатацию газопровод «Турецкий поток», в активной фазе строительство новых грузовых терминалов в Тамани и др.). Всё это, впрочем, сочетается с возрастающей геополитически мотивированной «барьерностью» данных акваторий, более чётким (как не без оснований видится зарубежным авторам⁴⁾ про-

¹ Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.

² Россия в формирующейся Большой Евразии. Вопросы географии. Сб. 148 / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.; Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.

³ Лачининский С. С., Шендрик А. В. Геополитические и геоэкономические мотивы в реализации морехозяйственной стратегии России в регионе Балтийского моря // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5 (15). Вып. 4. 2019 г. С. 62–74.

⁴ Nicolas Escach, «Partage de la mer et nouveaux conflits géopolitiques en Baltique», Hérodote 2016/4 (N° 163), p. 175–191; Louis Pétiniaud. Du «lac russe» au «lac OTAN»? Enjeux géostratégiques en mer Noire post-Crimée. Hérodote, N° 166–167, La Découverte, 3e trimestre 2017. p. 217–228.

явлением в их пределах демаркационных линий (активно прочерчиваемых ныне коллективным Западом).

Реальностью стала и эскалация геостратегического противостояния в Арктике¹, неразрывно связанная не только с реализуемыми Россией её «морскими» интересами, но и с меняющимся общим «балансом сил» в Евразии. Укрепление, обустройство морского порубежья (включая его «критические» в условиях геополитической турбулентности сегменты: Крым и Калининградскую область, острова Курильской гряды) – становится в этом контексте одним из приоритетов обеспечения устойчивости евразийского позиционирования Российской Федерации, равно как и сохранения её исторически сложившегося «континентального» облика, масштаба.

¹ Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Изд-во Северного (Арктического) ун-та, 2010. 400 с.; Ивашов Л. Г., Кефели И. Ф. Морская мощь российской Арктики: геополитический аспект // Морской сборник. 2012. Т. 1983. № 6. С. 43–49; Мартынов В. Л., Кузин В. Ю. Границы Арктики и границы в Арктике // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 4–17; Пилясов А. Н., Путилова Е. С. Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 21–43.

2.2. Мореориентированность «страны – континента» в новой глобальной реальности: основные детерминанты и приоритеты

Постсоветские десятилетия, видоизменяя Российскую Федерацию, в итоге, ощутимо нарастили, вывели на авансцену её «морские» структуры и характеристики.

В настоящее время в российской юрисдикции – 6,2 млн км² шельфа и континентального склона (что соответствует 21 % площади шельфа Мирового океана¹, причём характерно, что именно в шельфовых зонах добывается треть полезных ископаемых планеты²). Площадь исключительных экономических зон Российской Федерации достигает (согласно подсчётам³) около 7,6 млн км² (2 % от общей площади Мирового океана), а общая длина морских границ по оценкам (в зависимости от методов исчисления⁴) варьирует в диапазоне от 35,3 до 46 тыс. км.

В приморских зонах России локализованы 67 морских портов мощностью около 1003,6 млн тонн в год с протяженностью причального фронта порядка 148 тысяч погонных метров⁵. Их удель-

¹ *Еремин Н. А., Кондратюк А. Т., Еремин Ал. Н.* Ресурсная база нефти и газа Арктического шельфа России // Георесурсы, геоэнергетика, геополитика. 2010. № 1. С. 23–33.

² *Горкина Т. И.* Океанический шельф как район нового освоения для мировой экономики // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 3. С. 19–28.

³ *Алхименко А. П.* Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. 2005. С. 5–23.

⁴ *Кисловский В.* О морской границе // Морской сборник. 2009. Т. 1945. № 3. С. 30–32; *Трейвиш А.* Российская геополитика от Гостомысла до наших дней. Краткий обзор идей и фактов // Знание-сила. 1995 № 8. С. 5–16.

⁵ Морские порты. Сайт Росморпечфлота РФ. http://morflot.gov.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/portyi_rf.html (Дата доступа – 03.10.2020)

ный вес в суммарном грузообороте морских портов мира достигает 3,6 %; ни один российский порт не входит, при этом, в двадцатку портов-лидеров по грузообороту.

В российской юрисдикции находится 2717 коммерческих судов (из них 1783 построены 25 лет назад и ранее, и только 212 имеют возраст менее 5 лет), что эквивалентно 1,2 % тоннажа мирового торгового флота (и обеспечивает стране по этому показателю 19-е место в мире; лишь треть принадлежащих российским хозяйствующим субъектам судов зарегистрирована под российским флагом)¹. Одновременно у России – 287 различного рода военных судов, включая подводные лодки и катера (или около 12 % суммарного водоизмещения всех кораблей военно-морских сил на планете).

Современная Россия располагает достаточно развитой судостроительной базой, объединяющей более 150 предприятий с совокупной занятостью более 120 тыс. человек²), локализованных прежде всего в крупных приморских городских агломерациях: Санкт-Петербургской («Адмиралтейская верфь», АО «Балтийский завод» и другие ведущие российские судостроительные заводы), Владивостокской (АО «Звезда» и ещё 58 специализированных на судоремонте и судостроении предприятий и фирм), Ростовской (24 средних и небольших предприятия), Калининградской (АО «Янтарь» и др.), Архангельской («Северное машиностроительное предприятие» и др.), Астраханской (АО «Лотос» и др.)³. Квота России на рынке военного кораблестроения составляет около 20 % мирового портфеля заказов, но, при этом, доля российских судостроительных заводов в объеме заказов российских коммерческих судовладельцев последние полтора десятилетия лишь немногим

¹ UNCTAD (2019). Review of Maritime Transport 2018 (United Nations publication. Sales No. E. 18. II. D. 5 New York and Geneva).

² Бутов А. М. Рынок продукции судостроения. 2018. М.: Высшая школа экономики, 2019. 73 с.

³ Дружинин А. Г. Региональная локализация морехозяйственной активности в современной России: особенности, структуры, эффекты // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 34–45.

превышает 6 % (в мировом масштабе это около 0,5 % по компенсированному брутто тоннажу или 1,3 % по числу судов¹).

Приоритетными направлениями морехозяйственной активности страны являются и добыча биоресурсов моря (включающая морское рыболовство и аквакультуру, обеспечиваемые 4056 специализированными предприятиями и организациями), а также поиск и извлечение минерального сырья (нефть, газ) на морских шельфах и побережьях (осуществляемые компаниями «Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «НОВАТЭК», а также их дочерними структурами)². По подсчётам автора³ отрасли «морской экономики» (портовое хозяйство, судостроение, добыча биоресурсов, приморская рекреация и др.) в совокупности генерируют не менее 5,5 % ВВП страны, а выраженная «мореориентированность» присуща (в различной степени) 42 крупнейшим российским компаниям из Топ-100 рейтинга РБК (их суммарная доля по РФ в общем выпуске товаров и услуг достигает 16,5 %⁴). Непосредственно в 74 приморских городах проживает почти 14 млн чел. (что эквивалентно 12,7 % всего городского населения) и доля «приморских жителей» в населении страны два последние десятилетия, при этом, в целом стабильно растёт.

Несмотря на существенную концентрацию в приморских зонах населения (преимущественно в Санкт-Петербургской, Ростовской, Севастопольско-Ялтинской, Сочинской, Калининградской и некоторых других групповых системах расселения) и выраженную

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие судостроения на 2013–2030 годы» [Электронное издание] https://knastu.ru/media/files/page_files/science/unid/new_folder/__/Gosprogramma_RF_Razvitiye_sudostroyeniya_na_2013_-2030_gody.pdf (дата доступа: 11.02.2020).

² Дружинин А. Г., Лачининский С. С. Россия в Мировом океане: геоэкономические и геополитические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия Русского географического общества. 2019. Вып. 6. С. 1–19.

³ Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов н/Д; Таганрог. Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.

⁴ Дружинин А. Г. Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации // Балтийский регион. 2019, Т. 11. № 4. С. 136–151.

асимметрию в локализации морехозяйственной инфраструктуры (крупнейшие порты, судостроительные предприятия, приморские туристско-рекреационные комплексы размещены на западе и юго-западе Российской Федерации, а важнейшие рыбохозяйственные и перспективные «нефтегазовые» акватории – на её северной и восточной периферии) – морская активность имеет место на всех без исключения основных сегментах побережья страны (табл. 3).

Таблица 3

**Демографический, экономический и военно-силовой «вес»
секторальных компонент морского порубежья России***

Сектор	Удельный вес в масштабе всего морского порубежья России, %						
	Прот- тяжён- ность мор- ских границ	Числен- ность наसेле- ния при- морских городов	Грузо- оборот мор- ских портов	Объём уловов мор- ских биоре- сурсов	Доля в «мор- ской» до- быче нефти	Доля в «мор- ской» добыче природ- ного газа	Доля кора- бель- ного соста- ва ВМС России
Балтийский	0,3	43,2	30,5	7,59	1,2	0,1	18,5
Черноморско- Азовский	2,9	25,6	30,7	1,97	0,3	4,9	18,8
Каспийский	1,5	7,7	0,9	1,31	21,3	7,6	9,4
Тихоокеанский	44,1	14,4	25,4	67,73	68,9	87,3	45,5
Арктический	51,2	8,5	12,5	21,40	8,3	0,1	27,8

* Составлено автором по данным Росстата, Ассоциации морских портов России и Министерства обороны РФ; информация за 2018 г.

Таким образом, пусть отчасти, фрагментами, но судьбоносный для страны транзит её местоположения в дихотомии «Суша – Море» (который, конечно же, крайне сложно было предвидеть столетие назад) состоялся. Достигнутый позитив сопровождался, впрочем, масштабными дисбалансами (между морскими грузопотоками и возможностью их осуществления собственно российским фрахтом; военным и гражданским судостроением, спросом на технологиче-

ские морские инновации и его обеспечением отечественными разработками и др.¹⁾, которые множат риски и проблемные ситуации реализации «морского суверенитета» страны, резко проявившиеся именно в последнее пятилетие в условиях эскалации международной конфронтации и введения отдельными государствами и межгосударственными объединениями различного рода (экономических и технологических) санкционных режимов. Разумную достаточность военно-морских сил страны и её конкурентоспособность на глобальном рынке вооружений в данном контексте необходимо, как видится, сочетать с реальным «прорывом» в области морских технологий, с практическим решением задачи обеспечения Российской Федерации всеми видами современной морской техники (данный императив весьма наглядно продемонстрировала ситуация с газопроводом «Северный поток – 2», «почти завершённым» в конце 2019 года, но застопорившимся из-за введённых США санкций). Сама морехозяйственная активность страны, её технико-технологический потенциал и социально-экономические следствия – обретает, при этом, выраженное геополитическое изменение.

Конец XX – первые десятилетия XXI столетия ознаменованы интенсивной, всё возрастающей геополитизацией не только собственно научного дискурса, но и в целом общественного сознания²⁾; тенденция эта в полной мере оказывает ныне влияние и на морские структуры, процессы.

В системе практической мировой геополитики уже с рубежа XVI–XVII веков (в связи с Великими географическими открытиями и соответствующим переходом части человечества к «морскому существованию»³⁾) «фактор моря» выступает одним из основопо-

¹ Дружинин А. Г. «Морская составляющая» общественной географии современной России: базовые подходы и концепты // Географический вестник. 2020. № 2 (53). С. 24–37.

² Дружинин А. Г. «Морская составляющая» современной российской геополитики: детерминанты, приоритеты, эффекты // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2020. № 9. С. 4–18.

³ Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.

лагающих. Особый масштаб и вездесущность он обретает, однако, именно со второй половины XIX столетия, т. е. в эпоху максимального расцвета Британской империи (по выражению известного специалиста по зарубежной географии И. А. Витвера – «в течение нескольких веков заботливо и ревниво овладевавшей ключевыми позициями на морских путях»¹). Начиная с 1970-х годов просторы Мирового океана становятся объектом глобального геополитического передела², получившего затем новый импульс уже в постсоветский период.

В настоящее время (характеризуемое угрозой «новой холодной войны», которая, как полагают некоторые³, повторит великое противостояние «Земли» и «Моря» в русле идеологом А. Мэхэна и Х. Маккиндера), попытки тех или иных «центров силы» не только «застолбить», но и прирастить контролируемую морскую акваторию (что, к примеру, наглядно демонстрируют Турецкая Республика в Восточном Средиземноморье, а КНР – в Южно-Китайском море) – существенно активизировались, стали доминантным мотивом морской деятельности, приоритетной составляющей государственной политики.

Морское порубежье современной России (обладая высоким конфликтогенным потенциалом) своими важнейшими сегментами – также испытывает перманентное внешнее политико-информационное и геоэкономическое «давление». В числе объектов явного либо латентного притязания внешних сил – и Крым, и южные острова Курильской гряды, и российский эксклав на Балтике (Калининградская область). Растёт острота геополитического противостояния в Арктике, где более двух десятилетий назад Россия сама (ратифицировав в 1997 г. Морскую конвенцию ООН и, соответственно, добровольно отказавшись от имевшего место

¹ Витвер И. А. Избранные сочинения. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 357.

² Алхименко А. П., Слевич С. Б. Современные внешнеполитические аспекты географии океана и геополитические концепции // География, политика и культура. Л.: Наука, 1990. С. 85–93.

³ Jean Sylvestre Mongrenier. Poutine et la mer. Forteresse «Eurasie» et stratégie océanique mondiale // Herodote. 2016/4 (№ 163), p. 155–174.

ранее секторального принципа деления Арктики) резко ухудшила свои конкурентные позиции (по подсчётам Л. А. Безрукова¹ площадь акваторий, оказавшихся за пределами нашей 200-мильной экономической зоны, составила 1,7 млн км²). В результате Российская Федерация в существенной мере утратила свои былые эксклюзивные права в пределах Северного Ледовитого океана (СССР безраздельно и бесспорно контролировал 46 % всей его площади), где ныне любой арктический проект, помимо чисто экономической (а оценочная стоимость ресурсов минерального сырья только в российской Арктике, как полагают², составляет более 30 трлн долл., 2/3 из которых приходится на углеводороды), всегда несёт также и геополитическую функцию. Как абсолютно справедливо констатируют А. Н. Пилясов и Е. С. Путилова «все морские маршруты, даже в зоне российской юрисдикции геополитически значимы, автоматически «нагружены» вопросами суверенитета»³.

Сохранил своё действие и акцентируемый в трудах «евразийцев» феномен мирохозяйственной «обездоленности» российского пространства. Речь здесь, конечно же, идёт, прежде всего, о социально-экономическом положении «внутриконтинентальных» территорий (данная проблематика подробно и глубоко раскрыта в публикациях наших сибирских коллег⁴). Впрочем и из 23 приморских регионов России лишь шесть (включая Санкт-Петербург и Ленинградскую область) за 2000–2018 гг. характеризовались реальным приростом их доли в ВРП РФ; в одиннадцати (в их числе – Краснодарский и Приморский края, Ростовская и Калинин-

¹ *Безруков Л. А.* Политико-географические проблемы делимитации Севера и Арктики России // География и природные ресурсы. 2015. № 4. С. 68–80.

² *Горкина Т. И.* Геополитические проблемы Арктики // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 6. С. 7–18.

³ *Пилясов А. Н., Путилова Е. С.* Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 28.

⁴ *Михайлов Ю. П.* Куда идти Сибири: взгляд географа // География и природные ресурсы. 2007. № 3. С. 158–165; *Безруков Л. А.* Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 79–89.

градская области) среднему по России уступал душевой объём генерируемой добавленной стоимости, в девяти – душевые инвестиции в основной капитал. Лишь в 85 приморских муниципалитетах «первого уровня» (из 181) за последние два десятилетия прироста численность постоянного населения.

Достаточно очевидно, в этой связи, что ни «приморскость», ни «мореориентированность» сами по себе не гарантируют привилегированного места в центрo-периферийных структурах, воспроизводящихся как в широком континентально-морском континууме, так и в пространстве собственно «океанической» экономики. И следовательно, по многим аспектам уже **состоявшийся «разворот» Российской Федерации к морю целесообразно воспринимать не неким абсолютным позитивом (и безусловным целевым ориентиром на будущее), а лишь качестве приоритетного средства, способа решения стратегически значимых (во-многом исторически и географически сфокусированных на Евразии, её территориальных структурах, процессах) наших национальных (в том числе и «морских») задач.** Обосновываемая в рамках евразийской доктрины идея «континентальности» России, в этой связи, вновь актуализируется, оказывается созвучной меняющейся глобальной реальности.

Итогом разразившейся с начала 2020 г. «коронавирусной» пандемии (катализирующей и высвечивающей негатив глобальных социальных трендов) станет, как уместно предположить, не только очередной временный спад мирохозяйственной активности, но и некоторое сокращение (наряду с переформатированием) трансграничных (в том числе и трансакваториальных, обеспечиваемых «морским фактором») потоков и связей. Кризисные процессы неминуемо напрямую повлияют на морскую деятельность и, в отличие от ситуации 2014–2015 гг., окажутся, полагаю, глубже и продолжительнее. Их проявления, при этом, затронут портовое хозяйство (и в 2008, и в 2014 г. снижение цен на базовые российские сырьевые товары сопровождалось ростом их экспорта в натуральном выражении; сейчас ситуация – иная: впервые с 1999 г. грузоперевалка в российских портах начала сокращаться,

снизившись в январе – октябре 2020 г. на 3 % по сравнению с тем же периодом прошлого года¹), а также нефтегазовые проекты в шельфовых зонах и, конечно же, из-за неизбежного общего свёртывания инвестиционного спроса корпораций и госзаказа – судостроение (при том, что по итогам третьего квартала 2020 г. Россия оказалась второй страной в мире по объёму спущенных на воду судов, уступив Южной Корее, но опередив Китай²).

В морехозяйственной активности ещё чётче проявится геополитическое целеполагание, акцент на общий имидж страны (способные превалировать в том числе над геоэкономическими резонами, «перевешивать» собственно экономические доводы). В наибольшей мере данная ситуация будет присуща российской Арктике, где существенной государственной поддержки потребует размещение и функционирование не только военной, но коммерческой инфраструктуры, в том числе и дальнейшее развитие Северного морского пути (характерно, что под влиянием неблагоприятной ценовой конъюнктуры мировых рынков многие «арктические» проекты, ранее заявленные российскими компаниями, откладываются на период после 2030 г.³). Это, в свою очередь, неизбежно увеличит «геополитическую нагрузку» федерального бюджета, чьи возможности в условиях экономического спада весьма существенно сократились (если исходить из данных Минфина РФ, запланированные на 2020 год расходы в долларовом эквиваленте – окажутся на 15–17 % меньше фактических бюджетных расходов 2019 года).

На этом фоне повысится мотивация к интернационализации хозяйственного освоения (в первую очередь – в энергетической

¹ Грузооборот морских портов за 10 месяцев 2020 года [Электронное издание] <https://www.morport.com/rus/news/gruzooborot-morskikh-portov-rossii-za-10-mesyacev-2020-goda> (Дата доступа – 03.12.2020)

² Россия вышла на второе место в мире по объёмам судостроения [Электронное издание] https://smart-lab.ru/mobile/topic/650359/?utm_referrer=korabel.ru%2Fnews%2Fcomments%2Frossiya_vyshla_na_vtoroe_mesto_v_mire_po_obemam_sudostroeniya.html (Дата доступа – 03.12.2020)

³ *Пилясов А. Н., Путилова Е. С.* Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 21–43.

сфере), т. е. к ориентации на реальный и устойчивый спрос конкретных зарубежных компаний и государств, на «защищённый» от различных форм санкционного давления трансфер финансовых ресурсов и технологий. Транснациональные характеристики начнёт постепенно обретать и Северный морской путь (справедливо рассматриваемый как транспортно-геополитический мегапроект, «встроенный» прежде всего в трансграничное пространство Востока Евразии¹). Возрастёт также роль макрорегиональных партнёрств и альянсов (что, вне сомнения, способно привести к дальнейшему укреплению в Тихоокеанской России позиций Китая, а также усилить значимость взаимодействия с Турцией в Причерноморье и с Ираном – на Каспии).

Симптоматичным, знаковым, в этой связи, предстаёт и вновь проявляющееся в последнее время стремление инкорпорировать российские акватории (с их морехозяйственным потенциалом) в состав тех или иных ментально конструируемых сверхкрупных (субпланетарного масштаба) аква-территориальных образований. Так, в частности, совсем недавно озвучен концепт Аркто-Пацифики², чья полномасштабная фактическая реализация, полагаю, способна не только ощутимо «продвинуть» российские арктические транспортные и энергетические проекты (обеспечив, одновременно, бóльшую сопряжённость морской деятельности в Арктике и на Дальнем Востоке России), но и в существенной мере усилить в арктическом морском порубежье Российской Федерации позиции ведущих азиатских держав, в первую очередь – Китая.

В новой геостратегической реальности, полагаю, проявится также выраженный диссонанс между кратко-среднесрочным ослаблением факторов и проявлений «мореориентированности» Российской Федерации и сохраняющимися долгосрочными интересами наращивания страной и её «морской мощи», и присутствия

¹ *Бакланов П. Я., Мошков А. В., Романов М. Т.* Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География.* 2018. № 4. С. 74–8.

² *Куприянов А. В.* Конструируя Аркто-Пацифику // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 6 (106). С. 150–152.

в Мировом океане, подстёгиваемыми, кстати, прогрессирующей политико-экономической неустойчивостью, нестабильностью и отдельных государств, и их группировок, всё более заинтересованных в решении своих внутренних проблем за счёт очередного «передела» мира (включая и океанические акватории, «средиземные» моря, шельфовые зоны).

Генерированная и акцентированная столетие назад в трудах первых «евразийцев» идеологема России как «*страны-континента*», как видится, не просто созвучна данному контексту, но и позволяет непротиворечиво интегрировать на единой концептуальной платформе такие стратегические для страны (и лишь внешне разноплановые) задачи как приоритетное развитие собственно «внутриконтинентальных» евразийских партнёрств (достижение договорённостей относительно статуса Каспия позволяет активнее наращивать их и в акваториальном формате), борьбу за устойчивость и «размер» хинтерландов российских портов во внутренних территориях Евразии, укрепление силового контура и социально-экономическое и инфраструктурное обустройство опоясывающего Российскую Федерацию её морского побережья (побережий с их селитебной системой, равно как и примыкающих к ним областей континентального шельфа, экономической зоны) и, наконец, жизненно необходимое (и чётко осознаваемое на федеральном уровне, судя в том числе по тексту и духу принятой в 2019 году «Стратегии морской деятельности Российской Федерации до 2030 года»¹) сохранение (по-возможности и приращение) собственно «морских» ресурсных, коммуникационных и оборонных позиций. Решение перечисленных задач сопряжено с существенным возрастанием скоординированности (внутренней и внешней) в функционировании и развитии российских акваториальных систем, обретением ими большей устойчивости и эффективности. Именно так, своей постоянно развиваемой (адап-

¹ Стратегия морской деятельности Российской Федерации до 2030 года [Электронное издание] <http://static.government.ru/media/files/f97zDwh44JsnihyDZuV85gaL4AkE5M4.pdf> (Дата доступа – 11.02.2020)

тируемой с учётом глобальных и евразийских трендов) морской (и «приморской») активностью – Российская Федерация должна культивировать, отстаивать, подкреплять свой статус не только как «континентального» государства, но и одной из ведущих «морских» держав.

2.3. Единая система морской деятельности Российской Федерации: концептуальный контур в контексте «большой» евразийской интеграции

В силу масштаба и конфигурации российских порубежных пространств морская деятельность в стране несёт на себе неизбежную печать региональных и локальных факторов и обстоятельств; она не только характеризуется выраженными различиями между отдельными сегментами побережий (в пределах приморских агломераций, субъектов федерации, тех или иных морских бассейнов), но и осуществляется (либо должна осуществляться) в их взаимозависимости, порождая, при этом, особые пространственные (аква-территориальные) процессы, структуры, иерархии.

Российские территории оконтурены акваториями трёх океанов и 13 морей с крайне разнородными по своим физико- и общественно-географическим характеристикам побережьями (показательно, что если в приморских муниципалитетах российской Арктики плотность населения варьирует в пределах от 0,04 до 0,32 чел. / км², то в Республике Крым аналогичный показатель достигает 80 чел., в Калининградской области – 109, Краснодарском крае – 127 чел. / км²). Весьма неоднородны (в том числе и в «разрезе» отдельных морских бассейнов) и параметры морехозяйственной активности (табл. 4).

Морская деятельность, таким образом, не только в целом тяготеет к побережью (зоне контакта «суша-море»), но и демонстрирует выраженные эффекты своего сосредоточения на его отдельных сегментах (участках).

Таблица 4

**«Плотность» локализации морехозяйственной активности
в основных сегментах морского порубежья России***

Макроструктуры морского порубежья	На 100 км морских границ России приходится				
	Населения при-морских городов, тыс. чел.	Улов морских биоресурсов, тыс. тонн	Грузооборот морских портов, млн тонн	«Морская» (приморская) добыча нефти, тыс. тонн	«Морская» (приморская) добыча природного газа, млн м ³ **
Балтийский	4800,0	268,25	203,17	247,6	27,0
Черноморско-Азовский	144,0	3,88	10,32	3,12	66,6
Каспийский	237,6	11,21	1,38	954,8	445,5
Тихоокеанский	9,38	19,8	1,26	106,0	175,6
Арктический	5,87	5,37	0,53	10,95	133,2
Россия в целом	36,36	12,86	2,18	67,53	155,84

* Составлено автором по данным Росстата и Ассоциации морских портов России; информация за 2019 год.

** С учётом СПГ.

Пространственная концентрация имеет место, прежде всего, в портовом хозяйстве, где 75 % перевалки грузов приходится три кластера:

- 1) Санкт-Петербургский (терминалы Финского залива) – 29 % российского грузооборота и 96 % от общего показателя в пределах российской Балтики);
- 2) Краснодарский (черноморское побережье) с удельным весом в России около 26%, а в Черноморско-Азовском сегменте морского порубежья – 85 %;
- 3) Владивостокский (19,4 % российского грузооборота и 77 % от грузооборота в целом по Тихоокеанской России).

Схожая ситуация и в российской морской нефтедобыче (в настоящее время 67 % объёма обеспечивает шельф Сахалина, а 21 % – Каспия), и в морском (приморском) сегменте производ-

100

ства природного газа (включая СПГ проекты), примерно наполовину (49,5 %) приуроченного к Сахалину и на 43,7 % (по итогам 2019 года) – Ямалу.

Проявления пространственной асимметрии присущи и рыбохозяйственной отрасли, где доминирует Тихоокеанская Россия (38 % всех уловов приходится, при этом, на Камчатку и 22 % – Сахалин). В пределах акватории Северного Ледовитого океана две трети добычи рыбы и морепродуктов обеспечивает Мурманская область; аналогична доля Калининградской области в российской рыбодобыче на Балтике; на каспийском порубежье безусловное лидерство в рыбной отрасли (85 %) – за Астраханской областью.

Эффект локализации и концентрации присущ и военно-морской сфере: 27 % корабельного состава «приписано» к базам Мурманской области, 16 % – Калининградской, 15 % – Приморского края¹. При этом 86 % военно-морской мощи страны распределены между пятью регионами базирования: Мурманская область, Калининградская область, Севастополь, Камчатский и Приморский края.

Учитывая реалии российского морского порубежья и ориентируясь на национальную исследовательскую традицию (идею В. П. Семёнова-Тян-Шанского о «культурно-экономической колониальной базе» как «территориальной форме русского могущественного владения»², а также представления Н. Н. Колосовского, Н. Н. Баранского, Ю. Г. Саушкина, И. М. Маергойза, Б. Б. Родомана, М. Д. Шарыгина, А. И. Чистобаева, П. Я. Бакланова, В. А. Колосова, А. И. Трейвиша, А. Н. Пилясова и других ведущих российских экономико-географов об «очагах», «узловых структурах» и «фокусах» пространственно организованной человеческой деятельности), полагаю уместной постановку вопроса об **«опорных базах морского порубежья»**, подразумевая в этом качестве не только лока-

¹ Боевые корабли и подводные лодки Российской Федерации – 2020 [Электронное издание] <http://russianships.info/today/> (Дата доступа – 18.03.2020)

² Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.

литеты, концентрирующие важнейшие (в том числе пропульсивные) сферы и звенья морской экономики, но и центры аква-территориального системообразования, узловые компоненты единого общероссийского «мореориентированного» социально-экономического (и военно-стратегического) пространства.

Проведённая автором¹ идентификация современных ведущих опорных баз морского порубежья России (а появление первых подобного рода структур в стране приурочено ещё к концу XVI века) основывалась на учёте совокупности значимых параметров: военно-стратегических (показатели базирования ВМФ РФ), геоэкономических (положение относительно основных трансграничных транспортно-логистических коридоров), инновационно-производственных (локализация и потенциал судостроительных предприятий, конструкторских бюро, а также научно-образовательных центров морского профиля), морехозяйственных (удельный вес в общероссийских и региональных значениях грузооборота морских портов, рыбной отрасли, добычи нефти и газа на шельфе, приморской рекреации), а также демографо-селитебных (концентрация «приморского» населения, наличие на побережье сложившихся городских агломераций). Соответствующий анализ позволил отнести к категории «важнейших» для страны 14 соответствующих «опорных баз», включая две формирующиеся (табл. 5).

Будучи инкорпорированной в аква-территориальный социально-экономический (и геополитический) контекст морского порубежья, любая «опорная база» фактически представляет собой кластер (с элементами комплексообразования) конкретного «набора» отраслей морского хозяйства, дополняемый (в различной степени) военно-силовой компонентой. Своими «ядерными» элементами (портовая инфраструктура, логистика, приуроченная к ним промышленность и др.) типическая «опорная база», как правило (за исключением формирующейся Ямальской), локали-

¹ Дружинин А. Г. «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. № 3. С. 89–104.

Таблица 5

Важнейшие опорные базы морского порубежья России*

Период формирования «опорной базы»	Объединяемые «опорной базой» приморские муниципальные образования (ГО – городские округа, МР – муниципальные районы)	Современные морские специализации опорных баз	Общая численность населения, 2019 г., тыс. чел.	Динамика численности населения за 2002 – 2019 гг., %
Архангельская				
С конца XVI в.	ГО: Архангельск****, Северодвинск, Новодвинск. МР: Приморский	судостроение и судоремонт, морские порты и логистика	602	0,94
Астраханская				
С конца XVI – начала XVII вв.	ГО: Астрахань. МР: Лиманский, Икрянинский, Камызякский, Наримановский, Приволжский, Володарский	добыча нефти и газа на шельфе, локализация структур ВМС, судостроение и судоремонт	804	1,05
Санкт-Петербургская				
С начала XVIII в.	Город федерального значения (субъект Федерации): Санкт-Петербург. ГО: Сосновоборский. МР: Кингисеппский, Ломоносовский, Всеволжский, Кировский, Тосненский, Гатчинский, Выборгский	морские порты и логистика,*** судостроение и судоремонт, «морские» наука и технологии, подготовка кадров, «приморская» промышленность, комфортное расселение в приморских зонах	6778	1,25

Продолжение табл. 5

Период формирования «опорной базы»	Объединяемые «опорной базой» приморские муниципальные образования (ГО – городские округа, МР – муниципальные районы)	Современные морские специализации опорных баз	Общая численность населения, 2019 г., тыс. чел.	Динамика численности населения за 2002 – 2019 гг., %
Севастопольско-Крымская				
С конца XVIII в.	Город федерального значения: Севастополь ГО: Ялта, Феодосия, Судак, Саки, Керчт, Евпатория, Армянск, Алушта, Симферополь. МР: Бахчисарайский, Джанкойский, Кировский, Красноперекопский, Ленинский, Нижнегорский, Раздольненский, Сакский, Симферопольский, Советский, Черноморский	<i>локализация структур ВМС, «приморские» рекреация и туризм***, добыча нефти и газа на шельфе, судостроение и судоремонт, комфортное расселение в приморских зонах</i>	2115	101,4
Ростовская				
Со второй половины XIX в.	ГО: Ростов-на-Дону, Таганрог, Азов, Батайск. МР: Азовский, Аксайский, Мясниковский, Неклиновский	морские порты и логистика, комфортное расселение в приморских зонах	1935	105,0
Новороссийская				
С конца XIX в.	ГО: Новороссийск, Геленджик, Анапа МР: Темрюкский	<i>морские порты и логистика, комфортное расселение в приморских зонах, локализация структур ВМС</i>	777	142,8

Продолжение табл. 5

Период формирования «опорной базы»	Объединяемые «опорной базой» приморские муниципальные образования (ГО – городские округа, МР – муниципальные районы)	Современные морские специализации опорных баз	Общая численность населения, 2019 г., тыс. чел.	Динамика численности населения за 2002 – 2019 гг., %
Владивостокская				
С конца XIX в.	ГО: Владивостокский, Находкинский, Дальнегорский, Артёмовский, Большой Камень. МР: Хасанский.	<i>морские порты и логистика</i> , локализация структур ВМС, судостроение и судоремонт, добыча морских биоресурсов	1041	0,97
Мурманская				
С начала XX в.	ГО: Мурманск, ЗАТО «Заозёрск», ЗАТО «Видяево», ЗАТО «Александровск», ЗАТО «Островной», ЗАТО «Североморск». МР: Печенгский, Кольский	<i>локализация структур ВМС, морские порты и логистика, добыча морских биоресурсов</i> , добыча нефти и газа на шельфе	496	0,93
Сочинско-Туапсинская				
С первой половины XX в.	ГО: Сочи МР: Туапсинский	<i>«приморские» рекреация и туризм</i> , комфортное расселение в прибрежных зонах, морские порты и логистика	653	142,6

Продолжение табл. 5

Период формирования «опорной базы»	Объединяемые «опорной базой» приморские муниципальные образования (ГО – городские округа, МР – муниципальные районы)	Современные морские специализации опорных баз	Общая численность населения, 2019 г, тыс. чел.	Динамика численности населения за 2002–2019 гг., %
Калининградская				
С 1945 г.	ГО: Калининград, Пионерский, Зеленоградский, Светлогорский, Балтийский, Янтарный, Багратионовский, Ладушкинский, Мамоновский, Гурьевский, Светловский, Полесский, Славский	локализация структур ВМС, судостроение и судоремонт, «приморская» промышленность «приморские» рекреация и туризм, добыча нефти и газа на шельфе, комфортное население в приморских зонах	773	1,09
Камчатская				
Со второй половины XX в.	ГО: Петропавловск-Камчатский, ЗАТО Вилучинск, посёлок Палана. МР: Елизовский	добыча морских биоресурсов, локализация структур ВМС, добыча нефти и газа на шельфе	270	1,08
Сахалинская				
С конца 1990-х гг.	ГО: Южно-Сахалинск, Корсаковский, Анивский	добыча нефти и газа на шельфе, добыча морских биоресурсов	268	1,14

Окончание табл. 5

Период формирования «опорной базы»	Объединяемые «опорной базой» приморские муниципальные образования (ГО – городские округа, МР – муниципальные районы)	Современные морские специализации опорных баз	Общая численность населения, 2019 г., тыс. чел.	Динамика численности населения за 2002–2019 гг., %
Ямальская**				
С начала XXI в.	МР: Ямальский		17	1,13
Махачкалинско-Каспийская**				
С начала 2010-х гг.	ГО: Махачкала, Каспийск, Избербаш, Дербент, Дагестанские огни. МР: Дербентский, Каякентский	локализация структур ВМС, морские порты и логистика	1224	1,31

* Составлено автором.

** Формирующиеся базы.

*** Специализации общегосударственного значения.

**** Городские округа – ядерные элементы «опорной базы»

зована в пределах крупного приморского города и образуемой им групповой системы расселения (из 12 сложившихся опорных баз 10 приурочены к городам с более чем 250 тыс. людностью, 13 – к приморским городским агломерациям), выступающей важнейшей (либо значимой) составляющей экономической и селитебной структуры соответствующего региона (субъекта федерации).

Концентрируя узловые элементы приморской зоны страны и всего её морского порубежья, «опорные базы» играют исключительную роль в морской активности России: на их долю в сумме приходится до 92 % грузооборота морских портов, 85 % уловов морских биоресурсов, 91 % «морской» нефте- и 99 % – газодобычи, а также 96 % от общего числа корабельного состава ВМФ. Экономическое положение этих фокусов «морской мощи», их динамика (в том числе и в связи с современной геополитической конъюнктурой) – существенны для Российской Федерации, корреспондируют с её геостратегическими возможностями и перспективой.

За пределами ведущих «опорных баз» концентрация и специализация морской деятельности воплощается в «цепочках» приморских курортно-рекреационных поселений (что характерно для Причерноморья и Балтики), а также рыболовецких (побережья Азовского и Белого морей) либо портово-логистических мини-центров (локализованных главным образом в Арктической зоне, а также в Тихоокеанской России). Уже непосредственно в постсоветский период освоение энергоресурсов Арктики крупными корпорациями инициировало формирование и новых форматов организации морской (и «приморской») хозяйственной активности, ориентированных на максимально-возможную компактность в размещении инфраструктурных, производственных и социально-бытовых объектов: вахтовые посёлки, морские платформы, намывные острова (платформа Приразломная в Ненецком автономном округе, порт и завод сжиженного природного газа в Сабетте, Варандейский терминал в Ненецком автономном округе и другие¹).

¹ *Пилясов А. Н., Путилова Е. С.* Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 21–43.

Значительная их часть, при этом, локализована в Обской губе ЯНАО¹, где и создаётся третий в Арктике, дополняющий Архангельский и Мурманский (а именно в этих городах и концентрируется основная арктическая морская логистика²) новый, общероссийского значения центр «разворота» страны к Мировому океану.

Высока вероятность, что в ближайшее пятилетие в арктической зоне России на побережье Таймыра будет сформирована (активностью корпорации «Роснефть», в ноябре 2020 г. декларировавшей начало реализации амбициозного проекта «Восток Ойл») ещё одна значимая для страны морская «опорная база», объединяющая пока лишь планируемый (потенциально – крупнейший в этом макрорегионе) морской порт «Бухта Север» (его предполагают ввести в эксплуатацию в 2024 году; мощность нефтеперевалки здесь должна в перспективе достигнуть 115 млн тонн³), порядка 2 тыс. магистральных нефтепроводов, а также Западно-Иркинское и некоторые другие месторождения нефти, ориентируемые на морскую логистику и преимущественно внешние рынки.

Характерно, что ещё столетие назад, анализируя обстоятельства вхождения «России-Евразии» в систему «морской экономики», П. Н. Савицкий не только подчёркивал особую значимость в этом процессе побережий (приморских регионов), но и указывал на совокупность географических обстоятельств, лимитирующих морскую активность, снижающих её потенциал и эффективность: замерзаемость большинства оконтуривающих страну морей, прак-

¹ *Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н.* Современная теория освоения: поиски интегрирующей платформы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. Т. 64. № 2. С. 16–28; *Пилясов А. Н., Путилова Е. С.* Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо! // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 21–43.

² *Соснин Д. А.* Роль Мурманской области в реализации арктических проектов и развитии Северного морского пути // Транспорт Российской Федерации. 2015. № 5 (60). С. 23–26.

³ «Роснефть» запустила новый проект «Восток Ойл» на Таймыре. [Электронное издание] <https://www.interfax.ru/business/708350> (Дата доступа – 03.12.2020)

тическое отсутствие у неё «прямых» выходов в Мировой океан, зависимость мореплавания от геополитических обстоятельств¹. Констатировал он (в качестве безусловного «слабого места» России) и крайне недостаточную сопряжённость морской активности между отдельными осваиваемыми страной океаническими и морскими бассейнами, подмечая, в частности, что *«русское побережье как бы четвертовано, т. е. разорвано на четыре обособленных в экономическом и военно-морском смысле участка»*²).

В советский период проблему *«четвертованности русского побережья»* частично удалось решить не только формированием инфраструктуры Северного морского пути, но и созданием внутриконтинентальных судоходных водных путей («Беломоро-Балтийский», «Волго-Балтийский», «Волго-Донской» и другие каналы). Но с 1990-х годов данная проблематика вновь актуализировалась, причём факторы дезинтеграции, связанные со взаимной удалённостью осваиваемых страной морских рубежей, либо с различием географических условий хозяйствования в пределах тех или иных акваторий – оказались дополнены институционально-экономическими (интересы и возможности корпораций) и геоэкономическими (преимущественные хозяйственные взаимосвязи тех или иных приморских регионов России с их ближайшими морскими «соседями») обстоятельствами. Сохранил своё действие и резко проявляющийся в условиях приморских зон (и прилегающих к ним акваторий) конфликт интересов между отдельными направлениями морской активности (базированием ВМФ и грузопассажирскими перевозками, приморской рекреацией и морской логистикой, извлечением биоресурсов и добычей углеводородов на шельфе). Возрос дефицит системных подходов как к природопользованию в пределах тех или иных морей (чья лишённая ориентации на интегрированный результат хозяйственная эксплуатация вступает в противоречие с природной системностью шельфовых аквато-

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.

² Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 98.

рий¹), так и в целом к управлению экономическими, селитебными и экологическими процессами в рамках аква-территориальных структур. Ситуация диктует необходимость **скоординированного, взаимно поддерживающего** (для региональных структур и корпораций) **характера морской активности, выстраивания её как единой национальной системы.**

В отечественной социально-экономической географии представления о «единой системе...» культивируются с конца 1960-х годов (первоначально – применительно к сфере расселения и далее – распространяясь на хозяйство, ориентируя на «развитие единой системы крупных народнохозяйственных комплексов...»²). В настоящее время, на очередном «переломе» нашей геоистории, данный концепт, полагаю, может (и должен!) быть «возвращён» в активный научный дискурс, правда, с неизбежной поправкой на глобализацию, масштаб и укоренённость трансграничных структур и «интернационализированных» хозяйственных практик, олигопольно-монопольный характер важнейших (и, прежде всего, морских) видов хозяйствования, сложившуюся социально-территориальную стратификацию.

Контуры «Единой системы» должны найти отражение, в частности, не только в дальнейшем развитии «опорных баз» морской активности страны, но и в достижении большей сопряжённости между ними как в пределах отдельных морских бассейнов, так и в общефедеральном масштабе. Следует не только сохранить, но и селективно нарастить имеющий место в современной России фактический полицентризм морского порубежья (в том числе ситуацию, когда четыре «опорных базы» действуют в Причерноморье, по 3 – в Тихоокеанской России и в Арктической зоне, по 2 – на Балтике и Каспии), усиливая, совершенствуя сложившуюся в его рамках фактическую взаимодополняемость функций «опорных

¹ Матишов Г. Г., Денисов В. В., Дженюк С. Л. Интегрированное опрвление природопользованием в северных морях // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 3. С. 27–40.

² Хорев Б. С. Территориальная организация общества. М.: Мысль, 1981. С. 304.

баз» (рекреация в Крыму и на сочинском побережье, базы базирования ВМФ во Владивостоке и на побережье Камчатки и др.).

Необходимо далее культивировать и поддерживать практики совместного сооружения и использования корпорациями (в первую очередь – с госучастием) инфраструктуры в приморских зонах, а также целенаправленно повышать бюджетно-налоговую и в целом социально-экономическую эффективность морехозяйственной активности.

В логике «Единой системы...» складывающаяся (в том числе в русле процессов формирования «Большой Евразии») необходимая (во-многом уже реализованная) «многовекторность» морской активности Российской Федерации (адаптированная к специфике отдельных акваторий: Балтика, Чёрное море, Каспий, западная и восточная Арктика, моря Тихоокеанской России) – должна дополняться выстраиванием гибких, взаимодополняющих межбассейновых структур и взаимодействий (на корпоративном и общегосударственном уровнях), когда, к примеру, в случае чрезвычайных обстоятельств товарно-сырьевые потоки Причерноморья будет можно ориентировать на Балтику, Каспий в Мурманск, Архангельск и наоборот)¹.

Ключевую роль в подобной «Единой системе» наряду с Северным морским путём (его значимость для страны П. Н. Савицкий акцентировал ещё в 1931 году, подмечая, что *«в нашем морском деле – для его успешного и верного движения вперёд – лучше всего на первый план поставить завоевание Ледовитого океана»*²) должны занять мультимодальные трансконтинентальные транспортные коридоры меридиональной и широтной направленности (и в первую очередь Трансиб), которые следует рассматривать не столько как альтернативу, сколько как неотъемлемый компонент купирования вероятностных «морских» геополитических рисков,

¹ Дружинин А. Г. «Морская составляющая» общественной географии современной России: базовые подходы и концепты // Географический вестник. 2020. № 2 (53). С. 24–37.

² Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 99.

а также наращивания (и повышения скоординированности) всей морехозяйственной деятельности страны в целом.

Выстраивая «Единую систему морской деятельности...», важно идентифицировать (и приоритетным образом поддерживать на государственном уровне) отрасли и предприятия, обладающие наибольшим интегрирующим, мультипликативным потенциалом. В подобном качестве в настоящее время выступает, безусловно, судостроение, производство морской техники (в этом контексте симптоматично и логично учреждение в России в 2007 г. «Объединённой судостроительной корпорации», а в апреле 2020 г. – «Корпорации морского приборостроения»). Существенными возможностями аква-территориального комплексообразования обладают и крупнейшие российские энергетические компании («Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «Росатом», НОВАТЭК). Формирование «Единой системы...» (актуализируя уже озвученные ранее идеи создания специализированного органа госуправления – особого «Морского министерства»¹, либо неких «Советов по морской деятельности» – федерального и бассейновых²) должно, в этой связи, осуществляться как «сверху» (с ориентацией на логику геоэкономических и геополитических процессов в Евразии, на «морские» запросы и интересы ведущих держав и межгосударственных объединений), так и «снизу»: от локальных (региональных) морехозяйственных кластеров – к комплексам; от региональных структур – к межрегиональным; от региональных и межрегиональных – к Единой системе морской деятельности Российской Федерации.

Завершая раздел и главу, хотелось бы подчеркнуть, что в XXI столетии Мировой океан, его океанические и морские акватории – закономерно превращаются в объект повышенного (пожалуй, беспрецедентного в истории) интереса не только ведущих держав, но и всего глобального социума в целом. В русле универ-

¹ Матишов Г. Г., Денисов В. В., Дженюк С. Л. Интегрированное опрвление природопользованием в северных морях // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 3. С. 27–40.

² Войтоловский Г. К. Динамика развития. Теория и практика морской деятельности. Вып. 5. М.: СОПС, 2005. 248 с.

сального тренда **всё более «мореориентированной» становится и Российская Федерация** (её экономика, структуры пространства, внешние связи), а присущая нашей стране территориальная организация общества (десятилетиями осмысливаемая, параметризуемая, концептуализируемая, конструируемая именно географами-обществоведами) последовательно трансформируется в ещё более «всеохватный» и сложный феномен – **аква-территориальную организацию.**

Классическое евразийство, кстати, вовсе не оспаривало возможности и ценность «разворота» России к Океану, одновременно прекрасно осознавая наличие соответствующих барьеров, высветившая сопутствующие риски. Крайне важный собственно «морской» аспект обретает и акцентируемая столетие назад (в публикациях первых «евразийцев») целесообразность *«хозяйственного взаимодополнения отдельных соприкасающихся друг с другом областей континентального мира»*¹ – идея обращённая как к самой России (для которой транспортно-экономическая сопряжённость регионов, в том числе Дальнего Востока и Севера – архиважна, в том числе и геополитически), так и её трансграничной активности (на Балтике, Каспии, в Причерноморье и др.), равно как и наращиванию «восточного вектора» в развитии страны (в том числе во взаимосвязи с китайской сухопутно-морской инициативой «Один пояс, один путь»). Важно, в этой связи, оперируя «евразийскими» текстами (с присущим им акцентом на «континентальность» страны, приоритет для неё «внутриконтинентальных соседств»), чьи положения, казалось бы, некоторыми своими аспектами ныне противоречат реалиям, – видеть, ценить их дух, глубину, диалектику: аттрактивность «океанического», устойчивую сопряжённость последнего с «континентальным», возможность восприятия и конструирования «страны-континента» как дуалистического образования, обладающего в том числе «морскими» структурами, интересами.

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 114–115.

**3. КОНЦЕПТ «ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ
СОСЕДСТВ»:
приоритеты и потенциал использования
в интересах современной России**

3.1. Идея «внутриконтинентальных соседств» в трудах основоположников «евразийства»

Присущее классическому евразийству видение «России – Евразии» как обширнейшего и преимущественно «внутриконтинентального» пространства – способствовало генерированию его основоположниками не только осмысленной, концептуально оформленной позиции по отношению к «океанической экономике», к возможностям и перспективам реализации «морского» вектора в развитии страны, но и пониманию целесообразности развития евразийских территорий как единого хозяйственного целого.

Рассматривая Россию в качестве места *«сопряжения «Европы» и «Азии» не только в обще-историческом и общекультурном, но и в хозяйственно-географическом смысле»*¹ уже в 1921 году П. Н. Савицкий сформулировал **«принцип использования континентальных соседств»**, призывая к созданию *«хозяйственного взаимодополнения отдельных пространственно соприкасающихся друг с другом областей внутриконтинентального мира»*².

Согласно классическому евразийству у «внутриконтинентальных» регионов и государств имеется если и не абсолютная альтернатива, то, по крайней мере, серьёзный «противовес» в существенной степени негативному по своим последствиям включению в «океаническую» экономику. Этим «противовесом» для «внутриконтинентальных» территорий выступает предопределяемая общностью географических (в том числе транспортно-географических) и, соответственно, общеэкономических условий – возможность приоритетным образом выстраивать, наращивать

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 354.

² Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. С. 114–115.

свои хозяйственные взаимосвязи, формировать систему взаимного разделения труда. Ориентируясь на экономические реалии Российской Империи (несопоставимость внешнеторгового оборота с общим, существенно большим, валовым продуктом государства) и подчёркивая, что *«определённые страны внутриконтинентальных сфер накрепко спаяны друг с другом некоторой связью хозяйственной взаимообращённости»*¹, П. Н. Савицкий вполне справедливо подмечал, что *«внутриконтинентальное притяжение будет оставаться в силе... пока стоимость внутриконтинентальной перевозки будет меньше, чем стоимость вывоза данного продукта из внутриконтинентального центра производства на «мировой рынок» плюс стоимость привоза этого же товара с мирового рынка во внутриконтинентальный пункт потребления»*². В данной логике именно экономические эффекты и резоны (обусловленные удалённостью территорий от основных центров и линий «морской» логистики) выступают, в конечном итоге, основной причиной обособления континентальных пространств «России – Евразии» как хозяйственного целого.

Разрушение подобной целостности (в том числе благодаря неразвитости инфраструктуры, завышенным транспортным издержкам, институциональным, геополитическим причинам и др.), равно как и длительное игнорирование потенциальных возможностей «внутриконтинентальных соседств» – продуцирует (что совершенно справедливо подчёркивалось в классических «евразийских» текстах) экономические потери и риски.

*«Плохо будет Уральскому горнопромышленному району, – полагал Пётр Николаевич Савицкий, – если ему долгое время придётся получать мясо не из Уфимской и Пермской губерний или Западной Сибири, но из Новой Зеландии, или Аргентины»*³. Постсоветские реалии, кстати, наглядно проиллюстрировали правоту и прозорливость

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. С. 118.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 118.

этих слов. Присущая современной Российской Федерации (как и абсолютному большинству других постсоветских государств) в целом компрадорская (и преимущественно «вестернизированная») модель экономики с характерной для неё многолетней ориентацией на максимизацию экспорта (по ограниченной, в основном сырьевой товарной номенклатуре) и столь же широкое обеспечение спроса домохозяйств и национальных корпораций за счёт импорта – демонстрировала свою жизнеспособность лишь в условиях высоких-сверхвысоких мировых цен на энергоносители. Уже после 2008 года она закономерно начала давать «сбой», повлекла пролонгированную стагнацию, инициируя, наряду с этим, дальнейшее «сжатие» экономически освоенного пространства с соответствующей деградацией базовой инфраструктуры, многоаспектными проявлениями социальной маргинализации и депопуляции на значительной части находящейся в российской юрисдикции территории.

Обладая не только чутким восприятием пространства, но и великолепным экономическим мышлением, П. Н. Савицкий, вне сомнения, прекрасно осознавал, что «внутриконтинентальность» – лишь одна из предпосылок и детерминант обеспечения хозяйственной сопряжённости евразийских территорий. *«Выгодные для внутриконтинентальных областей последствия внутриконтинентального обмена, – отмечал он, в частности, – могут наступать только тогда, когда экономическое состояние этих областей даёт простор для такого обмена»*¹. И вопрос здесь, разумеется, не только в географически обусловленных региональных и страновых специализациях, но и в отсутствии чрезмерной, препятствующей интеграционным процессам асимметрии в уровнях и темпах социально-экономического развития внутри всей группировки «внутриконтинентальных» евразийских государств. *«Какие могут быть внутриконтинентальные притяжения, – справедливо задавал вопрос Пётр Николаевич, – когда «притягиваться» – нечему»*².

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. С. 117.

² Там же. С. 122.

Полагая, что «в осознании «континентальности» и приспособлении к ней – экономическое будущее России»¹, П. Н. Савицкий весьма прозорливо фокусировал внимание и на динамических аспектах феномена «континентальности», прослеживая, в частности, «связь между «континентальностью» и характером климата»² (в текущем XXI столетии данный тезис получил своё полномасштабное подтверждение высвечиваемой, осмысливаемой географами-обществоведами³ сопряжённостью глобальных климатических изменений и наметившегося «поворота» в освоении российского Севера к морской логистике). Констатировал он и фактическую (экономически обусловленную, взаимовыгодную) сопряжённость «внутриконтинентальных» территорий и приморских регионов, реализуемую в процессе формирования и функционирования хинтерландов морских портов (эта идея реанимирована, эмпирически верифицирована и акцентирована уже в современной России⁴). Впрочем, и весь присущий классическому евразийству концептуальный посыл о необходимости учёта экономической специфики пространств «России – Евразии», равно как и преодоления связанного с этим негатива на основе использования «внутриконтинентальных соседств» – выглядит ныне (с опорой на исторический опыт всего прошлого столетия) не только обоснованным, фундаментальным, но и «сработавшим на опережение», на многие десятилетия оказавшимся созвучным и мейнстримом отечественной

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. С. 125.

² Там же. С. 113.

³ *Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н.* Современная теория освоения: поиски интегрирующей платформы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. Том 64. № 2. С. 16–28; *Пилясов А. Н., Путилова Е. С.* Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо! // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 21–43.

⁴ *Дружинин А. Г.* Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общественно-географические проекции // География и природные ресурсы. 2020. № 2. С. 5–14; *Дец И. А.* Подходы к идентификации и делимитации хинтерландов морских портов России на примере Новороссийска и Санкт-Петербурга // Географический вестник. 2017. № 4 (43). С. 60–68.

научной мысли, и российским (советским) территориально-хозяйственным реалиям.

«Транспортная обездоленность огромного круга её [России – А. Д.] областей (связанная с нарочитой их «континентальностью»), – полагал П. Н. Савицкий, – побудит не рассчитывать на мировой рынок и призовет к жизни центры производства многих – доселе ввозных – продуктов в собственных пределах; создание таких центров в свою очередь расширит базу и углубит действительность внутриконтинентальных притяжений»¹. Траектория развития СССР подтвердила изначальную правоту, ценность данного тезиса.

В советской экономике имело место не только «превращение производственных звеньев в единый общественно-географический процесс»², но и наблюдалось активнейшее хозяйственное (в том числе пионерное) освоение именно глубинных, «внутриконтинентальных» территорий страны, удалённых от ранее сложившихся хозяйственных центров. Этот процесс инициировали не только природно-ресурсные факторы, но и общеэкономические, геостратегические интересы государства, а также наращиваемые возможности транспортных сетей.

Примерно 2/3 общих запасов промышленного сырья, подмечал в начале 1930-х годов Н. Н. Колосовский, – находятся к востоку от Поволжья, т. е. на Урале, в Сибири и на дальнем Востоке³. Обращая внимание на «бурный рост сибирских перевозок – одно из примечательных и существенных изменений в географии транспорта против довоенного [до Первой мировой войны – А. Д.] положения»⁴, видный специалист по географии транспорта профессор С. В. Бернштейн-Коган в своей изданной в 1930 г. книге

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. С. 123.

² Паламарчук М. М., Паламарчук А. М. Общественно-территориальный комплекс в советской географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 82–94.

³ Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с.

⁴ Бернштейн-Коган С. В. Очерки географии транспорта. М.: Государственное издательство, 1930. С. 319.

«Очерки географии транспорта» симптоматично подчёркивал, что, «будущее СССР – прежде всего на железных дорогах, а также и на правильно сопряжённой с последними работе внутренних водных путей»¹. Аналогичных представлений придерживался, впрочем, и Николай Николаевич Колосовский, полагая, что «огромные пространства нашей Родины предъявляют особо повышенные требования к железнодорожному транспорту. Он должен найти средства борьбы с колоссальными расстояниями в нашей стране и должен, всемерно удешевляя перевозки и ускоряя их, «экономически сблизить» самые удалённые районы СССР»². Эти установки оказались успешно реализованы: ещё до 1941 года грузооборот железнодорожного транспорта только в пределах собственно РСФСР увеличился в сравнении с дореволюционным в 4,5 раза³.

«Континентальность» России и её территориально-экономическая целостность сполна продемонстрировала свой потенциал (и, одновременно, обрела новый импульс) в условиях Великой Отечественной войны. Согласно недавно опубликованным данным Росстата⁴ только за лето–осень 1941 г. на восток страны было перебазируется 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных. С июня 1941 г. по февраль 1942 г. в эвакуации оказалось около 10,4 млн человек. Вторая волна перемещения производительных сил на восток последовала летом 1942 г.; в этот период было перевезено 150 крупных предприятий и около 8 млн советских граждан (в итоге, в кратчайшие сроки на восток было перемещено почти 9,5 % всего населения СССР). В 1944 г. валовая промышленная продукция восточных регионов СССР в сравнении с 1940 г. увеличилась в 2,8 раза.

Опираясь на обширные внутриконтинентальные пространства, наша страна в годы военного лихолетья не только сохрани-

¹ *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. М.: Государственное издательство, 1930. С. 341.

² *Колосовский Н. Н.* Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. С. 310.

³ Экономическая география СССР. РСФСР. Государственное издательство Министерства просвещения РСФСР. М., 1956. 492 с.

⁴ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 299 с.

ла, защитила себя, но и существенно нарастила ареал реального хозяйственного освоения, приумножив, тем самым, и экономический потенциал «использования континентальных соседств». Идея же П. Н. Савицкого (сформулированная и тиражированная в эмиграции и заведомо не имевшая, в этой связи, каких-либо возможностей существенно повлиять на ход научной мысли в самом СССР) оказалась, в итоге, в значительной мере практически реализована в развернувшемся в Советском Союзе хозяйственном (в том числе и послевоенном) строительстве. Не противоречили принципу «континентальных соседств» и постулаты отечественной экономико-географической науки: «сердцевинная» для неё теория районирования (культивирующая взгляд на страну и её экономику как «систему экономических районов различного масштаба и иерархического уровня»¹), а также укоренившиеся (уже во второй половине XX столетия) представления о «производственно-территориальных сочетаниях»², о «территориально-экономической целостности»³, о «территориально-системной организации страны»⁴.

Как свидетельствует статистика, к концу 1980-х гг. в СССР имела место весьма существенная степень хозяйственной взаимозависимости всех без исключения союзных республик; внутрисоюзные (межрайонные) товарообмены, при этом, повсеместно превалировали над связями внешнеэкономическими (табл. 6).

Присущая СССР практика реализации экономического потенциала «внутриконтинентальных соседств» имела место и на межгосударственном уровне. В частности, по данным за 1989 год, на

¹ Чистобаев А. И., Шарыгин М. Д. Экономическая и социальная география. Новый этап. Л.: Нака, 1990. С. 199.

² Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М., 1958. 200 с.

³ Агафонов Н. Т., Чистобаев А. И. Экономическое районирование и территориально-производственное комплексобразование в СССР // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 117–130.

⁴ Хорев Б. С. Теория территориально-системной организации страны и её роль в развитии географической науки // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 106–116.

Таблица 6

**Удельный вес вывоза (включая экспорт) в производстве,
а ввоза (включая импорт) в потреблении республик СССР, 1988 г., %***

	Удельный вес вывоза в производстве		Удельный вес ввоза в потреблении	
	Всего	В. т. ч. меж- республикан- ский обмен	Всего	В. т. ч. меж- республикан- ский обмен
РСФСР	11,0	7,5	14,0	7,1
Украинская ССР	16,0	11,7	18,0	14,6
Белорусская ССР	27,0	24,6	26,0	20,5
Узбекская ССР	18,0	15,3	24,0	20,6
Казахская ССР	12,0	11,0	20,0	16,6
Грузинская ССР	26,0	24,2	27,0	21,6
Азербайджанская ССР	26,0	24,4	22,0	18,7
Литовская ССР	24,0	21,8	27,0	22,4
ССР Молдова	28,0	26,6	27,0	22,1
Латвийская ССР	24,0	22,1	27,0	22,4
Киргизская ССР	21,0	20,6	28,0	22,1
Таджикская ССР	21,0	18,1	29,0	25,2
Армянская ССР	28,0	27,4	29,0	23,8
Туркменская ССР	22,0	20,0	25,0	21,3
Эстонская ССР	25,0	23,0	29,0	23,8

* Составлено автором по данным Госкомстата СССР¹.

расположенные к западу от Советского Союза страны Европы (интегрированные с ним в рамках хозяйственного объединения – Совета экономической взаимопомощи, а также военно-политического – «Варшавского договора») приходилось 48,8 % всего экспорта

¹ Сборник статистических материалов. 1990. Государственный комитет по статистике СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 351 с.

СССР и 49,6 % его импорта. Удельный же вес государств – непосредственных сухопутных соседей в экспорте нашей страны достигал 32,3 % и 36,3 % в – импорте. Внешние связи СССР ориентировались, таким образом, не только (и не столько) на фактор соседства, сколько выстраивались с учётом союзнических форматов, доминировавшей в той или иной стране политико-идеологической системы. Симптоматично, что на долю стран-членов СЭВ (Совета экономической взаимопомощи) приходилось 55,2 % всего экспорта Советского Союза (табл. 7), в то время как на так называемые «развитые капиталистические страны» – лишь 26 %.

Таблица 7

Удельный вес стран – членов СЭВ в экспорте и импорте СССР, %¹

	1980 г.		1985 г.		1989 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Страны СЭВ всего	49,0	48,2	55,4	56,6	55,2	56,3
Болгария	7,4	7,7	8,9	8,7	9,0	10,1
Венгрия	6,0	6,2	6,3	7,0	6,1	6,3
Вьетнам	0,9	0,4	1,6	0,4	2,0	0,7
ГДР	9,8	9,7	10,6	10,9	9,7	9,9
Куба	4,6	4,4	5,3	6,0	5,6	5,4
МНР	1,4	0,5	1,6	0,6	1,4	0,6
Польша	8,9	8,1	9,0	8,1	8,4	10,3
Румыния	2,7	3,2	2,7	3,3	3,9	3,4
Чехословакия	7,3	8,0	9,4	9,6	9,1	9,2

На страны СЭВ в Советском Союзе было, в частности, ориентировано 15,2 % всего производства оборудования для текстильной промышленности, 23,1 % оборудования для лесной промышлен-

¹ Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1989 году. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1990. <https://istmat.info/node/17055> (Дата доступа – 8.10.2020)

ности, 12,3 % добываемой нефти, 11,2 % железной руды, 14,6 % калийных удобрений, 18,9 % всего общесоюзного производства хлопка-волокна. Из стран-членов СЭВ, в свою очередь, СССР получал: 37,2 % необходимого оборудования для текстильной промышленности, 28,3 % трамвайных вагонов, 15,5 % сахара-сырца, 13 % потребляемых фруктов и ягод и др.

Характерно также, что в структуре советского экспорта в страны-члены СЭВ доля машин и оборудования достигала 21,1 % в то время как при экспорте в «развитые капиталистические страны» – лишь 3,2 %. Столь же показательно, что уже в тот период доля топлива и электроэнергии в экспорте нашей страны была весьма существенной: 42,2 % для стран СЭВ и 55,1 % – «развитых капиталистических государств». При этом в структуре импорта СССР в 1989 г. доля машин и оборудования достигала 38,5 %.

В постсоветской (российской) экономике вся ранее сложившаяся система межрегиональных и международных связей оказалась трансформирована, частично «обрушена» распадом СССР и в целом «восточного блока», радикальным видоизменением политико-экономической системы, ростом «геополитической дистанции» с целым рядом новых независимых государств (наиболее масштабные и болезненные формы с 2014 года процесс этот принял в отношениях между Россией и Украиной¹). Тем не менее и на этом в целом неблагоприятном фоне Российская Федерация культивировала как «остаточные» форматы социально-экономической взаимозависимости со своими евразийскими соседями (воспроизводимые, в частности, морскими портами и их хинтерландами, системой магистральных транснациональных газо- и нефтепроводов), так и обрела (со второй половины 1990-х гг.) новые «скрепы», созвучные геополитическим и геоэкономическим реалиям: многоаспектные трансграничные и приграничные взаимодействия (в том числе в рамках т. н. «еврорегионов»), «потoki»

¹ Дружинин А. Г. Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геоэкономический аспект // Географический вестник. 2018. № 2. С. 28–39.

международной трудовой миграции (существенно активизированной с середины 2000-х гг.), территориально-рассредоточенные активы (подразделения) крупнейших компаний и др.

В последние годы определённой институциональной «рамкой» для «внутриконтинентальных» хозяйственных взаимодействий выступает и структура Евразийского экономического союза, концептуальной – тиражируемые властью и частью научного сообщества¹ идеи «большой» евразийской интеграции. Прозорливо акцентированные в работах первых «евразийцев» *внутриконтинентальные соседства*, в итоге, сохраняя свою актуальность – претерпевают метаморфозы, демонстрируют всё возрастающую множественность и инвариантность.

¹ Россия в формирующейся Большой Евразии. Вопросы географии. Сб. 148 / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.

3.2. Поливариантность «внутриконтинентальных соседств» современной России: концептуальный подход

В ситуационном контексте XXI столетия **феномен «внутриконтинентального соседства»** применительно к Российской Федерации обретает многомерность, демонстрирует динамику, **требует своей реконцептуализации и конкретизации.**

В начале прошлого столетия Российская Империя соседствовала (по суше) с 10 государствами; СССР аналогичным образом граничил с 12 странами. Современная Россия имеет общие сухопутные границы с 18 государственными образованиями (в том числе с четырьмя «частично признанными», либо «самопровозглашёнными»). Всего лишь за столетие, в итоге, достаточно ощутимо приумножилось число сопредельных с нашей страной государств, видоизменился массив находящихся в их юрисдикции территорий, а сама современная (после 1991 года) российская граница своими обширными участками (включая почти 7600 км с Казахстаном и 2660 км – с Украиной) рассекла ранее единое пространство «России – Евразии». Всё это уже само по себе потенциально (и фактически) **активизировало влияние «фактора границы» на Россию** (в том числе и воспринимаемую в её былых, «исторических» рубежах), предопределяя значимость для страны любого рода трансграничных хозяйственных связей, в том числе и реализуемых в акцентированном классиками «евразийства» формате «внутриконтинентальных соседств».

«**Граничить**», тем не менее, – **не значит «соседствовать»**, поскольку последнее понятие, как видится, существенно шире, в том числе и в своём пространственном преломлении. Феномен «соседства» (которое, кстати, может носить в том числе и географически несколько «удалённый» характер) подкрепляется не только

«соприкасающимися» политико-географическими рубежами, но и совместной историей, едиными этнокультурными (в том числе конфессиональными) фундаментами, устойчивой хозяйственной сопряжённостью (воспроизводящейся в том числе и в системе «опутывающих» Евразию магистральных газо- и нефтепроводов), равно как и общими геополитическими форматами и интересами. В этом понимании отношения «соседства» с Российской Федерацией, вне сомнения, сохраняют все постсоветские государства, включая и такие дистанцированные от её границ как Армения, Молдова, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

Сохраняются элементы соседства (геополитического, геоэкономического и, даже, преимущественно в старших возрастных поколениях, – геокультурного, геолингвистического) с государствами бывшего «лагеря социализма»: Польшей, восточными землями ФРГ, Венгрией, Чехией, Словакией, Болгарией, Румынией. Исторически сложившаяся взаимная комплементарность народов и их культур поддерживает контуры «соседства» и с рядом государственных образований бывшей Югославии (в первую очередь – с Сербией, с Республикой Сербской в пределах Боснии и Герцеговины). Эффект «колеи» соседства воспроизводится и благодаря формируемой ещё в рамках СЭВ и далее (уже в постсоветский период) развиваемой системе магистральных трубопроводов, ориентированных на экспорт в Европу российской нефти (нефтепровод «Дружба», введённый в эксплуатацию в 1964 г. и др.), а также природного газа, включая «Союз» (действует с 1980 г.), «Уренгой – Помары – Ужгород» (с 1983 г.), «Ямбург – западная граница СССР» (1988 г.), «Ямал – Европа» (1999 г.) и др.

Достигнутый в постсоветский период масштаб энергетического «присутствия» Российской Федерации в Европе, кстати, не только сохранил сложившийся во второй половине прошлого столетия круг её «соседей», но и существенно продвинул его на запад. В частности, по ситуации на 2019 год, российский «Газпром» осуществлял поставки природного газа в 23 страны Европы¹,

¹ Сайт «Газпрома» <https://www.gazprom.ru/about/marketing/europe/> (Дата доступа – 11.10.2020)

включая и такие территориально удалённые от наших государственных границ как Великобритания (в объёме 59 млрд м³), Германия (44,9 млрд м³), Италия (22 млрд м³), Нидерланды (16,3 млрд м³) и Франция (13 млрд м³). Характерно также, что на долю этой пятёрки ведущих западноевропейских государств в настоящее время (2019 год) приходится почти 68 % от всего объёма реализации «Газпромом» по направлению «Европа» (в стоимостном выражении, за вычетом НДС, это эквивалентно около 30 млрд евро), 57 % – от общего экспорта данного концерна и 30 % – от его совокупной (включая собственно российский рынок) реализации. При этом, суммарный сбыт природного газа европейским странам – бывлым участниками СЭВ – не превышает 35 млрд м³; почти столько же, 38,7 млрд м³ – «Газпром» поставляет в бывшие союзные республики СССР (ныне – постсоветские государства). Ареал приоритетного для геоэкономики Российской Федерации «газового соседства», в итоге, существенно расширился, а его важнейшие (в плане платёжеспособного спроса) компоненты оказались локализованы вне пределов не только акцентированного в 1921 году контура «России – Евразии», но и обретённой в середине XX вв. (и сохранявшейся до конца 1980-х гг.) сферы геополитического доминирования СССР в Европе.

Потенциал «соседства», безусловно, возрос, культивируется благодаря также «фактору моря» и имеющей место практически по всей линии российских границ (за исключением центральных и восточных секторов Арктики) аква-территориальной трансграничной регионализации. Круг «соседей» современной России в этой связи становится ещё обширнее, а сама категория «внутриконтинентальное соседство» – предельно нечёткой, содержательно «размытой», предопределяемой в том числе и возможностями морской логистики, устойчивыми морскими грузоперевозками, а также прямым либо опосредованным взаимным пересечением (и столкновением) хозяйственных и геополитических интересов в той или иной части Мирового океана (морском бассейне).

Замечу, что применительно к России и её «внутриконтинентальным соседствам» своеобразная их «маринизация» последних

лет проявляется прежде всего в существенном расширении ареала устойчивых (обеспечиваемых морем, трансакваториальных) и значимых для нашей страны, её экономики взаимодействий. Учитывая ресурсные и транспортные интересы России в Арктике, военно-стратегические – в Сирии, а также состоявшийся «выход» её производителей на продовольственные и иные рынки ряда государств Ближнего и Среднего, Южной Азии, Африки – сама **категория «внутриконтинентальное соседство» обретает свой предельно широкий**, изначально заложенный в неё **смысл** (в понимании географа «континент» – это «большой непрерывный массив суши, не разделённый морем»¹). Есть у «маринизации» в данном случае и иная сторона, когда «приморскость» России сама по себе выступает дополнительным фактором взаимодействия с другими постсоветскими государствами, изначально лишёнными собственного выхода к морю (наиболее яркий современный пример – озвученная в августе 2020 года перспектива «переориентации» грузоперевозок Республики Беларусь на портовые терминалы Ленинградской области²).

«Внутриконтинентальность» (применительно к России и её евразийскому окружению), в этой связи, никоим образом не следует сводить к «сухопутности», к сугубо территориальным связям (исключительно «по суше» Российская Федерация соприкасается лишь с Белоруссией, ЛНР и Южной Осетией; из постсоветских же государств, наряду с последними, в узком смысле «внутриконтинентальны» только Армения, Киргизия, Молдавия, Таджикистан и Узбекистан). Следуя идеологемам основоположников «евразийства» (их логике, сущности), полагаю, уместно рассматривать связи «внутриконтинентальные» не только (и не столько!) как «внутритерриториальные», но и воспринимать данное явление существенно шире – как взаимодействие обособленных террито-

¹ Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды. М.: Ойкумена, 2007. С. 125.

² Порты Ленинградской области готовы принять грузы из Белоруссии. <https://eadaily.com/ru/news/2020/09/30/porty-leningradskoy-oblasti-gotovy-prinyat-gruzopotok-iz-belorussii> (Дата доступа – 12.10.2020)

рий (потенциальное, латентное, активно реализуемое) в рамках объединяющего их целого (некой макросистемы).

Присущая «Евразия» омонимия, когда данный концепт с равной правомочностью может быть соотносим и со всем евразийским материком, и с его делимитированной по историко-культурному, геополитическому и иным признакам составляющей (эту двойственность ещё в конце 1920-х подмечал немецкий геополитик К. Хаусхофер¹, в современной России её блестяще вскрыл философ В. Л. Цымбурский²), предполагает, следовательно, как минимум двоякое понимание «внутриконтинентальности». Как минимум, поскольку современная Евразия – полицентрична, разномасштабна и, в этой связи, её «россиецентрированная» структура являет образ своеобразной «матрёшки»: последовательно встроенных друг в друга «Сердцевинной Евразии», «Собственно Евразии», «Расширенной Евразии» и, наконец, «Большой Евразии» которая (при благоприятном геополитическом контексте) может достигать рубежей Евразии-материка.

Фокусируя внимание на «внутриконтинентальном соседстве» современной России, имеет смысл, в этой связи, отождествить последнее с «евразийским соседством», с «соседством в Евразии», объединяя в данном понятии любого рода отношения (включая и экономические), складывающиеся между Российской Федерацией и другими евразийскими государствами.

Разрушение СССР повлекло за собой не только кардинальное переформатирование Евразии, но и существеннейшее видоизменение всей системы соответствующих ей «внутриконтинентальных» связей, партнёрств. Наряду с **«маринизацией»**, магистральными их векторами стали – **«интернационализация»** и **«геополитизация»**.

Интернационализация воплотилась в трансграничной активности, но, в ещё большей мере – в одночасье состоявшейся транс-

¹ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.

² Цымбурский В. Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.

формации присущих Советскому Союзу межреспубликанских связей – в международные, в том числе внешнеэкономические, внешнеторговые обмены. В 1988 году в общем ввозе-вывозе продукции с территории РСФСР (238 млрд руб.) объём взаимных поставок с другими союзными республиками достигал 100,2 млрд (то есть 42%). В постсоветских реалиях именно эти связи оказались наиболее хрупкими, подверженными влиянию меняющихся геоэкономических и геополитических обстоятельств. Одновременно оказался актуализированным вопрос целесообразности (для России, её интересов) тех или иных «внутриконтинентальных» взаимодействий, их предпочтительности по различным основаниям (финансово-экономическим, технико-технологическим, геополитическим).

Насколько, в частности, оправданным, и созвучным стратегическим целям Российской Федерации, является, например, отчасти сохраняющаяся практика перегрузки российских экспортных товаров в портах стран Балтии, в последние годы демонстрирующих явно недружественную геополитическую позицию в отношении нашей страны (подобный вопрос вполне справедливо был недавно озвучен нашими питерскими коллегами¹)? Каковы мера и предел встроенной в систему реализуемых «внутриконтинентальных соседств» долгосрочной финансовой поддержки со стороны Российской Федерации тех или иных постсоветских государств, де-факто реализующих «многовекторность» (в экономике, внешнеполитической сфере)? Считать ли позитивом устойчивость инкорпорирования современной России в общеевразийские центр-периферийные геоэкономические структуры (вне зависимости от их превалирующего западного либо восточного вектора) в качестве преимущественно сырьевой периферии – полупериферии? В условиях нарастающей экономической нестабильности и геополитической турбулентности подобные вопросы становятся

¹ *Межевич Н. М., Шамахов В. А.* Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая: научный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 54 с.

неотъемлемой составляющей «евразийской» повестки, требуя вдумчивого, селективного подхода в практике реализации идеи «внутриконтинентальных соседств».

«Экономические задачи, – полагал П. Н. Савицкий, – могут быть решены только под покровом... *raх rossica*»¹, и положение дел в советский период (вплоть до середины 1970-х гг.) однозначно иллюстрировало, подтверждало этот тезис. Но... как справедливо полагали сами классики «евразийства» – «невозможно определить раз и навсегда содержание будущей русской жизни»². В начале XXI столетия евразийское хозяйственное взаимодействие выстраивается в ситуации, когда и «Русский мир», и соответствующее ему сердцевиное евразийское пространство – уже по-факту дезагрегированы и дезинтегрированы, инкорпорированы своими фрагментами в часто конкурирующие, противоборствующие глобальные и евразийские «центры силы». **«Соседство» в этих условиях отнюдь не равнозначно «партнёрству»** (в том числе и стратегически целесообразному, благоприятствующему развитию нашей страны!), чей масштаб, характер, векторы (как свидетельствует, в частности, внешнеторговая статистика) являют, в свою очередь, результирующую множества видоизменяющихся обстоятельств.

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 355.

² Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы», 1921. С. 5.

3.3. Взаимодействие Российской Федерации с её «внутриконтинентальными соседями»: особенности и проблемные ситуации в «зеркале» внешнеторговой статистики

Современная Россия в экономическом отношении – в значительной мере «открытая», экстравертная страна, важнейшими своими отраслями и хозяйствующими субъектами ориентированная на существенную степень активности на зарубежных (глобальных) рынках. Серьёзную фактическую зависимость экономического положения (и, соответственно, всей экономической, социально-политической ситуации, наконец, пространственных структур) от внешнеэкономической активности наглядно иллюстрирует устойчиво высокий показатель соотношения экспорта (товаров и услуг) страны к её ВВП (исчисляемому по официальному обменному курсу): весь постсоветский период он оставался выше 25-процентного рубежа, а в 1999–2000 гг. – даже превышал отметку в 43–44 % (рис. 3).

Характерно, что, к примеру, в Китае аналогичный показатель был на уровне российского в 2003–2013 гг, а затем (по мере активизации фактора внутреннего спроса) – ощутимо сократился, в настоящее время не превышая 20 %. Ещё слабее выражена экспортоориентированность у экономики США (отношение экспорта к ВВП в 2019 г. – 11,7 %), а также у Индии (18,7 %), Индонезии (18,4 %). В целом же, в общепланетарном масштабе, положение России – достаточно «среднестатистическое», поскольку ещё более высокой степенью зависимости экономического положения от экспорта в настоящее время характеризуются 116 государств; к числу последних относятся и практически все бывшие союзные республики (исключение составляет лишь миниатюрный по «раз-

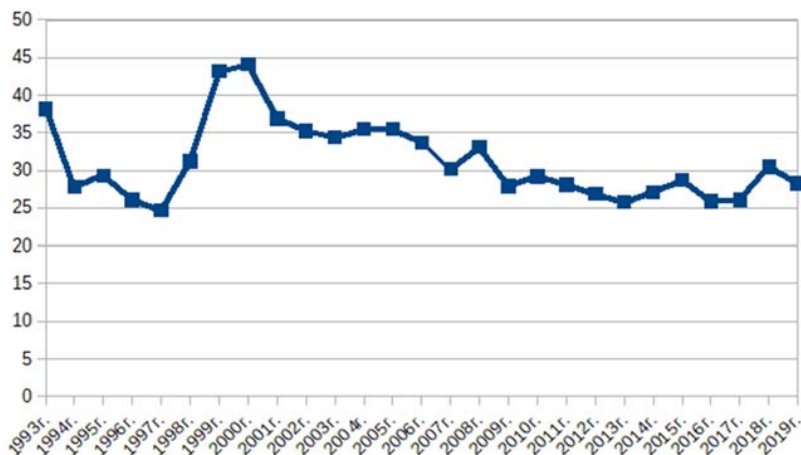

Рис. 3. Соотношение объёма экспорта товаров и услуг Российской Федерации и её ВВП (по официальному обменному курсу), %*

* Составлено по данным Всемирного банка.

меру» своей экономики и объёму внешнеторговых операций Таджикистан).

Если же ориентироваться на общий показатель внешнеторгового оборота и ВВП по паритету покупательской способности (ППС), то их соотношение для России в настоящее время достигает 0,147, что лишь немногим меньше аналогичного показателя для КНР (0,182), Турции (0,178) и США (0,20)¹. В международных сопоставлениях наша страна выступает, при этом, одним из значимых (но не доминирующих) геоэкономических акторов. По объёму экспорта (14 место в мире) она уступает глобальному лидеру (КНР) в 7 раз (но в 1,64 раза превосходит сумму экспортных поставок всех остальных постсоветских государств). По импорту отставание Российской Федерации (у неё здесь 20-я позиция в глобальном рейтинге) от страны-лидера (США) – десятикратное (тем не менее, по

¹ Рассчитано автором на основе данных The World Factbook [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/xx.html> (дата обращения – 11.06.2020)

объёму импорта Россия также превышает все остальные бывшие союзные республики, правда, всего лишь на 7 %).

Примечательно, что в конце советского периода (в 1988 году) соотношение экспортных поставок (во внутренних ценах) из РСФСР к аналогичному показателю для всех остальных (вместе взятых) союзных республик составляло 2,4 к 1, а импорта – 2,28 к 1 и это (наряду с учётом ценовых и структурных изменений) наглядно иллюстрирует последовавшую за распадом СССР «суверенизацию» внешнеторговых практик новых независимых государств, их проявившуюся дистанцированность от Российской Федерации, уже лишь отчасти выполняющей миссию бывшего «хаба» в международных обменах. Сформированная ещё в советский период внешнеторговая структура «России – Евразии», тем не менее, пусть и в своём современном дезагрегированном виде, продолжает частично воспроизводить былые пропорции, равно как и функционал своих отдельных (уже «суверенных») территориальных составляющих. И внешнеторговая позиция России (даже несмотря на последовавший за 2014 годом существенный спад объёма топливно-энергетического экспорта в денежном эквиваленте) как ведущего на постсоветском пространстве поставщика товаров на мировой рынок, одновременно способного аккумулировать и перераспределять финансово-инвестиционные ресурсы – наиболее значима и предоставляет нашей стране определённые возможности в выстраивании «россиеориентированных» форматов в рамках реализации потенциала «внутриконтинентальных соседств».

Экономические взаимодействия Российской Федерации с её ближними и дальними евразийскими «соседями» – изменчивы и, в то же время, достаточно стабильны, что убедительно демонстрирует динамика географии внешнеторговых связей за последнее десятилетие (табл. 8).

Сохраняет стабильность, в частности, общая **сфокусированность внешней торговли России на государствах евразийского материка** (доля последних, включая островные государства, варьирует в диапазоне 93–95 %); практически неизменными предстают и пропорции распределения внешнеторгового оборота

стран Азии. «Азиатская ориентация» становится единственной возможной...»¹) – проявляется в поступательном наращивании объёмов товарооборота с КНР при одновременном снижении ранее чрезвычайно высокой значимости экономических партнёрств со странами Евросоюза (доля стран ЕС во внешнеторговом обороте РФ к концу 2000-х достигала 58 %). По итогам января-сентября 2020 года удельный вес стран ЕС во внешней торговле России сократился до рекордно низких 38,7 %, в то время как КНР, напротив, вырос до 18,4 % (вместе с Гонконгом – до 18,8 %). Учитывая резко возросший интерес к европейскому рынку энергоносителей со стороны США и нарастающие геополитические противоречия в системе «Россия – Запад», тенденция «девропеизации» российской внешнеторговой ориентации, вне сомнения, сохранит своё действие и на перспективу, иницилируя как упорную борьбу за столь необходимое обретение нашей страной новых внешнеторговых партнёров и рынков, так и реструктуризацию базовых отраслей её экономики, включая в том числе и максимально возможно большее замыкание производственно-сбытовых и технико-технологических «цепочек» в пределах собственно Российской Федерации.

Иной существенный для географии внешней торговли России современный тренд – **стремление выстроить, пролонгировать, нарастить внешнеторговые обмены не только с КНР, но и с другими ближайшими евразийскими соседями** (в том числе – постсоветскими государствами), нарушаемое (и пресекаемое) большими и малыми «геополитическими играми», меняющейся рыночной конъюнктурой, интересами крупных корпораций.

Весьма характерным примером является в данном случае выраженная волатильность хозяйственных взаимодействий с Турецкой республикой. За 2001–2008 гг. её товарооборот в Россией вырос в 9,5 раз (!), достигнув величины в 38 млрд долл. США. Однако, уже в 2016 г. (когда внешнеполитические отношения двух стран на непродолжительный период резко ушли «в пике», а цены на

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 306.

энергоносители существенно снизились) объём взаимной торговли составил всего лишь 15,7 млрд долларов. К 2019 году данный показатель вновь «подрос» до 26 млрд (в основном за счёт российского экспорта, 40 % стоимостного объёма которого составляли энергоносители, 11 % – железо и сталь, 7 % – зерновые культуры), но в 2020 г. (учитывая динамику первого полугодия) взаимный товарооборот вряд ли превысит 22 млрд долларов (что, соответственно, в 1,7 раза меньше продемонстрированного в 2008 г. своего наивысшего исторического значения).

Ещё более резким (особенно после 2014 года) оказалось снижение интенсивности «соседского партнёрства» с Украиной. Если в 2011 году внешнеторговый оборот России и Украины составлял почти 50 млрд долл. США (достигнув своего постсоветского максимума; российский экспорт на Украину равнялся, при этом, 29 млрд долл. США, украинский в Россию – 19,8 млрд), то в 2019 г. – не превысил 11,5 млрд, уменьшившись, в итоге, в 4,3 раза (в первом полугодии 2020 г. товарооборот двух стран по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократился ещё в 1,8 раза). В итоге, «присутствие» Украины во внешнеторговом обороте РФ за 2012–2019 гг. снизилось на весомые 4,3 процентных пункта, что, к примеру, превышает весь объём экспортно-импортных операций нашей страны с Турецкой республикой. Радикально видоизменилась и «российская составляющая» в украинской экономике: соотношение внешнеторгового оборота двух стран к ВВП Украины уменьшилось за 2011–2019 гг. с 0,306 (по величине этого показателя Украина в «партнёрствах» России в 2011 г. занимала второе место, уступая лишь Белоруссии) – до 0,074.

Во многом именно благодаря деградации хозяйственных связей с Украиной (процесс этот оказался стремителен и, преимущественно, геополитически мотивирован) проявился крайне негативный для России (и системы её «евразийских соседств») процесс дальнейшего сокращения в структуре её внешней торговли доли постсоветских государств («Сердцевинной Евразии»). Казалось бы, негатив ситуации компенсируется наблюдаемым расширением взаимосвязей Российской Федерации с другими участниками Евразийского экономического союза (за 2010–2019 гг. их доля во

внешнеторговом обороте РФ увеличилась с 7,2 до 8,6 %). Но... 58 % внешнеторговых обменов нашей страны с государствами ЕАЭС (по итогам 2019 года) приходится на долю Белоруссии; возросшая же активность вокруг (и внутри!) этой страны глобалистских сил, а также многолетнее «торможение» реальной российско-белорусской экономической интеграции – дают, в этой связи, основания лишь для очень сдержанного оптимизма.

Экономика Белоруссии в своём современном виде, кстати, – предельно «россиезависима»: её внешнеторговый обмен с Российской Федерацией характеризуется устойчивым превышением импорта над экспортом (на 7,7 млрд долл. США в 2019 г., что эквивалентно 12 % от всего ВВП Белоруссии по официальному обменному курсу), структура поставок в Россию с одной стороны частично обеспечивает Российской Федерации некое «европозамещение» (на 16 % – это продукция молочной промышленности и другое продовольствие, 13 % – транспортные средства, 8 % – иная продукция машиностроения и т. п.), с другой – приемлема для нашей страны лишь в условиях безусловного и тесного союзничества, поскольку объективно тормозит необходимую реиндустриализацию непосредственно на российской территории. Впрочем, Россия также заинтересована в белорусском рынке, поставляя в эту республику почти на 7 млрд долл. различного рода энергоносителей, и данная ситуация (подкрепляемая геополитической мотивацией) уже многие годы воспроизводит сложный, взаимовыгодный и, одновременно, содержащий в себе множественные противоречия хозяйственный симбиоз двух наших постсоветских государств.

Из всех бывших союзных республик Белоруссия в настоящее время является не только самым значимым внешнеторговым партнёром для Российской Федерации, но и демонстрирует наиболее полную степень включённости (хозяйственной, логистической) в российское хозяйственное пространство. Повышенной степенью внешнеторговой сопряжённости с Россией характеризуются, кроме того, Киргизия, Армения, Казахстан (то есть, наши непосредственные партнёры по Евразийскому экономическому союзу), а также Таджикистан и Литва (табл. 9).

Таблица 9

**Внешнеторговая сопряжённость Российской Федерации
и её важнейших «внутриконтинентальных соседей», 2019 г.**

Страны-партнёры РФ	Экспорт из РФ, млн долл.	Импорт в РФ, млн долл.	Доля РФ в экспорте страны, %	Доля РФ в импорте страны, %	Внешнеторговый оборот с РФ к ВВП (ООК) страны, раз	Соотношение душевого ВВП (ООК) страны и РФ, раз
Постсоветские государства**						
Азербайджан	2287	724	4	17	0,063	0,41
Армения	1489	719	27	29	0,161	0,40
Белоруссия	20544	12800	56	65	0,529	0,57
Грузия	924	462	17	12	0,078	0,41
Казахстан	14065	5602	10	37	0,109	0,84
Киргизия	1362	270	14	28	0,193	0,11
Латвия	1209	1323	9	7	0,074	1,54
Литва	5189	4632	14	15	0,188	1,68
Молдова	692	250	9	12	0,078	0,39
Таджикистан	1009	44	4	30	0,130	0,08
Туркмения	543	151	1	18	0,019	0,56
Узбекистан	3974	2067	14	18	0,104	0,15
Украина	6619	4834	9	13	0,074	0,32
Эстония	1793	1409	8	10	0,102	2,04
Некоторые наиболее значимые внешнеторговые партнёры РФ						
Германия	24937	29701	2	2	0,014	3,99
Индия	6120	2804	1	1	0,003	0,18
КНР	60257	49484	2	3	0,008	0,89
Польша	16014	7864	3	6	0,016	1,35
Турция	22373	3852	2	11	0,035	0,78

* Составлено по данным Всемирной торговой организации и Всемирного банка.

** Без учёта Абхазии и Южной Осетии, признанных РФ государств, по которым статистический учёт международными институтами не ведётся.

Характеризуя географию внешнеторговых связей России, нельзя не отметить, что сложившаяся в постсоветский период система её внешнеторговых партнёрств с другими государствами Евразии, частично видоизменяясь, продолжает оставаться **асимметричной**, для общего геоэкономического положения нашей страны – отчасти **невыигрышной**, а по ряду ключевых моментов – **парадоксальной**.

Так, согласно таможенной статистике 2019 года (т. е. уже пятилетие спустя после рубежной для российской геополитики «крымской весны»), не менее 65 % оборота внешней торговли Российской Федерации по-прежнему приходится на долю «коллективного Запада» (т. е. стран, интегрированных в ЕС и НАТО, а также Японии, Австралии, некоторых других государств), ныне открыто позиционирующего себя (что чётко акцентировано в докладе М. Помпео в феврале 2020 года на очередной конференции по безопасности в Мюнхене¹) в качестве нашего стратегического оппонента. В СССР, кстати, ситуация была полярно иная: в 1989 г. на страны – члены СЭВ приходилось 55,2 % всего экспорта Советского Союза и 56,3 % его импорта, тогда как на все «развитые капиталистические страны» – лишь 23,8 и 28,4 % соответственно.

Характерно также, что порядка 55 % внешнеторгового оборота России ориентировано на государства с более развитыми экономиками (если исходить из показателя душевого ВВП по ППС); 33 % – на более крупные (превышающие Россию совокупным «размером» ВВП) страновые хозяйственные системы. «Российская составляющая» в их внешней торговле, как правило, малосущественна (для Германии – лишь 2 %, КНР – менее 3 %), её можно достаточно безболезненно для конкретной страны (выступающей российским партнёром) сократить, проигнорировать (в том числе и по геополитическим соображениям).

¹ *Mickael R. Pompeo. The West Is Winning* (выступление госсекретаря США Майкла Ромпео на конференции по безопасности в Мюнхене 15.02.2020) [Электронное издание] <https://www.state.gov/the-west-is-winning/> (Дата доступа – 16.02.2020)

Наиболее же «близкие» (в том числе исторически, географически) внешнеторговые контрагенты России (включая страны ЕАЭС) в силу своего экономического положения (и структуры внешней торговли) – не способны предъявить сколь-нибудь существенный спрос на основную номенклатуру российского экспорта. Подобная специфика «евразийских партнёрств», предопределяя их пролонгированную «вестернизированность», придаёт всему геоэкономическому позиционированию современной России черты **периферийности, высокой внешней уязвимости**, зависимости не только от рыночной конъюнктуры, но и геополитического расклада сил.

России, разумеется, следует и далее стремиться выстраивать максимально тесные внешнеторговые партнёрства с другими постсоветскими государствами (преимущественно с теми из них, кто не позиционирует себя в качестве нашего геополитического оппонента, противника). Реальные возможности наращивания подобных внешнеторговых обменов и сам эффект от них, тем не менее, вряд ли следует переоценивать (особенно – в среднесрочной перспективе). Так, к примеру, если условно, гипотетически (что абсолютно нереально, в том числе и из-за жёстчайшей геоэкономической конкуренции) Российская Федерация, интегрируя структуру Евразийского экономического союза, смогла бы довести свою долю в импорте всех остальных его членов до современного уровня Белоруссии (65 %), то получила бы общую «прибавку» к экспортным возможностям на 13352 млн долл. США (т. е. нарастила свой текущий экспорт всего на 3 %). Однако любого рода попытки России реформатировать «под себя» рынки своих ближайших партнёров и союзников уже практически невозможны в том числе и в силу «китайского фактора» (российская доля в импорте Казахстана, к примеру, составляет 37 %, китайская – 33,4 %; в Киргизии аналогичная пропорция – 28 % и 35 %).

В ещё более фантастической ситуации, когда все постсоветские государства (без стран Балтии) довели бы ввоз российских товаров до «белорусского уровня» – «интеграционная добавка» к экспортным возможностям России составила бы 68,9 млрд. долл. США (эквивалент 16 % фактического экспорта российских товаров за 2019 год). В то же время «завоевание» дополнительно 1 % в

«импортном пироге» КНР обеспечило бы нашей стране 20,7 млрд долл. экспортных доходов (нарастив их сразу на 5 %), а Индии, к примеру, – 4,8 млрд, Турции – 2 млрд долларов США.

Пока же, в пределах всего постсоветского пространства, наибольшей реальной перспективой (и потенциалом роста, учитывая демографическую и экономическую динамику) обладает реализация «внутриконтинентальных соседств» с центральноазиатскими государствами. И потенциал укрепления в этом макрорегионе российских внешнеторговых (и общеэкономических) позиций пока ещё полностью не исчерпан. В частности, согласно данным Центра Международной торговли (ИТС) за 2019 год Россия обеспечивает почти 30 % всего импорта постсоветских государств Центральной Азии (включая Казахстан) и «принимает» 8,4 % их суммарного экспорта. В то же время, доля Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана (суммарно) во внешней торговле России составляла лишь 5 % по экспорту и 3 % по импорту. Удельный вес данных государств (включая Российскую Федерацию) в экспорте Казахстана достигает, при этом, 15,5 %, а в импорте – 39,6 %, Узбекистана – соответственно 18,9 и 30 %, Кыргызстана – 38,3 и 57 %, Таджикистана – 51,8 и 55,7 %, Туркменистана – 5,7 и 27 %. (табл. 10).

Таблица 10

**Товарообмен между Российской Федерацией
и государствами Центральной Азии, 2019 г., млн долл. США***

		Импорт в					
		Рос- сию	Казах- стан	Узбе- кистан	Кыр- гызстан	Таджи- кистан	Туркме- нистан
Экспорт из	России	X	14050	3908	1550	935	543
	Казахстана	5570	X	1981	604	653	116
	Узбекистана	1177	766	X	634	190	51
	Кыргызстана	316	252	124	X	57	3
	Таджикистана	37	103	144	10	X	5
	Туркменистана	151	30	401	5	0,3	X

* Составлено автором по данным Центра Международной торговли (ИТС), <https://www.trademap.org>.

Приведённые показатели отражают не только лишь частично реализованный «фактор соседства», но и уже состоявшуюся внешнеторговую «многовекторность» государств Центральной Азии, их ориентацию в том числе на иные (вне России) центры хозяйственной активности.

Недостаточно весомо и «присутствие» Российской Федерации во внешнеторговых обменах в рамках крупных, формирующихся в последние три десятилетия на её порубежье преимущественно евразийских по позиционным и сущностным характеристикам «морских» макрорегионов, наподобие Причерноморья. Как свидетельствует проведённый анализ, экономические связи между собственно циркумпонтийскими государствами имеют для них преимущественно второстепенное значение и, к тому же, – существенно опосредованы геополитикой. Лишь 5,3 % всего суммарного внешнеторгового оборота шести непосредственно оконтуренных черноморскими побережьями государств (т. е. 74 млрд долл. из 1407 млрд) приходится на долю своих «причерноморских» соседей-партнёров. Собственно морская логистика (порты, трубопроводы) обеспечивает, при этом, не более половины данного объёма. Превалирующий морской поток грузов – транзитный (для Российской Федерации его можно соотнести с 70–75 % от всего объёма экспортно-импортных грузов, перегружаемых в российских черноморских и азовских портах), что превращает Причерноморье не столько в целостный «интегральный район» (как его, скорее с «прицелом» на будущее, воспринимают некоторые авторы¹), сколько в обширнейший («веерообразный», предельно сужающийся в районе Босфора) морской «коммуникационный коридор» в направлении Средиземноморья (обретшего ныне, как полагают², «новое центральное положение») и, следовательно – юга Европы, Ближнего Востока, Африки.

¹ Матишов Г. Г., Денисов В. В., Дженюк С. Л. Интегрированное управление природопользованием в северных морях // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 3. С. 27–40.

² Фарделла Э., Проди Д. «Один пояс, один путь» и его влияние на Европу // Валдайские записки. № 82. Март, 2018. 11 с.

Характерно, что более трети (35 %) взаимного товарооборота причерноморских государств обеспечивает хозяйственная сопряжённость России и Турции (объём взаимного товарооборота Турции и Румынии в 4 раза, а Турции и Украины – в 6 раз ниже соответствующего российско-турецкого показателя). В этой связи именно российско-турецкие связи уместно рассматривать в качестве основного экономического «скрепа» Причерноморья (табл. 11).

Таблица 11

Товарообмен между Российской Федерацией, Турцией, Украиной, Румынией, Болгарией и Грузией, 2019 г., млн долл. США*

		Импорт в					
		Россию	Турцию	Украину	Румынию	Болгарию	Грузию
Экспорт из	России	X	21000 (5,0)**	6619 (1,6)	3196 (0,8)	2690 (0,6)	1157 (0,3)
	Турции	4971 (2,9)	X	1921 (1,1)	3834 (2,2)	2528 (1,5)	1421 (0,8)
	Украины	4835 (9,6)	2589 (5,2)	X	1044 (0,2)	609 (1,2)	416 (0,8)
	Румынии	1463 (1,9)	2470 (3,2)	690 (0,9)	X	2716 (3,5)	216 (0,3)
	Болгарии	577 (1,8)	2316 (6,8)	388 (1,2)	2845 (8,2)	X	172 (0,5)
	Грузии	536 (13,2)	216 (5,7)	245 (6,4)	16 (0,1)	320 (8,4)	X

* Составлено автором по данным Центра Международной торговли (ИТС), <https://www.trademap.org>.

** Доля в экспорте страны.

Выраженная «геополитическая детерминанта» внешней торговли в порубежных с Россией макрорегионах (особенно на её западе и юго-западе), равно как и крайне невысокий (в общеєвропейских и международных сопоставлениях) экономический (в том числе внешнеторговый) потенциал всех без исключения го-

сударств постсоветского пространства – предопределяет, **делает жизненно необходимым выстраивание Россией своих «внутриконтинентальных партнёрств» именно с ведущими геоэкономическими акторами.** В этой связи абсолютно не случайна и логична фактически вплоть до 2014 года широко культивируемая в Российской Федерации идея «Большой Европы» («от Лиссабона до Владивостока»¹), равно как пришедшие ей на смену с рубежа 2015–2016 гг. представления о целесообразности формирования (с активнейшим участием России) формата «Большой Евразии».

Учитывая внешнеэкономические (и прежде всего – внешне-торговые приоритеты), равно как и сохраняющуюся высокую степень зависимости бюджета РФ от экспортно-импортных операций (по данным Минфина РФ в федеральном бюджете доля доходов, связанных с импортом в 2019 г. составляла 18 %, а нефтегазовых доходов, в свою очередь более чем наполовину предопределяемых внешнеэкономической активностью – порядка 40 %; то есть, фактически, за счёт международных «партнёрств» обеспечиваются совокупные расходы нашей страны по таким важнейшим, наиболее затратным статьям как «Социальная политика», «Национальная оборона», «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», а также «Национальная экономика»), руководство Российской Федерации, её крупнейшие экспортноориентированные корпорации, вне сомнения, в обозримой перспективе – **будут стремиться не только к «повороту на восток»** (либо, впоследствии, и на юг), но и **к поддержанию** (даже на фоне обретающей всё большую жёсткость геополитической риторики, когда даже ведущие российские политологи заявляют об «исчерпанности прежней модели отношений с Евросоюзом»²) приемлемого для успешного ведения бизнеса **диалога со странами Европы.**

¹ Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова. М.: Издательство «Весь Мир», 2014. 704 с.

² Лукьянов Ф. Что следует из резкого заявления С. Лаврова // Россия в глобальной политике. https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-es-zakrylistraniczu/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (Дата доступа – 16.10.2020)

В условиях, когда мировая экономика фрагментируется, регионализируется и, главное, политизируется¹, система геоэкономического позиционирования Российской Федерации – неизбежно обретает неустойчивость, динамизм и, демонстрируя возрастающую сложность, вынуждена ориентировать свою конфигурацию не только на традиционно значимые для неё мирохозяйственные центры, но и на другие государства, причём, не только в пределах собственно евразийского материка.

Прирастающий демографический потенциал в странах Южной (в первую очередь в Индии, способной в третьем десятилетии текущего столетия оказаться наиболее динамичным среди крупнейших и наиболее ёмким среди устойчиво и быстро растущих мировых субрынков инвестиционного и потребительского спроса), Юго-Восточной Азии и, в ещё большей мере, в Африке (концентрирующей ныне более 1,35 млрд населения) – формируют обширнейший ареал потенциального российского экспорта (не только энергоносители, оружие, продовольствие, но и в перспективе – продукцию биомедицинского профиля, включая в том числе и различного рода вакцины). Закрепление на этих рынках – задача стратегическая, требующая значительных внешнеполитических усилий, выстроенной торговой инфраструктуры, а также логистики. Но именно её решение (наряду с развитием партнёрства в рамках ЕАЭС, с сохранением и укреплением геоэкономического присутствия нашей страны в других, пока не ставших полноправными участниками данного объединения странах Центральной Азии, а также с восстановлением связей с Украиной) – позволит России в конечном итоге хотя бы отчасти **уйти от абсолютно тупиковой, разрушающей страну позиции сырьевого придатка мировых «центров силы»** (и абсолютно неважно – Евросоюз ли это, Китай, или, в перспективе, кто-либо ещё). Именно в русле данного вероятностного (и крайне необходимого!) тренда, следуем, полагаю, согласиться с недавно озвученным, позитивным для

¹ Караганов С. Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32.

Российской Федерации прогнозом: «Будущая российская экономика может стать экономикой, которая основана не только на сырье. Это возможно»¹.

Осознание перспективы, целесообразности **расширения рамок «внутриконтинентальных соседств» России на всю Аф-ро-Евразию** – особым образом актуализировано как в «пост-крымском» мире (характеризуемом ростом геополитической турбулентности в контексте нарастания конфликтности в системе «Россия-Запад»), так и в приходящей ему на смену «новой реальности», выстраиваемой всё рельефнее выраженным (в том числе и на фоне социально-экономических следствий пандемии COVID-19) углубляющимся противостоянием КНР и США. Необходимому в данном контексте расширению спектра внешнеторговых партнёрств России благоприятствуют её новые мирохозяйственные специализации, в первую очередь – динамично прирастающий экспорт сельскохозяйственной продукции (в 2010 г. его объём составлял 9,4 млрд долл., а в 2018 г. вырос до 24,9 млрд), в том числе – поставки за рубеж зерновых.

По данным за 2019 год почти 54 % всего российского экспорта зерна приходится на девять государств (три из них – постсоветские) (табл. 12).

Зерновой экспорт из России (это – около 7 % всего мирового импорта зерновых, в то время как для Казахстана аналогичный показатель составляет 1,2 %, а Украины – 9 %), в последние годы обретая устойчивость и отчасти выступая дополнительной геэкономической «скрепой» евразийского пространства, частично также расширяет его внешний контур.

Следует подчеркнуть, что **глобальные рыночные позиции Российской Федерации, равно как и её неизменная ориентация на «большие» (в том числе и геэкономически наиболее «весомые») пространства и партнёрства – важнейшее условие не только устойчивости самого российского государства, но и**

¹ Тренин Д. Либо проиграем, дибо станем чище и добрее. <https://carnegie.ru/2020/10/01/ru-pub-82841> (Дата доступа – 12.10.2020)

Таблица 12

Государства – важнейшие экспортёры российского зерна, 2019 г.*

	Объём поставок зерновых из России, млн долл. США	Доля в экспорте зерновых Российской Федерацией, %	Доля в общем объёме экспорта РФ в страну, %	Доля в общем импорте зерновых страной, %
Турция	1538,0	19,4	7,3	47,8
Египет	1275,0	16,0	22,1	24,3
Бангладеш	524,6	7,0	46,9	42,0
Азербайджан	277,5	3,5	12,0	69,0
Саудовская Аравия	235,8	3,0	16,8	8,4
ОАЭ	154,0	1,9	9,6	14,3
Грузия	103,0	1,3	8,9	79,2
Индонезия	72,0	1,0	9,4	2,2
Армения	69,0	0,9	4,1	93,2

* Составлено по данным Всемирной торговой организации.

его реинтеграционных (с акцентом на экономику, гуманитарную сферу) **возможностей в пределах постсоветского пространства.** В «малой» же («россиецентрированной») евразийской интеграции, при этом, на первостепенные позиции выходят не только хозяйственные, бюджетно-налоговые резоны, но и геополитические (в том числе имиджевые, символические) аспекты. Следует в этой связи признать, что **активность России на постсоветском пространстве в существенной мере (напрямую и опосредованно) лимитирована геоэкономической зависимостью от важнейших мировых «центров силы»:** ЕС, КНР, а также политики и интересов США. Для современной России, при этом, пожалуй, как никогда ранее актуальна реализация позитива (и купирование негатива) её географически (и исторически) обусловленного евразийского «полисоседства», трансформация последнего в сбалансированную (многовекторную и разноуровневую) систему взаимовыгодных «партнёрств», в том числе и в экономической сфере.

Реализуя дальнейший (в современной ситуации – во-многом безальтернативный) «разворот» внешнеэкономической системы России «на Восток» и, что столь же значимо, перспективно, – «на Юг», равно как и борясь за сохранение (хотя-бы частичное) сжимающегося (подобно «шагреновой коже») пространства торговых и инвестиционных возможностей страны на Западе, важно максимально наполнять позитивом «соседства» с другими постсоветскими странами. Абсолютным же приоритетом выступает, при этом, **опережающее выстраивание «горизонтальных» производственно-хозяйственных связей между собственно российскими регионами, общее повышение экономической связности территорий Российской Федерации как «остова» и «сердцевинного элемента» всего евразийского пространства.** Такова, вне сомнения, базовая логика и основополагающая стратегия реализации потенциала «внутриконтинентальных соседств», акцентированных столетие назад классическим евразийством, чьи лидеры (высвечивая специфику нашей страны) смогли увидеть, обосновать, показать их непреходящую значимость для «России-Евразии», для её экономического развития.

**4. КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО
О ФУНДАМЕНТАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ
РУССКО-ТЮРКСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ:
взгляд на прошлое, обращённый в будущее**

4.1. «Тюркская тематика» в системе классического «евразийства»

«Тюркская тематика» – одна из важнейших, стержневых содержательных компонент идеологии классического «евразийства» и это – не случайно. Познать Россию, осмыслить её историческую траекторию, адекватно высветить современную пространственную этнокультурную, этнодемографическую специфику – можно лишь понимая (и принимая!) нашу страну как столетиями формировавшееся устойчивое единство многих и многих народов, культур, лингвистических групп. Существенную роль в становлении России, в развитии её государственности, неизменно оказывали и туранские народы, в первую очередь степные, тюркоязычные. Данное обстоятельство чётко осознавали основоположники «евразийства»; идея русско-тюркского симбиоза «красной нитью» проходила, затем, в творчестве Л. Н. Гумилёва; роль «тюркского фактора» достаточно хорошо акцентирована и в современном российском научном дискурсе¹.

Оказавшись прямым порождением, неотъемлемой составляющей и одной из детерминант евразийской динамики, тюркские этносы причудливой «россыпью» распластались по пространству от Балканского полуострова и Малой Азии до Сибиряка и Якутии; их «месторазвитием» и основным ареалом жизнедеятельности уже по крайней мере более пятнадцати столетий (первые сведения о тюрках относятся к 439 году н. э.²) выступают степные про-

¹ *Хакимов Р. С.* Как возникла Великая Татария и чем она стала. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2018. 197 с.; *Дружинин А. Г.* Классики «евразийства» о русско-тюркском взаимодействии (взгляд на прошлое, обращённый в будущее) // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 3–15.

² *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Тов. «Клышников-Комаров и К», 1993. 524 с.

странства Евразии, являющиеся не только обширнейшим (простирающимся в широтном направлении на 8 тыс. км¹) уникальным ландшафтным и ресурсно-хозяйственным комплексом, но и важнейшим внутриконтинентальным коммуникационным коридором, одновременно выполняющим функцию осевого элемента для ретроспективной череды формирующихся на его основе поли-тико-территориальных и этнокультурных образований (включая, в том числе, Московское государство, Российскую Империю, СССР, Российскую Федерацию).

В пределах евразийского материка в настоящее время сконцентрировано порядка 220 млн представителей тюркоязычных этносов (это – около 99,0 всего тюркского населения Планеты), причём 92,5 % данной численности локализовано в пределах десяти государств (табл. 13).

Таблица 13

**Локализация представителей тюркоязычных этносов
в современной Евразии***

	Численность представителей тюркоязычных этносов, млн чел.	Удельный вес представителей тюркоязычных этносов в населении, %	Наиболее многочисленный тюркский этнос (численность, тыс. чел. / доля в населении, %)
Весь материк Евразия	≈ 220,0	4,1	Турки (66000 / 1,2)
В том числе			
Турция	69,7	85,0	Турки (61512 / 75,0)
Узбекистан	29,6	97,0	Узбеки (25600 / 83,8)
Иран	25,5	30,0	Азербайджанцы (25476 / 30,0)

¹ Чибилёв А. А. Степи Северной Евразии. Эколого-географический очерк и библиография. Екатеринбург, 1998.

Окончание табл. 13

	Численность представителей тюркоязычных этносов, млн чел.	Удельный вес представителей тюркоязычных этносов в населении, %	Наиболее многочисленный тюркский этнос (численность, тыс. чел. / доля в населении, %)
КНР	25,0	1,8	Уйгуры (12123 / 0,87)
Казахстан	14,5	75,8	Казахи (12981 / 68,0)
Россия	12,8	9,1	Татары (5311 / 3,7)
Азербайджан	9,4	92,0	Азербайджанцы (9347 / 91,6)
Афганистан	6,2	17,0	Узбеки (4030 / 11,0)
Киргизия	5,6	93,8	Киргизы (4383 / 73,5)
Туркменистан	5,3	95,0	Туркмены (4698 / 85,0)
Ирак	1,60	4,0	Туркмены (1554 / 4,0)
Таджикистан	1,4	15,3	Узбеки (1224 / 13,8)
Сирия	0,80	4,0	Туркоманы (776 / 4,0)
Монголия	0,31	10,0	Казахи (124 / 3,9)
Молдавия	0,16	4,6	Гагаузы (155 / 4,6)

* Составлено по данным Росстата, статистических служб Казахстана, Киргизии и Узбекистана, а также с учётом The World Factbook.

Более 79 млн представителей тюркоязычных этносов проживают непосредственно в пределах постсоветского пространства, в том числе 12,8 млн – на территории современной России (Российской Федерации), выступающей, в данном контексте, в том числе и как тюркское по своей этнодемографической, этнолингвистической структуре государство.

В своих трудах основоположники «евразийства» многократно, практически постоянно обращались к «тюркской тематике» (в том числе в формате отдельно изданных книг и брошюр¹), что, вне сомнения, логично, оправданно, мотивировано стремлением показать культурно-историческое своеобразие нашей страны, акцентировать её самобытность в качестве особого «срединного мира», обосновать истоки и фундаментальные характеристики (включая и пространственные) российской государственности.

Как «*русскотуранскую*» и «*русско-татарскую*» воспринимал «Россию-Евразию» П. Н. Савицкий, полагая, что «без *татарщины* не было бы России»², а Н. С. Трубецкой подчёркивал, что «*сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю нашу историю*»³. Он же характеризовал нашу страну в качестве преемницы «*великого наследия Чингисхана*»⁴, предлагая «*для правильного национального самопознания... учитывать наличность у нас [русских – А. Д.] туранского элемента*»⁵. Констатируя, что «*в этнографическом отношении русский народ не является исключительным представителем «славянства»*»⁶, Н. С. Трубецкой (вслед

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.; Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 60 с.

² Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.

³ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 60 с.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.

за И. Гаспринским¹) подмечал, что *«фактически Россия уже объединила под сенью своей государственности значительную часть туранского востока»*².

Воспринимая «Россию-Евразию» как целостное *месторазвитие*, Н. С. Трубецкой также полагал, что *«русские вместе с угро-финами и волжскими тюрками составляют единую культурную зону»*³. Он же считал, что *«господствующий прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой «Киевской Руси», не может быть признан правильным»*⁴ и призывал *«гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими»*⁵.

История (если её раз за разом не искажают преднамеренно) и География (когда формируемая в её рамках картина мира внятна и адекватна) – две великие науки, позволяющие Человечеству ориентироваться в сложных, динамичных структурах пространства – времени. Обращаясь к событиям давнего прошлого, основоположники «евразийства», конечно же, стремились чётче высветить, оконтурить настоящее, предугадать, очертить вероятностное (в том числе и желаемое) будущее. В логике их миропонимания сопряжённость российской (русской) ретроспективы с историческими трендами развития множества оказавшихся в российской юрисдикции тюркских народов – предопределяет не только общность нашего «месторазвития», но и соответствующее хозяйственное, культурное, политическое единство. Именно так (с позиций классического евразийства) историко-культурный фундамент продуцирует сущностные культурные черты, оконтури-

¹ *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881. 170 с.

² Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 102.

³ Там же. С. 97.

⁴ *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. С. 3.

⁵ *Трубецкой Н. С.* К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Евразийское книжное издательство. 1927. С. 51.

вает характеризуемый ими пространственный ареал («Россию – Евразию») и, в этой связи, предопределяет, выстраивает систему межнациональных связей, а также – геополитику.

Идея русско-тюркского взаимодействия и его значения для нашей национальной истории ценна и конструктивна и ещё в двух принципиально значимых для России (как столетие назад, так и сейчас!) аспектах. Во-первых, во-многом именно на этой фактологической и концептуальной основе классиками «евразийства» были предложены контуры национальной политики, утверждались принципы **равенства народов и их культур**, разрабатывалось представление о «России – Евразии», в совокупности образующей «... *единый над-национальный союз, возникший на закономерной основе. Эта основа складывается из общего месторазвития...*»¹.

Во-вторых, была предложена и развивалась абсолютно справедливая применительно к нашей стране **идея государствообразующего и культуроформирующего взаимодействия народов** (именно взаимодействия, а не порабощения, ассимиляции и т. п.), получившая (как это убедительно показали основоположники «евразийства», говоря об «*объединительных стремлениях, носителями которых были первоначально степняки, а затем русский народ*»²) реальное подтверждение событиями российской истории. Внимательное же, непредвзятое отношение к нашему прошлому (как советскому, так и более ранним его периодам) – опровергает дезавуирует тиражируемое ещё со второй половины XIX в. русофобское, неверное, нежелательное, искажающее реалии восприятие России как некой «тюрьмы народов», как имперской державы³, вмещающей многочисленные колонии (тезис о якобы присущем нашей стране «колониализме» воспроизводится и поныне, в том числе, к сожалению, российскими авторами⁴).

¹ Евразийство. Декларация, формулировки, тезисы. Издание евразийцев. Прага: Политика, 1932. С. 23.

² Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 54.

³ *Sipran. A.* «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien». 1906.

⁴ *Родман Б. Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идёт Россия?. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 94–102.

«Русские...», – подчёркивается в классических «евразийских» текстах, – спаяны с народами Евразии... единством исторической судьбы»¹. Симптоматично, в этой связи, и в целом, полагаю, оправдано активно культивируемое ныне этнологами Республики Татарстан понимание России как последней в хронологии татарских империй, чья история – «только наполовину русская, другая её половина – тюрко-татарская»².

Впрочем, ввести «историю Золотой Орды в рамки русской истории»³ призывал ещё столетие назад Г. В. Вернадский, а другой «евразиец» – Г. В. Флоровский акцентировал необходимость «различать «татарский слой» в русском быте»⁴. И подобное солидарное, последовательно излагаемое, чётко сформулированное видение политико-территориального фундамента России, её этнографических особенностей и базовых культурных характеристик – было, полагаю, предопределено не только неподдельным интересом первых «евразийцев» к пластам былой истории (воспринимаемой ими как «свободная и творческая импровизация»⁵), но и целым комплексом доминантных для второй половины XIX – начала XX вв. ситуаций, событий, обстоятельств. Важнейшие из них связаны как с геополитическими интересами (включая мотивированное ими стремление «осознать и осмыслить совершающийся и свершившийся выход России из рамок современной европейской культуры»⁶), так и с обновлённым территориальным контуром России, с её изменившейся этнодемографической (лингвистической, конфессиональной) структурой.

Если исходить из присущих тому периоду этнодемографических (этнокультурных) реалий, сложно не согласиться с «евразийским»

¹ Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. С. 55.

² Хакимов Р. С. Как возникла Великая Татария и чем она стала. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2018. 197 с.

³ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.

⁴ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы. 1921. С. 67

⁵ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.

⁶ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 9.

тезисом, что «с этнографической точки зрения Россия – область, где господство принадлежит индоевропейскому и туранскому элементам»¹. «Туранский элемент» (в своей подавляющей части – тюркский и мусульманский), кстати, к концу XIX в. хотя и не был сопоставим по численности ни с собственно русскими (великороссами), ни, тем более, со всей славянской составляющей населения страны – также являлся географически практически вездесущим, а в демографическом отношении – довольно внушительным. Так, согласно Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., «турецко-татарские» и «монголо бурятские» наречия в качестве родного языка указало более 14 млн человек, т. е. около 11,2 % населения огромной и очень разнородной по своему лингвистическому и конфессиональному составу страны (табл. 14).

Таблица 14

Численность и удельный вес населения, указавшего в качестве родного «турецко-татарские» и «монголо бурятские» наречия, а также русский («великорусский») язык (по данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г.)²

	Всё население, тыс. чел.	Население, указавшее в качестве родного русский (великорусский) язык		Население, указавшее в качестве родного «турецко-татарские» и «монголо бурятские» наречия»	
		Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Российская Империя, всего	125640	48558	44,3	14081	11,2
Европейская Россия	93442	48558	52,0	4795	5,1
Кавказ	9289	1829	19,7	1894	20,4
Сибирь	5758	4423	76,8	730	12,7
Средняя Азия	7747	588	7,6	6618	85,4

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 336.

² Составлено автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php.

Характерно, что почти 47 % всех тюркоязычных жителей Империи (зафиксированных в переписных листах) было сконцентрировано на территории Средней Азии. В пределах же Европейской части страны весомой (выше среднероссийской) долей представителей тюркоязычных этносов в населении отличались шесть губерний, включая Уфимскую, Казанскую и Астраханскую (табл. 15).

Таблица 15

Административно-территориальные единицы Европейской части Российской Империи, характеризующиеся наиболее высокой долей в населении представителей тюркоязычных этносов*

Регион	Численность представителей тюркоязычных этносов, тыс. чел.	Всё население, тыс. чел.	Удельный вес представителей тюркоязычных этносов, %
Уфимская губерния	1208	2197	55,0
Казанская губерния	1177	2171	54,2
Астраханская губерния	303	1004	30,1
Симбирская губерния	294	1528	19,2
Самарская губерния	384	2751	14,0
Таврическая губерния	199	1448	13,7

* Составлено по данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г.

Этническая структура Российского государства конца XIX – начала XX вв., отличалась потрясающим разнообразием и, конечно же, не сводилась лишь к славянам и тюркоязычным народам. Так, согласно переписи, родным языком для 7,9 млн подданных Империи выступал польский, для 5 млн – еврейский, 3,5 млн – финно-угорские языки («финские наречия»), 3 млн – «литовско-латышские наречия», 1,8 млн – немецкий язык, для 1,1 млн – многочисленные «наречия кавказских горцев». Тем не менее, на славяноязычные народы приходилось 73,2 % демографического потенциала Российской Империи (в качестве своего вероисповедания 69,3 % прошедших процедуру переписи, при этом, указали Православие).

Удельный же вес в целом «славяно-тюркской компоненты» в этнолингвистической структуре страны, достигая 84,4 %, являлся абсолютно преобладающим (на долю лиц, владеющих великорусским языком как родным, и тех, для кого родными выступали тюркские языки – суммарно приходилось 55,5 % от всего населения страны). Подобный контекст (дополняемый и ранее культивируемыми представлениями о «тюркском факторе» происхождения русских¹), безусловно, благоприятствовал фокусировке внимания на роли тюркских народов и государств в российской (и евразийской) геоистории, проявившейся в трудах классиков «евразийства» в своём предельно завершённом виде (отчасти в качестве ностальгии по уже фактически утраченной к началу 1920-х гг. Российской Империи, отчасти – как предвосхищение её обновлённой геополитической и этнодемографической ипостаси, но, полагаю, куда в большей мере – в качестве значимого аргумента при обосновании, манифесте «евразийскости» России, её глубинного, чётко выраженного отличия от «Европы», от западной цивилизации).

«Тюркский фактор» развития России, впрочем, столь же неверно игнорировать (и интеллектуальное наследие классического евразийства здесь – важный прецедент и значимый ориентир), сколь же нецелесообразно переоценивать, возводить в абсолют, сводить к нему всю яркую, насыщенную процессами и событиями российскую (и шире – евразийскую) историческую и общественно-географическую динамику.

В пределах своей доступной анализу исследователя ретроспективы русская культура испытала три основных инокультурных воздействия² и лишь одно из них напрямую и в полной мере связано с «тюркским фактором».

Первая инновация оказалась вызвана постепенным (начиная с IX в.) вхождением в византийскую культурно-территориальную

¹ *Цымбурский В. Л.* Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.

² *Дружинин А. Г.* Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.

систему в качестве её периферии и явила своим результатом последовательное укоренение инновационного (для всех древнерусских земель) религиозно-культурного (христианского) комплекса, усиление общей поляризованности геопространства русской культуры, формирование связанного с Православием разветвленного геокультурного каркаса¹. Все эти процессы сохраняли свой внешний импульс вплоть до момента гибели Византии в (окончательно захваченной в 1453 г., кстати, турками-османами).

Вторая значимая для нашей страны «волна» системных преобразований (условно назовем ее монголо-татарской, ордынской), как это очень хорошо показано в трудах Н. С. Трубецкого и Г. В. Вернадского, характеризовалась непосредственным взаимодействием русской культурой тюркского генетического «материала», поведенческих стереотипов, традиций и, наконец, самого «месторазвития».

В период, когда русские княжества (включая и Московское) выступали в качестве геополитической провинции Золотой Орды, инновация распространялась «классически» из «центра» на «периферию». Однако уже с XVI века ситуация принципиальным образом видоизменяется: перманентное восприятие русской культурой расширяющейся палитры евразийских «черт» предопределяется уже самим российским государством, настойчиво расширяющим свои рубежи. Крайним в плане воздействия «тюркского фактора» аккордом этого пролонгированного геоисторического процесса стало включение в состав Империи – Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, учреждение российской Карсской области в Малой Азии (просуществовавшей с 1878 по 1917 гг.; более 35 % её жителей на 1897 год составляло, кстати, тюркское, в том числе турецкое население), а также Урянхайского края, окончательно (в качестве Тувинской автономной области) вошедшего в состав уже СССР в 1944 году.

С конца XVII века проявилась и третья «волна» внешнего воздействия, связанная с собственно Европой, с западной цивилизации-

¹ Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.

ей. Основоположники «евразийства» были прекрасно осведомлены о её механизмах и последствиях, видели негатив, стремились выстроить, сформулировать концептуальную альтернативу. Современная Россия (вступая уже в третье десятилетие XXI века), кстати, по многим аспектам своего бытия всё ещё остаётся в «колее» более чем трёхвекового «западоцентрированного» тренда, в сфере многоаспектного влияния глобалистских сил. Растущая экономическая мощь и беспрецедентно чёткая, эффективная организация общества в Китайской народной республике (крайне необходимая в условиях различного рода природных и техногенных потрясений и в полной мере продемонстрированная в 2020 году в период коронавирусной пандемии) - создаёт предпосылки для одновременного вовлечения России в сферу китайского культурно-цивилизационного влияния. Характерная для классического евразийства сфокусированность на роли в развитии «России – Евразии» «тюркского фактора», полагаю, в этой связи, в настоящее время ценна не только (и не столько!) «сама по себе», сколь примечательна, важна методологически - как итог выявления и обоснования вектора развития страны, выступающего альтернативой, антитезой доминантному (предельно выраженному на конкретном хронологическом этапе) внешнему влиянию, образец интеллектуально прочерченного и обоснованного **многовекторного геостратегического подхода**.

Предложенное и чётко изложенное основоположниками «евразийства» понимание роли в истории и культуре нашей страны «тюркского фактора», позволяет, в итоге, не только сформировать более полный и многогранный образ «России – Евразии», но и повысить обоснованность подходов и решений в сфере региональной политики Российской Федерации, а также её внешних коммуникаций. Последнее сейчас, как видится, - предельно важно, тем более, что под влиянием множества обстоятельств всё XX столетие важнейшая в этнодемографической, этнолингвистической структуре евразийского пространства пропорция между его тюркской и русской составляющими -последовательно видоизменяется; сохранит свою актуальность данный тренд и на обозримую перспективу.

4.2. Русско-тюркский этнодемографический баланс в СССР и в постсоветской Евразии: основные тренды

Мироощущение классиков «евразийства» базировалось на глубинном понимании динамики социально-экономических процессов. Фиксировали они в своих публикациях и присущие евразийскому пространству структурные этнодемографические изменения. Наиболее показателен и значим, в этой связи, историко-этнографический трактат Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» (1927 год), где на обширном материале было чётко показано: *«нынешнее соотношение народностей... не есть неизменное для всех периодов русской истории»*¹. В качестве же иллюстрации сопоставлялась современная автору российская ситуация и положение дел в судьбоносном для нашей страны XIII столетии, когда *«число людей турецко-монгольского племени»* превышало 7 млн, а *«людей русского племени»* едва ли превосходило 10 миллионов.

Напомню, что в конце XIX – начале XX столетия (согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, чьи итоги основоположникам «евразийства», вне сомнения, были хорошо известны) численность «русских» (к числу которых относили также лиц, для кого родным был малорусский либо белорусский языки) достигала 83,9 млн человек (православных же в стране насчитывалось более 87 млн и ещё 2,2 млн заявили себя как старообрядцы). Если исходить из зафиксированной переписью численности тюркоязычных народов (14 млн), то демографическая пропорция последних в соотношении с русскими составляла 1 к 6, существенно отличаясь, тем самым, от аналогичного показателя в переломном,

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 11.

рубежном XIII столетии (1 к 1,43). Развиваясь, расширяя свои границы, обретая юрисдикцию над обширнейшими территориями (в том числе и заселёнными преимущественно тюркоязычным населением), Россия, в итоге, вплоть до прошлого столетия – наращивала, укрепляла своё русское этнодемографическое ядро. Однако уже к середине XX столетия русско-тюркский этнодемографический баланс вновь стал ощутимо видоизменяться, обретя, при этом, иной, противоположный вектор. Распад СССР и сохраняющиеся пространственные (и этнические) различия в репродуктивном поведении населения – существенно активизировали, обнажили данный тренд.

Конечно же, и в СССР (этом видоизменённом формате «России – Евразии») славяно-тюркская основа этнодемографической структуры (последовательно трансформируясь в русско-тюркскую) – также устойчиво превалировала, объединяя до 88–90 % всего населения страны. Одновременно, на этом фоне, наблюдался постепенный (но устойчивый рост) в этнолингвистической структуре населения её собственно тюркской составляющей (табл. 16).

Таблица 16

Удельный вес славянских и тюркоязычных народов в этнической структуре Российской Империи, СССР и Российской Федерации, %*

	1897 г.	1926 г.	1959 г.	1989 г.	2002 г. ****	2010 г. ****
Все славянские народы	73,2**	81,0***	77,1	70,3	83,4	82,8
В том числе: русские	44,3**	55,9***	54,6	50,8	80,7	81,0
украинцы	17,8	21,4	16,5	15,4	2,0	1,4
белорусы	4,7	3,2	3,9	3,5	0,6	0,4
Тюркоязычные этносы	11,2**	9,0	11,2	17,4	8,6	9,1

* Составлено автором до данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., Всесоюзным переписям населения 1926, 1959 и 1989 гг., а также Всероссийским переписям населения 2002 и 2010 гг.

** Указавшие соответствующий язык в качестве родного.

*** С учётом лиц (почти 4 млн чел.), указавших себя в качестве «казаков».

**** Данные по Российской Федерации.

Характерно, что если за период с 1926 по 1989 гг. (согласно данным всесоюзных переписей) удельный вес русских сократился на 5,1 процентный пункт, а представителей других славянских народов – на 5,6 пункта (что практически означало в том числе и обретение их частью русской идентичности), то тюркоязычные народы (для многих из них именно Советский Союз, объединяемые им союзные республики и национальные автономии – стали в полном смысле «месторазвитием!»), напротив, нарастили свою долю на 8,4 процентных пункта, а общая численность соответствующих этнических страт советских граждан вплотную приблизилась к 50 млн человек (33,5 % от этой совокупности составляли узбеки, 16,3 % – казахи, 13,5 % – азербайджанцы, 13,3 % – татары). Почти 94 % проживающих в пределах СССР представителей тюркских народов в качестве родного указали язык своей национальности; около 40 % – декларировали свободное владение русским языком.

Если бы СССР и далее (после 1991 г.) сохранился и в нем протекали бы фактически имевшие место на постсоветском пространстве этнодемографические процессы, то в пределах его границ к настоящему времени оказалось бы сконцентрировано около 80 млн представителей тюркских этносов, что эквивалентно 26,4 % от всего населения (табл. 17).

Доля русского населения, в то же время, сократилась с 50,8 до 42,1 % (вероятнее всего – и ниже, поскольку переписи населения в большинстве постсоветских государств были проведены десять лет назад и ранее); в абсолютном измерении это означает, что если в 1989 г. в СССР насчитывалось 142,2 млн русских, то ныне (на его былой территории) – 126,6 млн (на 12 % или 15,6 млн человек меньше).

Ориентация на демографический прогноз ООН (и учёт этнодемографической структуры современных постсоветских государств) позволяет полагать, что к 2050 году на пространстве СССР (т. е., практически, в контуре «России – Евразии», если оперировать базовым геоконцептом классического «евразийства») доля представителей русского этноса в совокупном демографическом потенциале составит лишь 38,5 % (117,7 млн человек), в то время

Таблица 17

**Современный и прогнозируемый русско-туркский этнодемографический баланс
в постсоветских государствах***

	2020 г.			2050 г.		
	Число жителей, тыс. чел.	В общем населении		Число жителей, тыс. чел.	В общем населении	
		«русская составляющая» %** / тыс. чел.	«туркская составляющая» % / тыс. чел.		«русская составляющая» %*, тыс. чел.***	«туркская составляющая» %*, тыс. чел.****
Азербайджан	10139	1,2 / 119	92,0 / 9400	11065	1,1 / 119	92,1 / 10190
Армения	2936	0,4 / 12	0,1 / 3	2816	0,4 / 11	0,1 / 3
Белоруссия	9449	8,3 / 785	0,3 / 28	8634	8,3 / 716	0,3 / 26
Грузия	3989	1,2 / 48	5,8 / 230	3517	1,2 / 42	5,8 / 204
Казахстан	18777	18,7 / 3512	76,0 / 14500	24024	14,6 / 3512	79,1 / 19000
Киргизия	6524	5,3 / 352	93,8 / 5600	9126	3,9 / 352	95,2 / 8688
Латвия	1886	29,5 / 557	0,7 / 14	1479	29,5 / 436	0,7 / 10
Литва	2722	6,4 / 176	0,8 / 21	2121	6,4 / 136	0,8 / 17
Молдова	4034	6,7 / 272	4,6 / 160	3360	6,7 / 225	4,6 / 155
Россия	145934	77,2 / 112600	9,1 / 12800	135824	77,2 / 104856	10,9**** / 14804
Таджикистан	9538	0,4 / 35	15,3 / 1400	16208	0,4 / 64	15,3 / 2480
Туркмения	6031	4,0 / 242	95,0 / 5300	7949	3,0 / 242	96,0 / 7631
Узбекистан	33469	2,4 / 810	85,0 / 29600	42942	1,9 / 810	85,5 / 36715

Окончание табл. 17

	2020 г.			2050 г.		
	Число жителей, тыс. чел.	В общем населении		Число жителей, тыс. чел.	В общем населении	
		«русская составляющая» %** / тыс. чел.	«тюркская составляющая» % / тыс. чел.		«русская составляющая» % тыс. чел.***	«тюркская составляющая» % тыс. чел.****
Украина	43734	16,6 / 7251	0,5 / 197	35219	16,6 / 5846	0,5 / 176
Эстония	1327	24,5 / 326	0,5 / 7	1158	24,5 / 284	0,5 / 6
Всё постсоветское пространство	300489	42,1 / 126597	26,4 / 79260	305442	38,5 / 117651	32,8 / 100105

* Составлено с учётом: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019, Online Edition. POP/DB/WPP/Rev. 2019/POP/F01-1, POP/DB/WPP/Rev. 2019/SA2/POP/F01-1, а также данных статистических служб постсоветских государств.

** Данные последних проведённых переписей населения, либо предоставленных статорганами оценок.

*** Сделано допущение, что удельный вес русских в населении Армении, Литвы, Латвии, Белоруссии, Грузии, Молдовы, России, Украины и Эстонии останется неизменным, а в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане сохранится современная (на 2020 год) численность русских.

**** Рассчитано с учётом, что: в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Туркмении и Узбекистане удельный вес тюркоязычных этносов в населении возрастёт на %, аналогичный % сокращения доли в населении русских; в Армении, Белоруссии, Грузии, Латвии, Литве, Молдове, Таджикистане, Украине и Эстонии доля представителей тюркоязычных этносов в населении не изменится.

***** Доля тюркоязычных этносов в населении России определена экстраполированием тренда, имевшего место в 1989–2010 гг. (рост 1,2 промилле за 20 лет).

как тюркоязычных этносов – достигнет 32,8 % (более 100 млн чел.), а к 2075 г. – 34–35 %, с высокой степенью вероятности стабилизируясь далее на достигнутом уровне.

В итоге, если в 1897 г. в пределах Российской Империи соотношение численности русских (великороссов) и представителей тюркских этносов составляло 4 к 1, а в конце 1980-х (в канун разрушения СССР) – 2,9 к 1, то сейчас (2020 г.) – 1,6 к 1, а к середине XXI данная пропорция составит 1,18 к 1. Если не произойдёт каких-либо радикальных потрясений, есть все основания полагать, что **к последней четверти текущего столетия численность русских в пределах ареала, обозначенного классиками «евразийства» как «Россия – Евразия», окажется примерно равной суммарной численности представителей тюркоязычных этносов.**

Подобного рода **кардинальное изменение удельного веса «тюркской компоненты» в населении «шестой части суши»** – существенно и создаёт реальную предпосылку для трансформации ранее сложившейся, привычной евразийской этнодемографической (равно как и этнокультурной, геоэкономической, геополитической) архитектуры. Тем более, что уже сейчас в пределах всего евразийского материка русский этнический компонент (порядка 130 млн чел.; 97,4 % данной численности сконцентрировано по постсоветском пространству, 85,4 % – непосредственно в пределах Российской Федерации) зримо уступает суммарному демографическому потенциалу тюркских этносов. Если же распространить прогнозируемую динамику роста численности тюркских этносов постсоветского пространства (25 % за 2020–2050 г.) на весь евразийский материк, то вероятностный демографический потенциал «тюркского мира» к середине XXI столетия превысит 260 млн и это уже будет во-многом новая евразийская этнодемографическая, этнокультурная реальность.

В самой Российской Федерации этнодемографическая пропорция, разумеется, существенно иная. Если ориентироваться на данные 2010 г. (дополняя её сведениями проведённой в 2014 г. переписи населения в Крымском федеральном округе), то в стране порядка 112,6 млн русских (77,2 % населения страны, если исходить

из оценки его численности, предоставляемой ООН), ещё 2,9 млн (1,8 %) идентифицируют себя с другими славянскими народами и, при этом, 12,8 млн представителей тюркоязычных этносов (9,1 %). Но и здесь (в самом крупном и «наиболее русском» «осколке» бывшей «России-Евразии») в постсоветский период тюркские народы, продемонстрировав резистентность к депопуляционным процессам 1990–2000-х гг. (это относится в первую очередь к башкирам, кумыкам, бурятам, балкарцам, ногайцам, тувинцам), а также активно формируя свои диаспоры (что характерно, прежде всего, для узбеков и киргизов), – продолжали устойчиво наращивать «присутствие» в населении страны.

Особым образом эта фундаментальная (присущая всей современной Евразии) этнодемографическая «перебалансировка» просматривается для **узловых (фокусных) пространств русско-тюркского диалога** – «титulyных» тюркских регионов Российской Федерации: лишь в двух из них (в Республике Крым и Республике Хакасия) данные переписей зафиксировали рост удельного веса русского населения; лишь в Чувашской республике в постсоветский период доля «титulyного» (тюркского) этноса сократилась (табл. 18).

Охарактеризованные выше этнодемографические изменения протекают на фоне выраженной этнокультурной тенденции: укоренения (у представителей титульных этносов «тюркских» республик России) **тюркско-русского билингвизма**¹. Процесс этот, кстати, проявляется и за пределами Российской Федерации, прежде всего в государствах, где и в советский период в силу ряда причин русская культура (в том числе и русский язык) была в наибольшей мере укоренена, например в Казахстане и Киргизии (табл. 19).

Расширение практического билингвизма (с ориентацией именно на Россию; показательно, что согласно данным последней переписи населения в Казахстане 83,5 % жителей декларировали

¹ Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.

Удельный вес русских, а также представителей «титульного» тюркоязычного этноса в населении «тюркских» регионов России (динамика за 1970–2010 гг.)*

	Удельный вес региона в суммарной численности представителей тюркоязычных этносов в РФ, 2010 г. %	Удельный вес представителей «титульного» этноса, проживающих в регионе, к общей численности данного этноса в РФ 2010 г., %	Удельный вес в населении региона «титульного» тюркоязычного этноса и русского населения по данным переписей населения 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., %**				
			1970	1979	1989	2002	2010
Республика Башкортостан	17,5	74,0	23,4/40,5	24,3/40,2	21,9/39,3	29,8/36,3	29,5/36,1
Республика Татарстан	17,2	37,9	49,1/42,4	47,6/44,0	48,5/43,2	52,9/39,5	53,3/39,7
Чувашская республика	6,8	56,7	70,0/24,4	68,3/26,0	67,8/26,7	67,7/26,6	65,0/25,8
Республика Дагестан (кумыки)	4,8	86	11,8/14,6	13,3/11,6	14,0/9,2	14,2/4,7	14,9/3,5
Республика Саха (Якутия)	3,9	97,5	43,1/47,3	36,9/50,4	33,4/50,3	45,5/41,2	49,8/37,9
Республика Бурятия	2,4	62,0	22,0/73,4	23,0/72,0	24,1/69,9	27,7/67,8	30,1/66,1
Республика Крым	2,3	98,0	0,1/67,3	0,2/68,4	1,6/67,0	12,0/58,3	12,2/62,8***

Окончание табл. 18

	Удельный вес региона в суммарной численности представителей всех тюркоязычных этносов в РФ, 2010 г. %	Удельный вес представителей «титুলного» этноса, проживающих в регионе, к общей численности данного этноса в РФ 2010 г. %	Удельный вес в населении региона «титুলного» тюркоязычного этноса и русского населения по данным переписей населения 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., %**				
			1970	1979	1989	2002	2010
Республика Тыва	2,0	95,1	58,4/38,3	60,7/36,3	64,1/31,7	76,8/19,9	81,9/16,1
Карачаево-Черкесская Республика	1,7	89,0	28,2/47,1	30,0/45,0	31,1/42,3	38,5/33,7	40,9/31,6
Кабардино-Балкарская Республика	0,9	97,3	8,7/37,1	9,0/35,1	9,4/31,9	11,7/25,2	12,7/22,5
Республика Алтай	0,66	93,2	28,0/65,5	29,0/63,3	31,1/60,5	30,7/57,6	34,0/56,7
Республика Хакасия	0,6	87,7	12,3/78,3	11,4/79,3	11,1/79,4	11,9/80,2	12,2/81,7

* Составлено автором по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения.

** «Титулный» тюркоязычный этнос / русские.

*** Согласно Переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г.

**Удельный вес представителей титульных этносов
Казахстана и Киргизии, владеющих русским языком, %***

	1989 г.			2009 г.		
	Считают родным язык своей национальности	Считают родным русский язык	Свободно владеют русским языком	Считают родным язык своей национальности	Считают родным русский язык	Свободно владеют русским языком
Казахстан (казахи)	98,6	1,4	62,8	98,9	1,1	92,0
Киргизия (киргизы)	99,5	7,9	36,9	99,8	0,1	45,2

* Составлено по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., а также Национальных переписей населения в Казахстане и Киргизии (2009 г.).

способность свободно читать по-русски, в то время как на английском языке – лишь 11,9 %) контрастирует с в полной мере присутствующим постсоветскому периоду (но проявившимся и ранее, уже с 1970–1980-х гг.¹) миграционным оттоком русского населения из постсоветских тюркских государств: только за 1990–1997 гг. в Россию мигрировало 44 % (от численности 1990 г.) русских из Азербайджана (173 тыс.), 14 % из Казахстана (875 тыс.), 23 % из Киргизии (23 тыс.), 23 % из Туркмении (76 тыс.), 23 % из Узбекистана (384 тыс.)². На этом фоне в самой Российской Федерации в последние два десятилетия стабильно прирастает численность

¹ *Суций С. Я., Дружинин А. Г.* Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.; *Стрелецкий В. Н.* Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственные структуры и сдвиги в конце XX – начале XXI веков // География мирового развития: Сборник научных трудов. Сер. «География мирового развития» / под ред. Л. М. Синцера. М., 2010. С. 442–459; *Манаков А. Г., Хохрин А. Г.* Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2. С. 55–70.

² *Кабузан В.* Русские в мире. СПб., 1996. 352 с.

представителей этнических диаспор из бывших союзных республик, в первую очередь – из Средней (Центральной) Азии, причём характерно, что за последний межпереписной период (т. е. за 2002–2010 гг.) почти 48 % прироста численности представителей пяти ведущих центрально-азиатских этносов пришлось непосредственно на лиц узбекской национальности.

Как свидетельствует проведённый анализ¹, узбекская диаспора, с одной стороны, локализована во всех без исключения регионах России, а с другой – характеризуется приоритетной концентрацией в пределах весьма ограниченного числа субъектов Федерации (табл. 20).

Уже к началу 2000-х годов (что чётко отразила перепись 2002 года) наиболее крупные контингенты представителей узбекского этноса имели место:

- в столичных и других наиболее развитых в социально-экономическом отношении территориях: Москве (почти 20 % всей узбекской диаспоры в России), Самарской области (4,4 %), Ханты-Мансийском АО (4,2 %), Татарстане (3,9 %), Свердловской области (3,1 %), Санкт-Петербурге (2,4 %);
- в ряде порубежных с Центральной Азией российских регионов (Республика Башкортостан, Оренбургская, Челябинская, Кемеровская, Новосибирская области, Алтайский край), а также на некоторых территориях Юга России (Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский край).

Повышенным удельным весом в этнической структуре населения лиц узбекской национальности отличались, при этом, такие субъекты РФ как Ханты-Мансийский АО (3,62 промилле), Москва (2,33 промилле), Ямало-Ненецкий АО (1,93), Самарская область (1,68), республики Башкортостан (1,28) и Татарстан (1,26). Относительно более высоким (по сравнению с подавляющей ча-

¹ Дружинин А. Г. «Миграционная детерминанта» и пространственные особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в современной России // Псковский регионологический журнал // 2020. № 2. С. 42–54.

Таблица 20

**Первые 20 российских регионов по численности узбекской диаспоры
(по данным переписей населения 2002 и 2010 г.)***

	Число лиц узбекской национальности, чел.		Изменение численности лиц узбекской национальности за 2002–2010 гг.	Рост численности узбекской диаспоры за 2002–2010 гг., раз	Доля лиц узбекской национальности в населении, промилле		Изменение доли лиц узбекской национальности в населении за 2002–2010 гг.
	2002 г.	2010 г.			2002 г.	2010 г.	
Россия	123000	289862	166862	2,36	0,85	2,03	1,18
г. Москва	24213	35595	11382	1,47	2,33	3,09	0,76
Московская область	4183	25773	21590	6,16	0,63	3,63	3,00
г. Санкт-Петербург	2987	20345	17358	6,81	0,64	4,17	3,53
Новосибирская область	2047	12655	10608	6,18	0,76	4,76	4,00
Самарская область	5438	11272	5834	2,07	1,68	3,51	1,83
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	5182	9970	4788	1,92	3,62	6,51	2,89
Свердловская область	3836	9358	5522	2,44	0,86	2,18	1,32
Приморский край	1634	8992	7358	5,50	0,79	4,60	3,81
Республика Татарстан	4852	8881	4029	1,83	1,28	2,34	1,06
Республика Башкортостан	5175	7945	2770	1,54	1,26	1,95	0,71

Окончание табл. 20

	Число лиц узбекской национальности, чел.		Изменение численности лиц узбекской национальности за 2002–2010 гг.	Рост численности узбекской диаспоры за 2002–2010 гг., раз	Доля лиц узбекской национальности в населении, промилле		Изменение доли лиц узбекской национальности в населении за 2002–2010 гг.
	2002 г.	2010 г.			2002 г.	2010 г.	
Волгоградская область	3012	6947	3935	2,30	1,16	2,66	1,50
Ленинградская область	1001	6717	5716	6,71	0,60	3,91	3,30
Челябинская область	3057	6446	3389	2,11	0,84	1,85	1,01
Красноярский край	2778	6434	3656	2,32	0,94	2,28	1,34
Оренбургская область	3275	4964	1689	1,52	1,50	2,44	0,94
Иркутская область	1904	4367	2463	2,29	0,74	1,79	1,05
Кемеровская область	3017	4255	1238	1,41	1,04	1,54	0,50
Пермский край	1988	4215	2227	2,12	0,71	1,60	0,89
Томская область	1626	3924	2298	2,41	1,55	1,98	0,43
Нижегородская область	1103	3504	2401	3,18	0,31	1,06	0,75

* Составлено автором по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

стью регионов Европейской части страны) «фоном» присутствия представителей узбекской диаспоры характеризовались также территории Сибири и Дальнего Востока. В целом же, в 2002 году на первую десятку регионов с численно наиболее весомой «узбекской составляющей» в населении – пришлось почти 48 % всего зафиксированного переписью постоянно проживающих в России узбеков.

Согласно переписи 2010 года степень территориальной концентрации узбекской диаспоры в России – усилилась (почти 52 % её общей численности пришлось на первую десятку регионов страны), что, кстати, полностью соответствовало общим тенденциям реструктурирования российского пространства. Наиболее существенный (почти семикратный) прирост численности представителей узбекского этноса имел при этом место в Московской области (обеспечившей 13 % всего прироста численности узбекского этноса в РФ за 2002–2010 гг.), а также в Санкт-Петербурге (10,5 % от всего прироста по стране) и в Новосибирской области (шестикратный рост диаспоры и 6,4 % всего показателя её прироста по России за межпереписной период). Опережающими темпами прирастала численность представителей узбекской диаспоры также в Приморском крае, Ленинградской области. Уместно обратить внимание и на интенсивный численный рост диаспоры в некоторых сопредельных с Москвой и Московской областью регионах: Калужской, Владимирской, Тверской, Рязанской и Тульской областях. Практически повсеместный (за исключением Чеченской Республики и Еврейской АО) рост диаспоры, в итоге, продемонстрировал свою выраженную пространственную неравномерность, «центроориентированность», превалирование экономических мотивов миграции.

Численное наращивание диаспоры сопровождалось и соответствующим ростом «узбекской составляющей» в этнической структуре регионов России. Так, если в среднем по стране удельный вес представителей узбекского этноса за 2002–2010 г. увеличился с 0,85 до 2,03 промилле, то в Санкт-Петербурге к 2010 г. он достиг 4,17 промилле, в Москве – 3,63, в Новосибирской области – 4,76,

Приморском крае – 4,60, а в Хаты-Мансийском АО – 6,51 промилле. В целом аналогичный процесс оказался характерен и для других активно вовлечённых в трансграничные миграции этносов Центральной Азии, в том числе киргизов.

Ориентируясь на наметившийся этнодемографический тренд, а также учитывая, что в 2011–2019 гг. среднегодовая интенсивность миграционного прироста в России оказалась даже несколько выше, чем в охарактеризованный ранее межпереписной период 2002–2010 гг. (19,1 и 14,1 человека на 10000 жителей соответственно), уместно полагать, что очередная всероссийская перепись населения неизбежно зафиксирует дальнейший рост как численности центрально-азиатских диаспор, так и их удельного веса в населении регионов России.

Высока вероятность, в частности, что в г. Москва доля представителей узбекского этноса достигнет не менее 4 промилле, а в Московской области – 7–8 промилле. Весьма возможно, что предстоящая перепись «покажет» и аналогичный уровень (7–7,5 промилле) «узбекской составляющей» в населении Ленинградской области, а также Санкт-Петербурга. В Новосибирской области и Приморском крае этот показатель может оказаться ещё выше (8–9 промилле), а в Ханты-Мансийском АО – даже несколько выйти за пределы 1 % от всего демографического потенциала региона. На этом фоне общий «рисунок» пространственной локализации диаспоры в целом сохранится, и далее «сгущаясь» вокруг двух ведущих столичных агломераций, несколько перераспределяясь в пользу крупных, экономически благополучных региональных центров¹, а также (в логике «разворота на восток») некоторых территорий Тихоокеанской России и Сибири. Учёт динамики киргизской и таджикской диаспор (также прирастающих в регионах России благодаря «фактору

¹ Прямые рейсы из Узбекистана в «докарантинный период» принимали авиагавани не только Москвы, но и Владивостока, Воронежа, Екатеринбурга, Иркутска, Казани, Краснодара, Красноярска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Сочи, Уфы и Челябинска.

миграции») даёт основание удвоить указанные ранее прогнозно-оценочные величины.

Превалирующая в «России – Евразии» (ныне – постсоветском пространстве) **русско-тюркская биэтничность** предстаёт, в этой связи, не только явлением чрезвычайной долговременности («перекрывающим» периоды исторического бытия конкретных этносов и государств), но и демонстрирует определённую изменчивость (с элементами цикличности). И современное нам **XXI столетие** (с учётом не только этнодемографического тренда, но и фактического «расширения» евразийского пространства, становления контура «Большой Евразии») – во-многом **являет очередной «тюркский» вектор евразийской динамики**. Столетие назад основоположники «евразийства» вряд-ли могли уверенно спрогнозировать и озвучить подобную перспективу; осмысливая историю и актуальные геополитические процессы они, скорее, почувствовали её, предвосхитили.

Русско-тюркскому взаимодействию в постсоветской Евразии присущ и ещё один воистину «тектонический сдвиг»: **стреми-тельное изменение удельного веса российской (советской) юрисдикции в локализации представителей тюркоязычных народов**: если в 1989 г. примерно каждый второй проживающий на планете представитель тюркоязычных этносов был гражданином СССР, то для Российской Федерации соответствующий показатель не превышает 8 %. **Сохраняя и отчасти постепенно наращивая свою «тюркскую» ипостась, современная Россия, тем не менее, объективным образом оказывается преимущественно периферийной по отношению к в целом так называемому «Тюркскому миру»** (к примеру на территории Турецкой республики сконцентрировано не менее 35 % всего тюркоязычного населения Земли). Подобное периферийное позиционирование подкрепляется и аналогичным положением России в мировой Умме¹ (почти 3/4 от общего числа российских мусульман приходится на

¹ Малащенко А. Российская мусульманская община в мировой Умме // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Том 64. № 3. С. 98–104.

тюркские народы¹). Всё это, в свою очередь, повышает потенциальную восприимчивость российских тюркоязычных сообществ к внешним воздействиям, одновременно ограничивая потенциал влияния Российской Федерации на общевразийские процессы (в качестве в том числе и «тюркской державы»), требуя от нашей страны активности, деликатности, сфокусированных и осмысленных, ориентированных на перспективу усилий в сфере как региональной (национальной), так и внешней политики.

¹ *Стрелецкий В. Н.* Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственный структуры и сдвиги в конце XX – начале XXI веков // География мирового развития. Сер. «География мирового развития» / под ред. Л. М. Синцера. М., 2010. С. 442–459.

4.3. Евразийские форматы и приоритеты русско-тюркского взаимодействия в XXI веке: общественно-географическая составляющая

Для «России – Евразии» (равно как и многих примыкающих к контуру «бывшего СССР» государств) – русско-тюркский диалог (в самом широком спектре: от межгосударственных, межрегиональных отношений – до повседневных человеческих контактов, потребительских предпочтений, бытующих в массовом сознании представлений, образов и др.), его тональность, форматы – один из ключевых, структуроформирующих факторов.

В этнолингвистической палитре современного постсоветского пространства и русский (42,1 % всей численности населения), и тюркоязычный компонент (26,4 %) – выступают наиболее крупными, преобладающими (суммарно – 68,5 %). Аналогична ситуация и ареале, который мы обозначаем как «Собственно Евразия»¹: из почти 430 млн её населения 29,5 % – русские и ещё 35 % являются представителями различных тюркоязычных народов, включая и собственно турецкий (на него здесь приходится 14,5 % всего суммарного демографического потенциала). Данная пропорция (и обусловленные ею эффекты) – явление, безусловно, локальное, существенное исключительно для «срединного материка» (как его именовали основоположники «евразийства»), а также непосредственно сопряжённых (в географическом, в этнокультурном, в хозяйственном отношении) с ним территорий. Ведь в масштабе

¹ Включающую Абхазию, Азербайджан, Албанию, Армению, Белоруссию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Грецию, Грузию, Казахстан, Кипр, Киргизию, Молдову, Монголию, Россию, Румынию, Северную Македонию, Сербию, Таджикистан, Туркмению, Турцию, Черногорию, Узбекистан, Украину (без её западных регионов) и Южную Осетию.

всей Евразии (собственно материкового массива с прилегающими островами) в суммарной численности населения доля русского и тюркоязычных народов – достаточно невелика (лишь 2,4 и 4,1 %), составляя, в итоге, лишь небольшой фрагмент общей сверхсложной этнодемографической и этнокультурной мозаики.

С начала 1990-х гг. русско-тюркское взаимодействие последовательно расширяет свой географический контур и одновременно обретает превалирующий межгосударственный, геополитический формат. Последнее связано не только с появлением новых независимых государств (в том числе пяти – с преобладающей тюркской этнолингвистической составляющей), но и со стремительным ростом в Евразии нового «центра силы» – Турецкой республики, с наращиванием ею внешнеполитической, хозяйственной и гуманитарной активности в рамках интенсивно продвигаемого, культивируемого концепта **«Турецкого мира»** (Türk Dünyası). Именно «турецкого», а не тюркского, поскольку в турецком языке (в отличие от русского) данные понятия содержательно не «разведены» и, следовательно, любые иные (помимо собственно турок) тюркоязычные народы также именуется «турками»¹ (с одновременным обозначением присущей им локализации): казахские турки, киргизские турки и т. д. В доминирующем в современной Турции миропонимании все «турки», соответственно, подразделяются на «внутренних» (проживающих непосредственно на территории Турецкой республики) и «внешних», чьи ареалы компактного расселения находятся под юрисдикцией иных, в том числе сопредельных государств, включая и бывшие советские республики. Воплощённый в слове «türk / турецкий» смысловой акцент уже сам по себе как бы задаёт чёткие коммуникационные, политические приоритеты (озвучиваемые в том числе и основоположником современного Турецкого государства Мустафой Кемалем ещё в 1930-х годах²);

¹ Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Йылмаз С., Кромбах С. Российский вектор в современной евразийской геополитике Турции // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3. С. 5–12.

² Anıl Çeçen. Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126.

в последние три десятилетия они – вполне очевидны; их невозможно недооценивать и, тем более, игнорировать.

Идеологема «Тюркского мира» сформировалась на рубеже XIX–XX вв в рамках пантюркизма¹. Появившись, в определённом смысле, как адаптированная реплика панславизма (также фокусирующего внимание на необходимости, предопределённости, органичности объединения стран и народов по лингвистическому признаку) и временами оказываясь «в тени» иной, более широкой (также культивируемой в тюркоязычной среде) идеи «Исламского мира», – она оказалась не только практически «ровесницей» классическому евразийству, но и его инвариантным дополнением, альтернативным подобием, по отдельным аспектам – конкурирующим антиподом.

Распад СССР способствовал «интернационализации» турецкого национализма, трансформировавшегося в широко провозглашаемую идею объединения Тюркского мира², то есть, в международную, фактически – паневразийскую доктрину (прав был Н. С. Трубецкой, подчёркивая, что *«всякий национализм есть как бы синтез элементов шовинизма и космополитизма»*³), приоткрыв для его апологетов «окно возможностей».

Уже к середине 90-х гг. XX в. Турция подписала около 200 соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству с государствами Средней Азии и Закавказья⁴ и, одновременно, приступила к формированию инфраструктуры своего геокультурного и геополитического влияния, включая создание «Ассоциации тюркской культуры и искусства» (ТЮРКСОЙ), «Агентства по междуна-

¹ Landau J. M. (1988) The fortunes and misfortunes of Pan-Turkism. Central Asian Survey, 7 (1): 1–5; Мухамметдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань: Заман, 1996.

² Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., 2012.

³ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920. С. 1.

⁴ Пылев А. И. Взаимоотношения Турции и «тюркского мира» СНГ: эволюция, итоги, уроки // Вестник Пермского университета. 2009. № 4 (8). С. 78–83.

родному сотрудничеству и развитию» (ТИКА) при Министерстве иностранных дел и целого ряда иных организаций аналогичной направленности. Процесс этот обрёл новый импульс после прихода к власти в конце 2002 г. Партии справедливости и развития¹, возглавляемой Реджепом Тайипом Эрдоганом. Идея «Турецкого мира» (ранее культивируемая преимущественно в трудах этнологов и культурологов²) стала, в итоге, инструментом и символом реальной, спроецированной на евразийское пространство геополитики.

С 1990-х укореняется и идея «Русского мира»³, стремительно эволюционирующая от первоначально преобладающего внимания к этническим и лингвистическим характеристикам – к неизбежно вышедшим далее на первый план вопросам идентичности, духовных «скрепов», геополитики (замечу, что словосочетанием «*Rax Rossica*» оперировал ещё П. Н. Савицкий⁴, вкладывая в него преимущественно именно политико-географическое звучание), равно как и от «стартового» акцента на развиваемые в логике «вестернизации» связи с русской эмиграцией, советской (русскоязычной) диаспорой в Дальнем Зарубежье⁵ – к фокусу (сполна про-

¹ Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., 2012; Парубочая Е. Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе // Грамота. 2016. № 6 (68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 147–151.

² Ergun, M., (2003) Folklore scholarship in Turkish World – I / [Türk Dünyası folklor ve halk edebiyatına hizmet edenler – I] Milli Folklor 8(58), с. 39–46; Dönmez Fedakar, P. (2006) «I. Uluslararası Türk dünyası kültür kurultayı» Ardından. Milli Folklor, 9(70), с. 138–142.

³ Нарочницкая Н. А. Русский мир. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 320 с.; Назаров В. И. Русский мир как особая социально-экономическая система // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. С. 90–93.

⁴ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.

⁵ Выступление В. В. Путина на Конгрессе соотечественников 11 октября 2001 г. // «Дипломатический вестник». 2001. Ноябрь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/ (дата обращения: 30.10.2020).

явившемуся в период «Крымской весны») на собственно российские территории, рубежи, сопредельные с ними регионы.

Подобная метаморфоза (наиболее чётко выраженная в публикациях «Изборского клуба», когда «Русский мир» рассматривается не только как «языковая и культурная общность», как «поле тяготения Русской цивилизации»¹, но и как «некий эвфемизм, некая мифологема, которая является орудием возвращения России к своим историческим границам, тем границам, в которых она существовала в советское время»²), приближая идею «Русского мира» к классическим евразийским представлениям о «России – Евразии» в объектно-пространственном отношении, одновременно, полагая, вступает в определённое (весьма принципиальное) противоречие с развиваемыми столетие назад основоположниками «евразийства» идеями, в своих сущностных, содержательных аспектах, связанных, прежде всего, со славяно-туранскими, русско-тюркскими факторами и характеристиками формирования и развития Евро-Азиатского «междумирья».

Современный нам пространственно-временной контекст, характеризующийся актуализацией и активизацией «тюркской составляющей» в этнодемографических, социально-экономических и геополитических процессах – подтверждает изначальную правомерность, правоту, прозорливость позиции Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и их соавторов, сподвижников. Его учёт исключает возможность адекватного отображения и понимания интеграционно-дезинтеграционной динамики как непосредственно в Российской Федерации, так и (тем более) на постсоветском пространстве в формате и логике лишь исключительно одного «Русского мира». Россия (как справедливо акцентируется в соответствующих аналитических работах³) всегда была (в том числе и благодаря особенно-

¹ *Аверьянов В.* Русский мир. Молитвы и стратегии // Изборский клуб. Русские стратегии. 2016. № 3 (39). С. 6.

² *Степанов А.* Что такое Русский мир // Изборский клуб. Русские стратегии. 2016. № 3 (39). С. 19.

³ *Стрелецкий В. Н.* Сдвиги в этническом расселении России в конце XX – начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72.

стям своей пространственной организации) страной полиэтничной и мультикультурной. Не является однозначно мононациональным образованием (несмотря на абсолютно преобладающую в этнической структуре населения долю русских) и современная Российская Федерация: согласно переписи 2010 года в 13 регионах (национальных республиках) удельный вес «русской составляющей» в населении не превышает 50 %, в том числе в 11 из них (включая Татарстан, Чувашию, Якутию и др.) численность русских уступает численности представителей «титულიной» национальности (или национальностей). Суммарно на такие территории приходится почти 3,7 млн км² всей российской территории (21,5 %).

Ныне, уже, фактически, **в третьем десятилетии XXI столетия, продолжая во-многом базироваться на «русскости», евразийская реальность сполна ею не исчерпывается**; она – существенно сложнее, более фрагментирована географически, насыщена разными (в том числе и не всегда в полной мере совпадающими по своим векторам) импульсами, смыслами и концептуализированными образами, включая, в том числе, и идеологему «Тюркского (Турецкого) мира».

Основополагающими общественно-географическим характеристикам «Тюркский мир», конечно же, во-многом отличается от феномена «Русского мира». Последний (в его современном формате) – преимущественно моноэтничен, моноцентричен и в своей подавляющей части сосредоточен в пределах одного государства – Российской Федерации, в то время как «Тюркский», по факту, – полиэтничен, рассредоточен по многим юрисдикциям, а статус, эффект его формирующегося центра (Стамбульской агломерации) – не бесспорен, не столь выражен (как для Москвы в случае «Русского мира»).

Весьма слабой в целом является и взаимозависимость составляющих «Тюркского мира» в экономической, в том числе внешнеторговой сфере (табл. 21). По итогам 2019 года удельный вес пятёрки постсоветских тюркских государств в импорте Турции составляет лишь 3,3 %, а экспорте – 2,7 % (для сопоставления: доля России в турецком экспорте – 5 %, импорте – 10,5 %).

Таблица 21

**Удельный вес России и Турции во внешней торговле
постсоветских тюркских государств***

	Экспорт объём, млн долл. / доля в экспорте страны %		Импорт объём, млн долл. / доля в импорте страны %	
	В Россию	В Турцию	Из России	Из Турции
Азербайджан	724 / 4	2862 / 15	2287 / 17	1647 / 12
Казахстан	5602 / 10	2307 / 4	14065 / 37	817 / 2
Киргизия	271 / 14	90 / 5	1362 / 28	222 / 5
Туркменистан	151 / 1	197 / 2	543 / 18	688 / 23
Узбекистан	2067 / 14	1149 / 8	3974 / 18	1297 / 6

* Составлено по данным Всемирной торговой организации <https://www.trademap.org>.

В логике выстраивания «Тюркского мира», тем не менее, укрепляется внешнеполитическая координация (с 2009 г. и в формате созданного и действующего «Тюркского совета»), развивается военно-техническое сотрудничество (в полной мере продемонстрировавшее свои возможности в период активизации армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе осенью 2020 года). Конечно же, лингвистическая близость – удалённость, это лишь один из способов, оснований структурирования общественно-географической реальности и его не следует абсолютизировать. Вне всякого сомнения (и это подтверждает пролонгированный исторический опыт, в том числе Российской Империи, СССР, равно как и Российской Федерации¹) – культурно-языковая общность народов редко напрямую конвертируется в крепкий политический союз. Вряд ли окажутся успешными и интеграционные евразийские усилия Турции (встречающие всё более жёсткое противодействие не только глобальных держав, но и неприятие элит самих постсоветских

¹ Михайлов В. В. Идеология пантюркизма и мусульманство накануне распада Османской империи // Религия в мировой истории и культуре. Санкт-Петербург, 2004. С. 94–98.

тюркских государств, продолжающих конструировать собственные, сложившиеся ещё в СССР «титульные» нации, стремящихся к хотя бы к подобию геополитической субъектности и многовекторности), а присущая этой стране интерпретация «Тюркского мира» (как мира «турецкого», способного выступать единым, организуемым Турецкой республикой актором на мировой арене¹) будет, полагаю, продолжать оставаться лишь одной из многих хотя и заметных в истории, но так сполна и не реализованных «заданностей».

Этнолингвистический фактор в современной евразийской геополитике, тем не менее, не стоит и умалять, «списывать со счетов». Что же касается собственно «тюркского фактора», то и по демографическим, и по экономическим причинам его роль в современной Евразии растёт, процесс этот – устойчив, поэтому потенциал взаимодействия, сопряжённости в формате «Тюркского мира» (пока частью российского экспертного сообщества преимущественно недооцениваемый²) в долгосрочном плане, стратегически, вне сомнения, – сохраняется. Актуализируется, соответствующим образом, и проблематика русско-тюркского взаимодействия в Евразии; в её рамках возрастает потребность в адаптивных, опирающихся на учёт общественно-географических реалий подходов.

Для России в обозримой перспективе русско-тюркская сопряжённость (как альтернатива изоляционистским сценариям, либо тем более пагубной для всего евразийского пространства конфронтации «Русского» и «Тюркского» миров) должна, как видится, выстраиваться с учётом специфики четырёх концентрических кругов (сфер).

Первый – **собственно территория Российской Федерации**, где реализация представителями тюркоязычных этносов (наряду с другими этническими образованиями в составе многонаци-

¹ *Парубочая Е. Ф.* Интеграция тюркского мира на современном этапе // Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 147–151.

² *Пылев А. И.* Взаимоотношения Турции и «тюркского мира» СНГ: эволюция, итоги, уроки // Вестник Пермского университета. 2009. № 4 (8). С. 78–83 (с. 80); *Садулаев Г.* Чем опасен миф о тюркском мире // Взгляд. Деловая газета. <https://vz.ru/opinions/2020/10/14/1064917.html> (Дата доступа – 15.10.2020)

онального народа нашей страны) своих конституционных прав (включая право на пользование родным языком, а также наличие в структуре Федерации её «национальных» субъектов¹) должна непременно сочетаться с их активным соучастием в освоении, поддержке и развитии «Русского мира». Последний целесообразно органично дополнять «тюркской составляющей», в свою очередь акцентируя её специфику как «Российского тюркского мира», понимаемого во всём его фактическом многообразии.

В своей ретроспективе «**Российский тюркский мир**» зиждется на многовековом позитивном (эксклюзивном в масштабе Евразии²) опыте развития тюркских народов в составе Российского государства (и создания этого государства – как это столетие назад подчёркивали классики «евразийства» и как ныне подмечают некоторые историки, в первую очередь в Республике Татарстан³). Географически – базируется на имплантированных в пространство Российской Федерации её полиэтнических макрорегионах (идентифицированных В. Н. Стрелецким⁴ как «Урало-Поволжская мультикультурная область», «Южносибирский тюрко-монгольский пояс» и «Тюрко-монгольский пояс Восточного Предкавказья»), их крупнейших городах (Казань, Уфа, Улан-Удэ, Якутск и др.), равно как практически повсеместном по России присутствии в населении тюркской этнической составляющей. Последнее, кстати, в наибольшей мере характерно для татарского этноса, формирующего в структуре «Российского тюркского мира» крупнейший,

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [Электронное издание] <http://kremlin.ru/acts/constitution> (Дата доступа – 31.10.2020)

² Мурзагалева Р. Г. Россия и тюркский мир в условиях интеграционных процессов в Евразии // Вестник ВЭГУ. 2013. № 5 (67). С. 50–58 (с. 53–54); Хурдамиева С. Х., Юсуфов М. Г. Евразийский диалог и русская литература. Махачкала, 2011.

³ Хакимов Р. С. Как возникла Великая Татария и чем она стала. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2018. 197 с.

⁴ Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении России в конце XX – начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72.

«стержневой» компонент (воспринимаемый частью интеллектуальной элиты Татарстана¹ как особый «татарский мир»).

Для России, при этом, очень ценны, важны в целом органично присущие «Российскому тюркскому миру» процессы и проявления русско-тюркской культурной конвергенции, включая, в том числе исторически сложившуюся приверженность ряда тюркских этносов (и субэтносов) Православию (чуваши, якуты, татары-кряшены и др.). Характерно и пока крайне незначительное влияние на автохтонные тюркские народы Российской Федерации идей пантюркизма. Показательны в этом отношении итоги недавнего социологического исследования, проведённого в Татарстане, когда отвечая на вопрос «Какие культуры из нижеперечисленных вам наиболее близки?» – только 1,2 % татар выбрали вариант «тюркская культура», в то время как варианты ответа «российская» и «русская» были выбраны 38 и 16,5 % соответственно)².

Второй евразийский круг русско-тюркской сопряжённости – **тюркские постсоветские государства**, где в отношениях с «Русским миром» сильны эффекты «исторической колеи» и, одновременно, действуют факторы географического соседства. В этом, вне сомнения, сердцевинном для Евразии, достаточно обширном и заселённом ареале (суммарно – почти 4 млн км² территории и 55 млн населения) акцент на геоисторическую общность локализованных здесь тюркских народов с Россией (в том числе и совместный Подвиг, Победу в Великой Отечественной войне, поскольку на её фронтах в рядах Красной Армии пали не только 5,8 млн русских, 1,4 млн украинцев, 253 тыс. белорусов и 188 тыс. татар, но и 125 тыс. казахов, 118 тыс. узбеков, 58 тыс. азербайджанцев³) – необходимо до-

¹ Карбаинов Н. И. Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21(2). С. 45–74.

² Карбаинов Н. И. Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21(2). С. 45–74.

³ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 299 с.

полнять взаимовыгодными интеграционными процессами в экономике (в том числе развитием, расширением Евразийского экономического союза), а также укреплением структур военно-политической безопасности в регионах Кавказа, Каспия и Центральной Азии. Особое значение, в этой связи, обретает чёткая декларация нерушимости постсоветских границ, взаимная поддержка (и соблюдение интересов) диаспор, укрепление позиций русского языка как базовой культурно-лингвистической платформы русско-тюркской интеграции. Столь же важна и репрезентация евразийского сообщества тюркоязычных народов именно как мира «Тюркского» (но не «Турецкого»), т. е. культивирование его полицентричности.

Третий «круг сопряжённости» – это **взаимодействия Российской Федерации с Турецкой республикой** (по определению видного современного турецкого общественного деятеля и геополитика А. Давутоглу – «большой страной посреди обширной территории Афро-Евразии»¹), поступательно развивавшиеся весь постсоветский период до рубежа 2014–2015 гг.², но в дальнейшем демонстрирующие непредсказуемый, турбулентный характер³. Будучи изначально «евразийскими», эти две державы (всё чаще занимая несовпадающие, порой контрастные позиции⁴, и высту-

¹ *Davutoglu, A. (2008). Turkey's new foreign policy vision: an assessment of 2007. Insight Turkey, 10(1), p. 78.*

² *Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.*

³ *Küçük, S., (2018) "100. Yılında sovyet ihtilali ve türk dünyası" konulu 6. türkiyat araştırmaları sempozyumunun ardından Bilig 84, c. 337–340; Öniş, Z., Yılmaz, Ş. (2016) Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region Third World Quarterly, 37(1), c. 71–95; Küçük, S. (2018) "100. Yılında sovyet ihtilali ve türk dünyası" konulu 6. türkiyat araştırmaları sempozyumunun ardından Bilig 84, c. 337–340; Öniş, Z., Yılmaz, Ş. (2016) Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region Third World Quarterly 37(1), c. 71–95.*

⁴ *Колесников А. А. Турция на Каспии: модели влияния на развитие ситуации в регионе // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 10. С. 160–162.*

пая, одновременно, и как компаньоны, и как конкуренты, а в некоторых случаях – и как прямые противники¹⁾ – объективно вынуждены всё больше «разворачиваться друг к другу»; их растущая сопряжённость (превращаясь в один из определяющих аспектов формирования новой политической архитектуры в Евразии²⁾) сочетается, при этом, с множасьими проявлениями прямого столкновения интересов (на Балканах, Южном Кавказе) и, даже, конфронтации (Сирия, Ливия и др.).

Полагаю, что последующий российско-турецкий диалог в Евразии будет складываться в контексте: 1) активизации геополитической риторики на фоне сложной социально-экономической ситуации (в России, Турции, других сопредельных евразийских государствах), усугубляемой не только коронавирусной пандемией, но и трансформацией глобальной хозяйственной системы, структурными изменениями в производственной сфере, в потреблении, а также на рынках труда; 2) превалирования как у России, так и у Турции собственных (часто заведомо не совпадающих) долгосрочных стратегических целей, а также стремления к возможно большей степени геополитического манёвра и самостоятельности (включая выстраивание многовекторных межгосударственных отношений); 3) дальнейшего расширения конфликтного пространства в «пересечении» сфер интересов России и Турции; 4) наличия множественных сил (в том числе и мощных, ныне доминирующих в Евразии), абсолютно не заинтересованных в пролонгации и наращивании различных аспектов российско-турецкого сотрудничества; 5) сохраняющейся реальной угрозы «выдавливания» как Турции, так и России на второстепенные, невыигрышные позиции в евразийской геоэкономике и геополитике. Всё

¹ Кортунюв А. Реджеп Эрдоган на русском минном поле. Российский совет по международным делам. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/redzher-erdogan-na-russkom-minnom-pole/> (Дата доступа – 3.10.2020)

² Лукьянов Ф. Турецкий подъём и будущее Евразии // Россия в глобальной политике. 1.10.2020 <https://globalaffairs.ru/articles/tureczkij-podyom-budushhee-evrazii/> (дата доступа – 03.10.2020)

перечисленное не только инициирует активизацию российско-турецкого диалога (вплоть до проработки возможностей перехода от «партнёрства» к форматам реального союзничества, включая уже обсуждаемую перспективу создания совместного Союзного государства¹), но и порождает для него серьёзнейшие вызовы и барьеры. Полагаю, тем не менее, что именно придание российско-турецкому взаимодействию конструктивного поступательного вектора – является одним из базовых условий сохранения позиций Турции и России в качестве ведущих евразийских держав. При этом Россия во взаимодействии с Турецкой республикой должна стратегически оценивать свои не только геоэкономические риски (связанные, например, с последовательно реализуемой Турцией политикой локализации на своей территории транспортно-логистического «хаба» общеевразийского масштаба, включая не только природный газ, но и зерно, пассажирские авиапотоки), но геополитические вызовы, сопряжённые в том числе с потенциалом дальнейшего реформатирования и «перекодирования» постсоветского пространства, включая и его «тюркский сегмент» (правы эксперты, полагающие, что любые попытки переориентировать российские народы на чужую цивилизацию должны быть остановлены²).

Важно обеспечивать также (на всех последующих временных этапах) устойчивый паритет (либо, по-возможности – лидерство России) между ядром «Русского мира» (Московский регион) и турецким регионом Мармара (Стамбульской агломерацией) – сердцевиным пространственным социально-экономическим элементом мира «Турецкого». Необходимые шаги в этом направлении должны быть связаны не только с развитием Москвы и его пригоро-

¹ Ахмедов Ф. Россия и Турция: от сотрудничества к Союзу. Почему бы и нет? Газета. Ru https://www.gazeta.ru/comments/2020/12/01_a_13382833.shtml?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&updated (Дата доступа – 06.12.2020)

² Садулаев Г. Чем опасен миф о тюркском мире // Взгляд. Деловая газета. <https://vz.ru/opinions/2020/10/14/1064917.html> (Дата доступа – 15.10.2020)

дов как единого мегагорода (что уже два десятилетия реализуется практически), но и с дальнейшим вовлечением в сферу прямого транспортно-экономического тяготения российской столицы сопредельных регионов Центральной России (в пятисоткилометровом радиусе от Москвы локализованы 22 региона, вмещающих почти 32 % населения страны¹), а также с последовательным формированием (на базе системы современных коммуникаций) единой конурбации «Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань» (в полном смысле евразийской, русско-тюркской, с «выходом» на Балтику и «в Европу», концентрирующей не менее трети ВВП Российской Федерации и способной ещё продолжительное время удерживать абсолютное социально-экономической и демографическое лидерство в пределах всей центральной зоны Евразии).

В сопряжённости «Русского мира» и «Тюркского мира» самостоятельное (и немаловажное) значение обретает их четвёртый, фактически уже общеевразийский «круг» – **взаимодействие с государствами со значимыми (но численно не преобладающими) этнодемографическими «тюркскими составляющими»,** в первую очередь с Ираном, КНР, Ираком, Афганистаном. Именно здесь, как видится, должны выстраиваться стратегии и реализовываться подходы по максимально возможной «деполитизации» проекта «Тюркского мира», купировании его геополитических (центрированных на Турецкой республике) импульсов при одновременном позитивном (и конструктивном) отношении к лингвистической, культурно-гуманитарной составляющей (правы эксперты, полагающие², что основа интеграции тюрков – духовность, а не механическое соединение административных границ). Иной необходимый аспект взаимодействия – снижение конфликтогенного потенциала в основных регионах взаимопересечения актив-

¹ Дружинин А. Г. Пролонгация “москвоцентричности” российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.

² Мурзагалеев Р. Г. Россия и тюркский мир в условиях интеграционных процессов в Евразии // Вестник ВЭГУ. 2013. № 5 (67). С. 50–58.

ности и интересов Русского и Тюркского «миров» (Восточное Средиземноморье, Балканы, Причерноморье, Кавказ, Каспийско-Центральноазиатский регион), недопущения превращения их в «Евразийские Балканы» (именно так, программируя желательную для глобалистских сил перспективу, именовал четверть века назад эти территории З. Бжезинский¹), совместное, в том числе с другими тюркскими государствами (в первую очередь – со странами-членами ОДКБ, ЕАЭС, Узбекистаном, а также с Турцией), противодействие деструктивной активности на евразийском пространстве внешних для него геополитических и геоэкономических акторов.

¹ *Brzezinski, Z.* (1998). *The grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives.* New York: Basic Books.

**5. ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ:
«предчувствия» классиков евразийства
и реалии XXI века**

5.1. Евразийские альтернативы России: былое и грядущее

Для Человека, равно как и Социума, его структур и относительно обособленных компонент (наподобие России в её исторически инвариантных формах пространственного бытия), проблематика выбора среди множественных альтернатив развития – наиболее сложная и, пожалуй, важнейшая. Первостепенное внимание вопросам определения стратегической (геополитической, геокультурной, геоэкономической) перспективы для нашей страны уделяется и в трудах классиков «евразийства», сознательно сконцентрировавших свои интеллектуальные усилия на самоопределении «России – Евразии» как особого культурно-географического образования, на идеологическом обеспечении ментального дистанцирования от «Европы», на предпосылках и способах кардинального пересмотра привычных для российского общества конца XIX – начала XX вв., но в целом (как это не без основания виделось авторам первых «евразийских» текстов) – преимущественно деструктивных, становящихся тормозом развития, всё в меньшей мере соответствующих российским интересам и реалиям представлений об абсолютной ценности как «европейскости», так и «европеизации».

Ещё в 1920 г. в своей стартовой «евразийской» книге Н. С. Трубецкой постулирует, что *«европейская культура не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества»*¹ и что *«европеизацию приходится считать не благом, а злом»*². Эти идеи далее, в полной мере воплощаясь в концепт «России – Евразии», стали «каркасными» в идеологии классического евразийства, стремяще-

¹ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920. С. 79.

² Там же. С. 69–70.

гося «осознать и осмыслить выход России из рамок современной европейской культуры»¹, а также «раскрепостить человечество от культурной гегемонии Европы»².

«Евразийская концепция, – акцентировано в изданном в 1925 г. «Евразийском временнике», – знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического европоцентризма»³. Эта позиция основывалась на присущем «евразийству» понимании, признании «равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара»⁴, когда – «Нет низших и высших. Есть только похожие и непохожие»⁵.

Не сомневаясь, что «смена западно-европейскому миру придёт с востока»⁶, и декларируя возможности России (РСФСР – СССР), её позитивную перспективу даже в условиях охватившего нашу страну в начале 1920-х гг. постреволюционного, послевоенного упадка, первые «евразийцы» («осознаватели русского культурного своеобразия»⁷) чётко и однозначно заявляли и о специфике России, и о неприемлемости для неё «европейского вектора», и о новых, возникших в тот период условиях, обстоятельствах (в том числе мировоззренческих), потребовавших осмысления, понимания нашей страны как особого, равнозначного «Европе», культурно-территориального целого. Временным, исторически преходящим виделось «евразийцам» и эксклюзивное положение ключевых европейских наций и государств, их глобальное доминирование.

¹ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. С. 9.

² Там же. С. 127–128.

³ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. С. 12.

⁴ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920. С. 42.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. 357 с.

⁷ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. С. 8.

*«Мы не верим, – заявлял П. Н. Савицкий в 1921 г., – чтобы существовали народы, предназначенные навеки быть избранными представителями культуры»*¹. Этот крайне важный в плане обоснования геостратегического выбора для последующей динамики «России – Евразии» тезис «евразийцев» базировался на учёте современных им реалий центрo-периферийной модели пространственной организации общества с многовековым и практически тотальным доминированием узкого круга европейских держав. Капитализм, как констатировалось в тот период в исследованиях по политической экономии, «перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли»². Подобный миропорядок подкреплялся «системой прочных приобретённых предрасположенностей» (П. Бурдьё также именовал это явление габитусом доминирования и подчинения³), проецирующихся на превалирующее мировосприятие (в том числе в российских интеллектуальных кругах, привыкших *«на каждый вопрос поставленный русской действительностью, искать готовый ответ в теории, выработанной чужой мыслью»*⁴), на географическую картину мира, в итоге – искажённую, изначально центрированную на «Европе» (точнее, «романо-германском мире», как обычно именовали планетарную геополитическую и геокультурную доминанту того периода сами классики «евразийства»).

«Русская интеллигенция, – писал П. П. Сувчинский в 1921 году, – издавна привыкла воспринимать европейскую культуру не в созна-

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. III.

² Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 305.

³ Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I, № 2. С. 5–15.

⁴ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. С. 153.

нии равенства, а в убеждении её превосходства, обязательности, исключительности и правоты»¹. Россия же, дополнял и развивал этот тезис Н. С. Трубецкой, «должна перестать быть кривым зеркалом европейской цивилизации»².

Провозглашая восприятие, признание России в качестве державы «не только европейской, но и и азиатской, – как в прошлом, так и для будущего»³, основоположники «евразийства» уже одним только этим совершили акт ментального, концептуально оформленного геостратегического выбора (создав одновременно соответствующий интеллектуальный прецедент, показав его возможность, акцентировав необходимость). Современники оценили, акцентировали прежде всего его геокультурную и геополитическую составляющие (как отмечал в тот период К. Хаусхофер, школа «евразийцев» прежде всего отсекает Россию от Запада и устремляет взор на Восток⁴); данный аспект рассматривался в качестве наиболее приоритетного и в 1990-е годы⁵. Однако в первые десятилетия XXI века, уже в современном нам контексте, наибольшую ценность и актуальность обретает, как видится, даже не столько сама по себе манифестация выхода нашей страны из ставшей обыденной для неё за более чем три столетия «сферы влияния» культуры конкретных государств, сколько содержащаяся в текстах классического евразийства декларация принципиальной неприемлемости для нашей страны периферийной, второстепенной, заведомо подчинённой позиции. Данная же позиция, кстати, дополняемая

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 5.

² Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 60 с.

³ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. С. 385.

⁴ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.

⁵ Лавров С. Б. Л. Н. Гумилёв и евразийство // Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. Спб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). С. 5–11.

колоссальным социокультурным «расслоением» подданных Империи в канун её краха (чья повседневность протекала на одной территории, но в разных, часто параллельных мирах) – во-многом и продуцировала кризис, чьё преодоление «евразийцы» связывали с пониманием (и признанием) российской специфики, с развитием «России – Евразии» как равнозначной, равноправной, самостоятельной (в первую очередь – идеологически, культурно), ориентированной на собственные ресурсы развития, интересы, мировоззренческие установки и ценности части Человечества.

Обосновываемый в классических «евразийских» текстах выбор был осознанным, соответствующим не только реальным характеристикам России, но и изменившимся внешним (планетарным) обстоятельствам. Выводя страну из «колеи зависимости», он ориентировал её на существенное расширение «поля для манёвра», купирование рисков периферизации и преодоление становящегося всё более вероятностным полукOLONИАЛЬНОГО статуса.

Предлагаемый «евразийцами» путь развития России (как они сами это затем признавали¹, во-многом практически реализуемый в СССР) был связан со сменой геостратегического вектора, с преодолением исторической инерции, а также устоявшихся общественно-географических взаимозависимостей и градиент; фактически – это был выбор евразийской альтернативы. Именно этими своими моментами классическое евразийство особым образом актуализировано и ценно для осмысления положения современной нам России, обоснования предпочтительных направлений развития страны, за столетие существенно изменившейся, оказавшейся в новом, непривычном для себя внешнем контексте, испытывающей турбулентность, переживающей очередной кризис, пребывающей в сложном, болезненном поиске путей и способов его преодоления, сообразуясь как с глобальными детерминантами, так и с евразийскими трендами.

Акцентируя внимание на российских геостратегических альтернативах, на «европейском», «евразийском» либо любого рода

¹ Евразийство. Декларация, формулировки, тезисы. Издание евразийцев. Прага: Политика, 1932. 29 с.

ином её выборе, уместно подчеркнуть, что своим историческим трендом, этнокультурной «мозаикой» и, тем более, обширнейшим (в подавляющей мере слабо освоенным) пространством – Россия к моменту появления первых «евразийских» текстов, конечно же, заведомо «не вписывалась» в европейский формат. Существенным фактором являлся и демографический «вес» нашей страны (табл. 22), в начале прошлого столетия сопоставимый с соответствующими показателями для большей части крупных массивов суши, включая и всю зарубежную Европу.

Таблица 22

Численность населения в России (СССР, постсоветских государствах), а также в зарубежной Европе и мире в целом (1900, 1970 и 2020 гг.)

	1900 г. *		1970 г. *		2020 г. **	
	Млн чел.	%	Млн чел.	%	Млн чел.	%
Весь мир	1656	100,0	3610	100,0	7817	100,0
Россия (СССР)	130	7,9	243	6,7	301***	3,9
Зарубежная Европа	295	17,8	459	12,7	502****	6,4

* Составлено по¹.

** Согласно демографической статистике ООН.

*** По всем постсоветским государствами.

**** Без постсоветских государств и Турции.

Характерно, что на рубеже XIX и XX вв. (в 1900 году) численность населения Российской Империи лишь немногим уступала суммарному демографическому потенциалу Северной Америки (130 и 145 млн чел. соответственно) и составляла равновеликую величину со всем Африканским континентом (около 130 млн жителей²).

Фактический же демографический паритет «России – Евразии» с «Европой» был обеспечен уже в советский период, во второй по-

¹ Народонаселение стран мира. Справочник / под ред. Б. Ц. Урланиса. М.: Статистика, 1978. 527 с.

² Там же. С. 8.

ловине прошлого столетия. Так, в частности, в 1970 г. население СССР (242 млн чел.) вместе с его европейскими союзниками (по «Варшавскому договору» и СЭВ), суммарно концентрировавшими ещё 103 млн, достигало, в итоге, 345 миллионов. В «остальной» же Европе (вне непосредственного советского евразийского геополитического контура) проживало 356 млн, в том числе 303 млн – в европейских государствах, являющихся членами НАТО.

Крушение СССР не только резко нарушило этот оказавшийся недолговечным баланс, но и (как справедливо полагают¹) окончательно захлопнуло дверь перед единственным проектом глобального масштаба, способным (на том временном этапе) соперничать с капитализмом. Впрочем, к этому моменту всесильная (в период активного научного творчества первых «евразийцев») Европа уже уступила лидерство новой гегемону – США; сама интегрируясь в формирующуюся глобальную структуру, она оказалась лишь одним из трёх ведущих «ядер» в составе коллективного Запада; последний же, став трансконтинентальным, выйдя за изначальные свои этнокультурные рамки («романо-германские» / «англо-сакские») и уже к началу 1990-х приступив к активному освоению «советского наследия» (в том числе и в пределах самого евразийского пространства) – оказался единственной, фактически абсолютной общепланетарной доминантой, что, кстати, наиболее рельефно проявилось в стремительно вышедшей на авансцену в условиях глобализации геоэкономической сфере.

В пределах постсоветского пространства, дезинтегрированного, разделённого государственными границами, Российская Федерация в 1992 году оказалась экономически наиболее мощной юрисдикцией (концентрирующей около 74 % ВВП всех новообразованных государств). Тем не менее, по «объёму» своей экономики (ВВП по официальному обменному курсу) Россия согласно статистике Всемирного банка многократно уступала не только США (в 14,2 раза), но и всем другим ведущим державам (Японии – в

¹ Кули А., Нексон Д. Как заканчивается гегемония. Американская мощь разползается на глазах // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 140.

8,5 раза, Германии – в 4,6, Франции – в 3 раза). Суммарный же показатель ВВП всех европейских государств (без постсоветских и Турции), составляя 8377 млрд. долл. США (72 % этой цифры обеспечивали четыре страны: Германия, Франция, Италия и Великобритания), превышал российский в 18,2 раза (табл. 23).

Таблица 23

**Экономика Российской Федерации в евразийских,
европейских и глобальных сопоставлениях, 1992 г.
(ВВП по официальному обменному курсу)***

	Млн долл. США	В соотношении с российским показателем, раз
Российская Федерация	460290	1,0
Прочие постсоветские государства	159410	0,35
Все европейские государства вне постсоветского пространства**	8377076	18,2
США	6520327	14,2
Япония	3908809	8,5
Германия	2131571	4,6
Франция	1401465	3,0
Италия	1320161	2,9
Великобритания	1179659	2,6
КНР	426915	0,93
Индия	288208	0,63

* Составлено по данным Всемирного банка.

** Без Турции.

В итоге, хозяйственные (а, одновременно, политические, гуманитарные) связи и Российской Федерации, и других постсоветских государств – были практически обречены на «европоориентированность», «западоцентричность» (по объёму ВВП и Китай, и Индия тогда уступали даже Российской Федерации). Россия же вновь оказалась в ситуации гигантского социально-экономического отставания от «Запада», от «Европы», а, следовательно, и в 208

форматах нового (казалось бы в целом преодоленного в середине XX века) зависимого, полупериферийно-периферийного развития.

Значимым индикатором сохраняющейся весь постсоветский период неравновесности в системе «Россия – Запад» при одновременной неустойчивости геоэкономического баланса – выступает динамика душевого ВВП (табл. 24).

Таблица 24

Динамика душевого ВВП России (по официальному обменному курсу): европейские, евразийские и глобальные сопоставления*

	1992	1998	2002	2008	2013	2015	2019
Душевой ВВП России, тыс. долл.	3090	2130	2100	9580	15190	11780	11260
Соотношение к душевому ВВП России, раз							
Душевого ВВП США	8,3	15,0	17,8	5,1	3,5	4,8	5,8
Душевого ВВП Германии	8,4	13,1	11,2	4,5	3,1	3,9	4,3
Душевого ВВП Китая	0,13	0,38	0,55	0,36	0,46	0,68	0,92

* Составлено по данным Всемирного банка.

Если 1990-е годы оказались ознаменованы для Российской Федерации фактическим уничтожением основной части «советского экономического наследия», то благоприятная конъюнктура 2000-х стабилизировала и существенно укрепила возможности нашей страны (максимально «приблизив» показатели её душевого ВВП к лидерам «Запада» – США и Германии). Однако уже с 2009 г. позиции России вновь существенно ухудшились, продемонстрировав экономическую составляющую нарастающего (сохраняющего своё действие и поныне) кризиса её нового (постсоветского) зависимого, преимущественно ресурсно-сырьевого геоэкономического позиционирования. Именно экономическое (экономико-географическое) положение страны (вступая в диссонанс с утвердившимися в ней в 2000-е годы завышенными социальными стандартами и ожиданиями, с возрождающимися геополитическими амбициями, с не-

обходимостью противостоять расширяющейся экспансии Запада, а также реализовывать евразийские реинтеграционные стратегии) – инициировало год от года нарастающую потребность в смене вектора, однако сама возможность для этого оказалась во-многом обусловленной внешними (общепланетарными) обстоятельствами.

Уже с конца 2000-х гг. сложившийся после разрушения СССР миропорядок стал стремительно утрачивать свою былую однополюсность, в первую очередь – в хозяйственной и технологической сферах (симптоматично, что доля США в мировом ВВП, которая в 1950 г. составляла почти половину, снизилась до одной четверти в 1991 г., а затем и до одной седьмой; сегодня из 20 крупнейших компаний в области ИТ девять находятся в Китае¹). Зримое (акцентируемое как зарубежными², так и российскими³ аналитиками) завершение 500-летнего господства Запада начало трансформироваться в мир «шаткой полицентричности»⁴, характеризуемый неустойчивостью баланса сил⁵ на фоне частичной деглобализации миропорядка (его локализации, ренационализации, фрагментации и деконструкции⁶, проявляющихся в резком сокращении международных потоков товаров и, особенно, капитала⁷, росте протекционизма), а также сохраняющейся (и увеличивающейся⁸) дистанции в уровнях и моделях развития между Западом (частич-

¹ Эллисон Г. Новые сферы влияния // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 111–124.

² Zakaria, F. (2008). *Post-American world*. London: Allen Lane.

³ Караганов С., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 170–182.

⁴ Естафьев Д., Ильницкий А. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 58–68.

⁵ Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М.: Academia – Наука, 1999. 724 с.

⁶ Гаджиев К. О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 102–112.

⁷ Mallaby S. *Globalization Resets*. The Finance and Development Magazine, Washington, IMF, December 2016. Available at: www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2016/12 (accessed 02.05.2020).

⁸ Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster, 1996. 367 p.

но выходящим за его принятые рамки, обретающим внецивилизационные контуры и смыслы, становящимся маркером, топонимией, мифологемой архипелагообразных «ареалов успеха») и всё более обширным (главным образом – в демографическом отношении) «не-Западом». В этом контексте сама глобализация стала утрачивать свой былой поступательный характер¹, что породило кризисные проявления и в общепланетарном масштабе, и на уровне отдельных стран. Рост геоэкономической турбулентности и геополитического соперничества резко обострил конкуренцию за позиционные статусы и возможности, в том числе и в стратегической перспективе (фактором и предметом борьбы оказывается, при этом, в том числе и выбор ценностей, а также моделей мирового развития²), выводя на авансцену «схватку» геоконцептов, геоидеологическое противостояние.

Проявившийся для России «кризис зависимости» (усугубляемый перманентным снижением доли нашей страны в мировом демографическом и хозяйственном потенциале³), совпал, в итоге, и с кризисом текущей модели глобализации, и с неустойчивым положением Запада. Следствием и проявлением этих процессов стало, в свою очередь, резкое нарастание противоречий в системе «Россия – Запад», как и столетие назад катализировавших процессы геостратегической «перезагрузки» нашей страны, осмысления её текущего и грядущего положения в Евразии и мире в целом, видоизменения в системе партнёрств и приоритетов.

Став триггером значимых для нашей страны и в целом Евразии перемен, текущий кризис (полиаспектный и практически

¹ *Смыслов Д.* Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63, № 2. С. 5–12.

² *Следзевский И.* Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64, № 1. С. 82–90.

³ *Дружинин А. Г.* Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.

повсеместный в своих пространственных проявлениях) вряд ли явился чем-то экстраординарным и, тем более, катастрофическим (сопряжённым с тотальной деградацией, ликвидацией, распадом), в том числе и применительно к самой России, за последнее столетие сполна (и многократно) проявившей способность возрождаться после глубочайших системных потрясений и катаклизмов.

Резистентность кризисным процессам убедительно продемонстрировала, впрочем, и «Европа», ещё в начале XX столетия воспринимавшаяся современниками в состоянии своего «заката»¹), но сумевшая сохранить и приумножить глобальное влияние благодаря динамике своих новообразованных внешних «ядер» (в первую очередь – США), глобализации и интеграции. И в нынешней сложной, неустойчивой ситуации «Европа» (прежде всего – её основной массив, объединённый в формате Европейского союза), стремясь не только сохраниться, самореализоваться как особая целостность, но и укрепить свои позиции (заявляя о себе как полноценный центр силы в современных международных отношениях²) будет и далее, полагаю, стараться, с одной стороны, по-возможности прирастить контролируемое уже не столько «европейское», сколько «евразийское» пространство (что иллюстрирует политика ЕС в отношении Грузии, Украины, Молдовы, наконец, Белоруссии), с другой – ослабить сопредельные «центры силы» (включая не только Россию, но уже и Турцию), сохранить исторически возникшую «дистанцию» с ними (в пользу ведущих европейских государств) в социально-экономическом и технологическом развитии, пролонгировать практики гуманитарного доминирования. Именно в подобном ключе, вне сомнения, воспринимает предпочтительную модель взаимодействия с нашей страной европейская политическая элита, устами президента Франции оз-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. 620 с.

² Арбатова Н. Станет ли Европейский союз мировым центром силы? // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 51–65.

вучившая (чуть больше года назад¹) три гипотетически возможных (на взгляд Э. Макрона) сценария развития России: 1) восставление статуса супердержавы с опорой на собственные силы; 2) активное включение в евразийские интеграционные процессы (под которыми подразумевается, в первую очередь, сотрудничество с Китаем); 3) «сбалансированное» сотрудничество с Европой (в понимании Э. Макрона предполагающее в том числе и согласие России на размещение инфраструктуры НАТО у её границ).

Вероятностных векторов развития, в действительности, конечно же, не три, а существенно больше, что обусловлено не только многомерностью и непредсказуемостью геополитических, геоэкономических и геокультурных процессов, но и с заведомой инвариантностью имеющих место для России альтернатив, предполагающих, в частности стратегический выбор между: 1) собственно евразийским вектором (Э. Макрон, кстати, ошибается либо подменяет понятия, сводя «евразийский» сценарий главным образом к взаимодействию в Китае, доминирующем ныне на материке, но, одновременно, напрямую не относящемуся к «Собственно Евразии») – либо ориентацией на иные, внеевразийские «центры силы»; 2) акцентом на межстрановые, межцивилизационные интеграционные процессы – либо на изоляционистские стратегии; 3) развитием в рамках «колеи зависимости» – либо реализацией усилий по смене нашей страной своего превалирующего геостратегического вектора; 4) пребыванием в рамках инерционных процессов, причём не только «старых», но и новационных, порождаемой в том числе и глобальными изменениями – либо активизации собственных действий по перелому общего, не всегда и не во всём благоприятного для нашей страны тренда.

«Наша пламенная всё побеждающая страсть в Западной Европе, – подчёркивали классики «евразийства», – была несомненно не-

¹ Президент Франции назвал три сценария развития России. РБК. 7.11.2019 [Электронное издание] <https://www.rbc.ru/politics/07/11/2019/5dc4418d9a794753ccf952a6> (Дата доступа 7.11.2020)

*разделённой односторонней страстью»*¹. «Сбалансированное» же сотрудничество с «Европой» (а, соответственно, и с США, со всем коллективным Западом) в случае гипотетической пролонгацией Россией присущей ей с конца XVII в. «вестернизированнойности» (в советский период – существенно купированной), вне сомнения, окажется сопряжено не только с дальнейшим усилением внешнего контроля над российской экономикой (и, соответственно, ещё большим «выведением» из неё столь необходимых средств на развитие технологий, инфраструктуры и «человеческого капитала»), но и стремлением существенно ограничить наш национальный военно-технический потенциал. При предельно последовательном (и максимально негативном) воплощении в жизнь данного сценария (по своей сути не только *инерционного*, но и *традиционного*, уже во-многом исчерпавшего свой позитивный потенциал) Российская Федерация может, следуя по социально-экономической и политической траектории Украины (ставшей ныне беднейшим государством в пределах Европы), оказаться произвольно расчленённой на несколько патронируемых глобальными силами ослабленных, поставленных в ситуацию взаимной конкуренции государственных образований (прав, прозорлив был В. Л. Цимбурский, подчёркивая, что «Россия, по огромности её... с европейским равновесием несовместима»²), и это, конечно же, будет иметь самые катастрофические последствия для русской культуры и нации.

Сценарий вестернизированного, преимущественно «европейского» развития (ещё полтора десятилетия назад являвшийся, вне сомнения, основным, базовым) для современной России становится, тем не менее, всё более гипотетическим. Уже практически отброшена ещё сравнительно недавно озвучиваемая³ выс-

¹ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. С. 161.

² *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 7.

³ *Шейнис В.* Европейский союз в динамике политического пространства // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. Т. 62, № 10. С. 26–36.

шим российским руководством риторика «Европы от Лиссабона до Владивостока», несколько понижен «градус» и потенциал активности в стране «либеральных» сил (ретранслирующих апологику гегемонии США над Россией¹), постепенно утверждается понимание, что «глобализация есть однополярность»², что «Запад утратил монополию на покровительство»³ и, наконец, что «исторически Россия всегда была для Европы конкурентом»⁴. Конечно же, ориентация России «на Запад» – лишь начинает преодолеваться и у «европейского выбора» нашей страны пока сохраняются серьёзные общественно-географические основания (институциональные, маркетинговые, транспортно-логистические, селитебно-рекреационные, ментальные и др.), подкрепляемые вступлением в предельно активный период жизни поколений россиян, социально сформировавшихся в «восторженно-прозападной» атмосфере 1990–2000-х годов. Обстоятельства, резоны для дальнейшей пролонгации российского «западоцентризма» (согласно С. А. Караганову «ставшему давно невыгодным»⁵), тем не менее, благодаря присущим Евразии геоэкономическим метаморфозам (в том числе и русофобской активности самого «Запада»), стремительно минимизируются. На этом фоне обретает реалистичность и значимость иной сопряжённый с глобальной динамикой **сценарий «разворота на Восток»**, центрированный в настоящее время, прежде всего на активизирующемся стратегическом взаимодействии с Китаем.

¹ *Ливен А.* Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития и реформ // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 5. С. 33.

² *Дугин А. Г.* Геополитическое будущее России: многополярность и основные стратегические перспективы в XXI в. // *Вестник Московского университета.* Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 85.

³ *Кули А., Нексон Д.* Как заканчивается гегемония. Американская мощь расползается на глазах // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 5. С. 142.

⁴ *Бордачёв Т.* Биполярность или баланс? // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 4. С. 70–82.

⁵ *Караганов С.* Новые идеи для себя и мира // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 2. С. 21–32.

С 2008 года удельный вес Китайской Народной Республики во внешнеторговом обороте России возрос с 7,8 до 18,8 %; за этот же период аналогичный показатель для ЕС сократился с 53,7 до 39,4 %. За последние 11 лет, КНР, таким образом трендово наращивал, в Евросоюз – снижал своё «присутствие» во внешней торговле России в среднем соответственно на 0,97 и 1,3 процентных пункта в год. Если тенденция «разворота на Восток» России сохранится (а США при активной поддержке целого ряда европейских государств парадоксальным образом и политически, и экономически сейчас содействуют именно этому!) и темпы её во внешнеторговой сфере останутся неизменными, то согласно расчётам автора уже к 2029 году удельный вес Китая и Евросоюза во внешнеторговом обороте России практически сравняются (на уровне 27–28 % для каждого из этих контрагентов). Подобная внешнеторговая «перебалансировка» (соответствующая общему смещению геоэкономического потенциала материка в пользу «Срединного государства») подкрепляется и углубляющимся российско-китайским взаимопониманием во внешнеполитической сфере. Симптоматично, что в Генеральной Ассамблее ООН с 2006 по 2018 г. Китай и Россия голосовали одинаково в 86 из 100 случаев, что чаще, чем в 1991–2005 гг., когда процент согласованных позиций во время голосований равнялся 78. Для сравнения – с 2005 г. КНР и Соединённые Штаты соглашались только в 21 % случаев¹.

Констатируя наличие у России в её уже среднесрочной перспективе вполне реалистичной, чётко выраженной (в том числе и уже на современном этапе), «китайской альтернативы», хотелось бы подчеркнуть, что «разворот на Восток» – будучи для нашей страны крайне необходимым и требующим, безусловно, сверхусилий, тем не менее, может рассматриваться лишь как геостратегический выбор в рамках инерционного (только уже иного, нового) тренда. И в этой связи предельную актуальность сохраняет озвученный в 1923 году классиками «евразийства» геостратегический

¹ Кули А., Нексон Д. Как заканчивается гегемония. Американская мощь распадается на глазах // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 143.

посыл: *«Исход к Востоку это и есть возврат к себе, но не поход на восток за новыми заимствованиями... Если мы тяготимся чуждым нам европейским мундиром, то почему будем напяливать на себя одеяния китайского мандарина»*¹.

Чем основательнее и дальше Россия будет «уходить» из орбиты влияния коллективного Запада, тем активность последнего в отношении России (и её позиций в Евразии, в мире) окажутся жёстче и деструктивнее. Чем больше Российская Федерация станет «сближаться» с Китаем, тем значимее, необходимее для нашей страны окажутся другие «евразийские противовесы» (включая Индию, Иран, Турцию, лидирующие государства Арабского мира), одним из которых, вне сомнения, должна оставаться и собственно «Европа».

Замечу также, что разворачивающийся в настоящее время кризис Запада (при всей его многоаспектности и глубине) – будет, вероятно, длительным, но не бесконечным. Этот кризис, наряду со стремительным глобальным (беспрецедентным²) возвышением Китая, в начале 2010-х годов открыл для России (ставшей к тому периоду на радарх мировой политики – гораздо более заметной величиной³), для её геостратегической субъектности – «окно возможностей», сохраняющееся (и даже оказавшееся немного «шире») в дезорганизующей, лишаящей былых ресурсов и амбиций планетарные «центры силы» пандемии Covid-19. Впрочем, «фактор коронавируса» лишь усиливает КНР, ускоряет, приближает становление в мире биполюсной (Запад – Китай) конструкции. И если на современном этапе эти новые глобальные реалии преимущественно благоприятствуют России (верно подмечено, что «конфликт США

¹ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. С. 155.

² Calder Kent. E. Super Continent. The Logic of Eurasian Integration. Stanford, California: Stanford University Press, 2019. 325 p.

³ Барановский В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 7–23.

и Китая – это для России больше возможность, чем угроза»¹), позволяя ей дистанцироваться от Запада, наращивать стратегически необходимое взаимодействие с КНР, выстраивать би- и многовекторность, реализовывать позитив, порождаемый «неприсоединением», то по мере укрепления Китая, продвигающего концепцию «общего будущего человечества» (人类命运共同体²) и вступления коллективного Запада в посткризисную стадию (либо вхождения в ещё более глубокий кризис, потребоющий всё возрастающей демонстрации несомненных геополитических возможностей и успехов) – будут неизбежно прирастать риски, что Россия (в случае, конечно же, её дальнейшей социально-экономической стагнации) станет «третьим лишним», что именно её обширнейшие и в целом слабозаселённые территории окажутся объектом вождения двух глобальных суперсил, готовых обрести временный консенсус в процессе пожалуй беспрецедентного в мировой истории по своему масштабу вероятностного геополитического «раздела».

Возможности России в Евразии, таким образом, – напрямую связаны с выстраиванием глобального паритета между КНР и Западом, но само его достижение таит, вне сомнения, – существенную, фундаментальную, хотя, на данном этапе лишь теоретическую угрозу (согласимся с выводом, что «модель американско-китайского «сердечного согласия» выглядит пока своего рода умозрительной схемой»³). В имплементации гипотетического негатива здесь крайне важен фактор времени: как представляется, впереди примерно десятилетний период, когда Китай (по многим обстоятельствам) будет сохранять существенную заинтересованность в сильной России (в том числе и как в «противовесе» амбициям и

¹ *Бордачёв Т.* Биполярность или баланс? // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 70–82.

² *Семенов А., Цвык А.* Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 72–81.

³ *Барановский В.* Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 7–23.

активности «Запада»), а США всё ещё не будет воспринимать КНР (главным образом в силу ментальной инерции) как достойного партнёра по возможному разделу важнейшего, самого крупного фрагмента евразийского «медумирья». Это десятилетие наша страна должна (просто обязана!) максимально использовать и для существеннейшего роста конкурентного потенциала, и для снятия наиболее острых социальных (социально-территориальных) диспропорций и противоречий, и для «цементирования» своей политической (в том числе региональной, этнополитической системы), равно как и для расширения, обустройства собственного «большого пространства», наращивания евразийских (и иных) партнёрств, обретения реальных союзников.

Россия, в отличие от СССР, уже не сверхдержава¹, и её сохраняющийся (в последние года даже возросший) геостратегический потенциал – сам, отчасти, результат исторической траектории, отчасти – следствие обширности территории, но, в ещё большей мере – итог текущих военно-стратегических возможностей. Но в современном мире военная сила всё реже способствует достижению национальных целей² и, в этой связи, любого рода альтернативы для нашей страны (в том числе и собственно «евразийские») обречены являть собой противоречивое сочетание **преодоления инерции («смены вектора») с опорой на инерцию** (то есть взаимодействие внешних, глобальных и евразийских векторов), **на её позитивные (для России и в целом евразийского пространства) стороны, грани**. В этой связи во-многом инерционными по своему характеру являются и любого рода предлагаемые для страны **изоляциялистские модели и стратегии** её бытия – прямое следствие меняющегося (и оказывающегося всё более неблагоприятным) положения России в Евразии, в мире в целом, предтеча, предчувствие пока не состоявшегося (но при абсолютном прева-

¹ *Шупер В. А.* Самоорганизация на переломе траектории социально-экономического развития: вызовы для России // Известия РАН. Серия географическая. 2020. № 1. С. 147–155.

² *Дрезнер Д., Кребс Р., Швеллер Р.* Конец Большой стратегии // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 83–95.

лировании исключительно инерционных сценариев – вероятностного) стратегического упадка (и даже поражения) нашей страны.

«Самоизолируюсь» (и тем самым объективно содействуя реализуемому США и их союзниками в отношении СССР ещё с конца 1940-х гг. плану «Петля анаконды»), ощущая себя «гигантским островом внутри континента»¹, пребывая в ощущении «одиночества»², отторгая вероятностных союзников³, осознавая себя как «Северную Евразию»⁴, как «Север»⁵ (и, тем самым, отсекая от себя не только остальную Евразию, но и свои собственные лимитрофы), Россия, полагаю, способна лишь приумножить предпосылки для вероятностной своей дезинтеграции, утраты остатков былого евразийского влияния и целостности, потери позиций на сопредельных страновых и региональных рынках. Изоляционизм сам по себе, «в чистом виде» (тем более – исключительно на этнической основе) – несостоятелен и деконструктивен; усугубляя проблемы, он порождает лишь иллюзию позитивной стратегической перспективы. В этой связи провозглашаемый (в контексте фиксируемых проявлений нового «дезинтеграционного цикла» в мировой экономике⁶, а также обретающего моду «прогрессивного

¹ *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.

² *Сурков В.* Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinchestvo-polukrovki-14-19477> (Дата доступа – 22.03.2018)

³ *Силаев Н., Сушенцов А.* Союзники России и геополитический фронт в Евразии. Валдайская записка № 66. Апрель, 2017. [Электронное издание] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/16328/> (Дата доступа – 4.12.2018)

⁴ *Замятин Д. Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–90.

⁵ *Кара-Мурза А. А.* Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г. Р. Державин // Философские науки. 2017. № 8. С. 121–134.

⁶ *Синцеров Л. М.* Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 56–64; *Шупер В. А.* Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 4. С. 7–17.

национализма»¹) в качестве возможного приоритета для нашей страны неизоляционизм² может, как видится, быть преимущественно духовным (социокультурным), отчасти технологическим, в ещё меньшей мере – производственно-экономическим, но никак не геополитическим и, тем более – геоэкономическим.

В пёстрой палитре современного российского общества, вне сомнения, существует выраженный запрос не только на различного рода изоляционизм, но и на многовекторные международные связи, равно как и на восстановление былых позиций страны на международной арене. Так, согласно данным недавнего опроса ВЦИОМ (проведённого 2 сентября 2020 года среди 1600 респондентов в возрасте от 18 лет³) почти каждый третий россиянин (31 %) озвучил позицию, что Россия в XXI веке должна стремиться вернуть себе статус супердержавы, аналогичный тому, который был у Советского Союза, причём в наибольшей мере такой точки зрения придерживаются сограждане в возрасте 35–44 лет (37 %). И лишь 6 % респондентов полагают, что для страны вполне достаточно добиться лидерства на постсоветском пространстве, а каждый десятый участник опроса заявил о том, что России не следует стремиться ни к каким глобальным целям.

Для нашей страны, по множеству аспектов (от финансовых до демографических), инкорпорированность в мирохозяйственные процессы и глобальные рынки – ныне неперемнное условие устойчивого функционирования, предпосылка развития. Чтобы такие связи оставались устойчивыми и эффективными – Россия должна быть во всех отношениях сильной, расширять свои международные партнёрства, множить приемлемые для себя союзы и

¹ *Ливен А.* Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития и реформ // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 5. С. 25–42.

² *Караганов С.* Новые идеи для себя и мира // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 2. С. 21–32.

³ Почти треть россиян выступила за возвращение РФ статуса сверхдержавы. Интерфакс. [Электронное издание] <https://www.interfax.ru/russia/726975> (Дата доступа – 15.09.2020)

альянсы. Однако и чрезмерная «интернационализация» в современных своих форматах лишь закрепляет, усиливает глобальные полупериферийные позиции Российской Федерации, порождая связанные с этим негативные социально-экономические эффекты, повышая нашу геостратегическую уязвимость. **Необходим, соответственно, выверенный баланс между «неоизоляционизмом», действенной, нацеленной на реальное развитие Российской Федерации её евразийской интеграцией** (уже реально просматриваемой в контурах Евразийского экономического союза) **и «неоглобализацией»**. Следует использовать динамику и возможности современной евразийской геостратегической инерции (отторгающую Россию экспансию «Европы», порождающее паритет усиление Китая, опережающую демографическую и экономическую динамику в южном порубежье Российской Федерации) для реализации **российских** (и именно российских!) **стратегических интересов и задач**, выстраивания нашей страной **своего интеграционного проекта в Евразии** при одновременной диверсификации, укреплении хозяйственных, политических и культурных взаимосвязей в глобальном масштабе, повышении их эффективности.

«Евразия, – подчёркивали первые «евразийцы» – «это лозунг для России идти новыми путями «к новой жизни и старой мощи». Евразия – это значит: Россия должна жить сама по себе, довольна сама над собой, сама должна являться светом для себя»¹. Однако, если для классического евразийства «смена вектора» развития страны воплощалась главным образом в «неевропейской» позиции («синтезе азиофилии с изоляционизмом»²), то современный контекст, полагаю, предопределяет приоритет **современной евразийской геостратегии России** (у которой пока сохраняются

¹ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. С. 164.

² *Цымбурский В. Л.* Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1, 2. С. 6–30.

возможности для манёвра¹) как **синтеза разумного изоляционизма, селективной сопряжённости с другими сопредельными государствами** (в первую очередь – постсоветскими, в пределах «Собственно Евразии»), а также **эффективного** (для нашей страны) **многовекторного взаимодействия** в «большом» евразийском и глобальном форматах. Подобная стратегия должна вмещать и свой обязательный «лимитрофный» аспект, выстраиваться с учётом возможностей и интересов активности нашей страны в сопредельном её порубежье, прежде всего, в пределах постсоветского пространства.

¹ *Караганов С.* Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32.

5.2. Большие и малые евразийские лимитрофы в новой глобальной реальности

Геополитические и геоэкономические метаморфозы в современной Евразии (включая и её «срединный» ареал, характеризующий в текстах классического евразийства как «Россия – Евразия»), сопровождаемые приращением числа юрисдикций (в том числе «непризнанных»), растущими активностью и противостоянием традиционных и новых «центров силы», ширящейся взаимозависимостью государств, регионов – проявляются в том числе и в **лимитрофизации** обширнейших пространств, протянувшихся широкой полосой от Балканского полуострова до Монголии. В эти процессы в полной мере вовлечена и сама Российская Федерация, и, разумеется, все её постсоветские «соседи».

Проблематика «лимитрофов» (от лат. *limitrophus* – пограничный; то есть неких территорий, промежуточных сред между цивилизациями¹, расположенных на пересечении зон их влияния² и вынужденных, в этой связи, балансировать между крупными соседями³) применительно непосредственно к России обрела актуальность и стала артикулироваться лишь с рубежа 1918–1921 гг.; основоположники «евразийства» также неизбежно обращались к этой теме, рассматривая в качестве российских лимитрофов того периода Польшу, Финляндию, Западную часть Белоруссии и иные постреволюцион-

¹ *Цымбурский В. Л.* Остров Россия: геополит. и хронополит. работы, 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.; *Хатунцев С. В.* Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2. С. 56–71.

² *Окунев И. Ю.* Политическая география. М.: Аспект Пресс, 2019. 512 с.

³ *Елацков А. Б.* Общая геополитика. Вопросы теории и методологии в географической интерпретации. Москва: Инфра-М, 2017. 251 с.

ные «осколки» Империи¹. События вековой давности были, тем не менее лишь прологом, предвестием грядущих (обретших масштаб и силу лишь с конца 1980-х годов) структурных евразийских изменений, высветивших и заведомую нестабильность устоявшейся геополитической архитектуры, и зыбкость, недолговечность казавшихся «естественными» межгосударственных рубежей, и изменчивость характерных для той или иной территорий цивилизационных ориентаций и этнокультурной идентичности. Категория «лимитроф» оказалась предельно созвучна этой динамике, явив способность выступать не только её иллюстрацией, маркером, но и специфическим форматом адаптации российской политики (и российского коллективного сознания) к видоизменённому пространственному контуру страны, к её уже фактически состоявшимся (но всё ещё не воспринимаемым как безвозвратные) территориальным «утратам».

Именно в постсоветский период оказались симптоматично востребованными (и тиражируемыми) представления о «сейсмически активном» геополитическом пространстве², о неких «территориях – проливах» (на которых «никогда не было твердых пределов для России, но не было и границ, навек закрепленных за нею»³), способных в разные эпохи то включаться в «тело» России, то отслаиваться от него по стечению российской, региональной и мировой конъюнктур. В этом же русле озвучивались и идеи о наличии особого пространства общего сосуществования Европы и коренной Евразии «интерфейса двух глобальных месторазвитий»⁴, о неком, опоясывающем Россию «полукольце Великого Лимитрофа»⁵.

¹ Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 445 с.

² Дергачёв В. А. Создание зон комплиментарного развития на социокультурных рубежах // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1996. № 4. С. 11.

³ Цымбурский В. Л. Остров Россия и перспективы российской геополитики // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 13.

⁴ Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–97.

⁵ Цымбурский В. Л. «От великого острова Руси...» к пратосимволу российской цивилизации // Полис. Политические исследования. 1997. № 6. С. 34–56.

Постсоветская реальность в пределах «России – Евразии» была, кстати, не только ознаменована существенным приращением «лимитрофных» пространств (к рубежу 1991–1992 гг. в этом качестве применительно к России оказались сразу 14 новых независимых государств с суммарной территорией в 5,3 млн км² и более чем со 140 миллионным населением), но и общим (имевшем место все последние три десятилетия) смещением полосы «совместного влияния» России и коллективного Запада в восточном направлении (когда в положении «лимитрофа» выступили территории, ранее являвшиеся для российской цивилизации безусловно «коренными», например левобережье Днепра, либо восточные регионы Белоруссии), что сочеталось с практически повсеместным ослаблением российского «присутствия» и позиций. В отдельных случаях (страны Балтии, Грузия, Украина) данный процесс оказался весьма резким, чётко выраженным, в иных (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Молдова, государства Центральной Азии) – относительно мягким, «сглаженным». «Лимитрофная» тематика стала, в итоге, во-многом ключевой для постсоветского пространства, фокусируя внимание на глубинных аспектах взаимодействия Российской Федерации и остальных, уже обособленных, обретших собственные траектории составляющих «России – Евразии», на их исчезающей (унаследованной от СССР) сопряжённости, на возможностях и барьерах соседства, на многоаспектных противоречиях, а также на потенциале, стратегиях и эффектах реинтеграционных процессов.

В русле «вестернизации» лимитрофные характеристики постсоветских пространств, при этом, видоизменялись, иллюстрируя проявления полизависимости (когда конкурирующих внешних центров фактически оказалось не два, а три и более¹); в ряде ситуаций экономические и культурно-лингвистические аспекты

¹ Дружинин А. Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.

«русского фактора» демонстрировали, при этом, существенно большую устойчивость, чем более восприимчивые к изменчивости глобальной и евразийской геополитической конъюнктуры внешнеполитические ориентации бывших союзных республик.

«Лимитрофность» в «Сердцевинной Евразии» обрела, в итоге, многоаспектность («многослойность»), а присущий тем или иным сопредельным с Российской Федерацией территориям баланс внешних для них сил – разностороннюю и, даже, разнонаправленную (что иллюстрирует пример ДНР и ЛНР) динамику. На этом фоне процесс «лимитрофизации» стал всё ощутимее выходить за ранее характерные для него пределы собственно западного русского порубежья (чья *укреплённость*, а соответственно, и значимость для нашей страны, как отмечал П. Н. Савицкий в одном из своих геополитических очерков, «*в течение последнего тысячелетия... является признаком постоянным*¹), распространяясь на южное и юго-восточное «подбрюшье» России, где в последние годы сталкиваются между собой не только «американская мания господства и российский «бунт»², но и евразийские векторы активности ЕС, Турции, Китая, монархий Персидского залива, а также Ирана.

Новая глобальная биполюсность (стремительно формирующая свою архитектуру благодаря усилению Китая), вне сомнения, повысит общую геополитическую значимость всей «полосы» постсоветских (и в целом – евразийских) лимитрофов и активизирует борьбу за передел в ней сфер влияния, ведя к её трансформации (чреватой как рождением нового порядка, так и общей деструкцией³), к усложнению структуры, придавая ей ещё бóльшую мозаичность, а также полимасштабность. Сами «лимитрофы» (как особый

¹ Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первое. Евразийское книгоиздательство. 1927. С. 257.

² Адамишин А. Л. Конец Холодной войны 30 лет спустя // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 94–108.

³ Неклесса А. И. Небесный Вавилон, гибридный мир и сирийская комбинаторика // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 105.

геополитический феномен) имеет смысл, кстати, рассматривать и идентифицировать лишь в случае наличия как минимум двух соперничающих («здесь и сейчас») за сферы влияния держав; если, по различным причинам, на конкретной территории достигается гегемония лишь одной из них – черты «лимитрофности» утрачиваются, но, одновременно, усиливаются проявления зависимости и периферийности. «Лимитрофные» структуры (воплощая в себе свойства «двойной», «тройной» и более периферии) предстают, следовательно, порождением (и проявлением) состояний би- и полицентричности мира (и его отдельных регионов), присущих им нестабильности, транзитивности. Они же (в условиях фактической множественности равновесных «центров силы») «взаимонаслаиваются» друг на друга, образуют неустойчивые, зачастую неявные, не всегда до конца чётко выраженные иерархии.

Так, к примеру, в российском политическом дискурсе традиционно превалирует восприятие Украины как российского лимитрофа¹ (замечу, что подобное видение, равно как и широкое применение в отечественной литературе аналогичного по тональности словосочетания «ближнее зарубежье» – логичным образом вызывает неприятие наших украинских коллег²). И Украина, действительно, даже несмотря на ныне «скукожившийся» объём внешнеторговых связей с нашей страной и неприкрытый антироссийский пафос своей современной государственности – по многим аспектам (лингвистическое и информационное пространство, трудовые миграции, родственные связи и др.) сохраняет «лимитрофность» по отношению к Российской Федерации (в наибольшей мере это выражено в её восточной части³). Впрочем, таксономическим уровнем ниже, у самой Украины имеется реальное взаимопересечение сфер влияния с Российской Федерацией – прежде всего в пределах Донецкой

¹ *Родин И. О.* Современная Украина как государство-лимитроф // Евразийский союз ученых. 2020. № 3–6 (72). С. 33–36.

² *Шаблій О. І.* Основи суспільної географії. Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2012. 295 с.

³ *Фридман Дж.* «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.

и Луганской народных республик (чьи жители, своей частью, продолжают пользоваться зарубежными паспортами Украины, равно как и получать средства из пенсионного фонда этой страны). Сложным «переплетением» русской, украинской и молдавской идентичностей, а также наложением «силовых полей» России, Украины и Молдовы (при превалировании «российского вектора»¹) характеризуется Приднестровье (Приднестровская Молдавская Республика).

Ещё более пёстрая палитра взаимозависимостей присуща современному Южному Кавказу, что в особой мере проявилось после достигнутых в ноябре 2020 г. мирных договорённостей по Нагорному Карабаху и иным сопредельным с ним азербайджанским территориям. Сам Нагорный Карабах по факту оказался лимитрофом Армении, Азербайджана и России (разместившей там свой миротворческий военный контингент и предоставляющей данному региону многоплановую гуманитарную помощь), при том, что Азербайджан выступает в аналогичном качестве для Турции, России и (в более латентном виде) Ирана, а Армения – России, США и ЕС (с особой ролью Франции).

Если же иметь в виду «лимитроф» между «главными» государствами ЕС (Германией, Францией) и Россией, то в подобном качестве могут восприниматься и бывшие социалистические государства Европы, включая ту же Польшу (уже с начала 2000-х претендующую на всё более значимую роль в отношениях Запада и России²). В евразийском мегамасштабе «лимитрофные» характеристики (между Западом и Исламом, между Европой и Азией) продолжает демонстрировать и Турецкая республика, наряду с этим, с начала 1990-х годов активизировавшая свои усилия по выстраиванию «Тюркского мира», а также (с конца 2000-х) – по формированию сферы влияния в пределах бывшей Османской империи.

¹ *Бурла М. П.* Интеграционный потенциал Приднестровья и возможности его реализации в условиях неопределённости международного политико-правового статуса // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2019. № 8. С. 105–116.

² *Казин Ф. А.* «Фактор лимитрофов» в отношениях России с Евросоюзом // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 96–100.

Евразийские реалии характеризуются, в итоге, исключительной инвариантностью «лимитрофов», при том, что соответствующие свойства и характеристики территории, оказываются, в свою очередь, весьма и весьма соотносительны: любой «центральный» таксон (ареал, область, «держава») может, одновременно, в иных (более крупных территориальных структурах) выступать и в некой «лимитрофной» ипостаси.

Подвержена «лимитрофность» и влиянию фактора времени, поскольку нет (и в принципе не может быть) ни абсолютных (на все эпохи) «центров – ядер» (держав), ни территорий, обречённых на извечный статус «лимитрофа». Показателен, в этой связи, пример Польши, Турции и Ирана – однозначно выступавших в роли лимитрофов в «Большой игре» XIX–XX вв., а ныне, в XXI столетии, всё решительнее претендующих на обретение (в соответствующем макрорегиональном масштабе) подобия статуса «центральности», в том числе и в пределах «бывшего СССР». И у данного процесса, полагаю, есть несомненная общественно-географическая обусловленность, связанная в том числе с **социально-экономической инверсией евразийского пространства** (выраженной даже в условиях «москвоцентричности»), когда в его внутренних областях, приходящихся преимущественно на Российскую Федерацию, имеет место «разреженность» в локализации хозяйства и населения («экономическая плотность» в нашей стране, исчисленная как объём ВВП на квадратный километр территории, – в 6,3 раза ниже среднего по евразийскому материка показателя; более чем 12-ти кратная дистанция наблюдается и по плотности населения¹). Подобная ситуация (подпитываемая неблагоприятной для нашей страны постсоветской демографической динамикой и уже фактически десятилетней стагнацией в экономической сфере) создаёт подспудные предпосылки для реформатирования

¹ Дружинин А. Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.

ранее сложившихся центрально-периферийных зависимостей, в том числе и трансформации тех или иных компонент «лимитрофа» в подобие «центральных зон». Данная инверсия выступает также одним из мотивов и, одновременно, «антифакторов» нового «собирания» «России – Евразии». В этом же контексте сама Россия (при определённых, неблагоприятных для неё обстоятельствах) способна оказаться в качестве наиболее крупной составляющей нового, зарождающегося паневразийского по своему масштабу мегалимитрофа «Европа – Китай».

Для Российской Федерации, конечно же, крайне важно избежать перспективы превращения из «крупнейшей евразийской державы» (а именно такой статус страны зафиксирован ещё в 2000 году в «Концепции внешней политики Российской Федерации»¹) в наиболее обширный по своей площади евразийский лимитроф. Ради противодействия подобной метаморфозе, Россия не только должна обрести опережающий среднемировые темпы (и устойчивый) социально-экономический рост, добиться реальной технико-технологической независимости, но продолжать выстраивать (и отстаивать) сферы влияния, в первую очередь – в пределах своих евразийских лимитрофов.

«Включение в мировую Державу [Россию – А. Д.], – подчёркивал Г. В. Вернадский, – даёт отдельным краям и народностям неоценимые культурные и экономические выгоды, делает их сопричастниками мировой жизни»². И данный тезис, полагаю, оставался абсолютно корректным практически вплоть до самого момента разрушения СССР. Но в последующие десятилетия статус Российской Федерации как «мировой державы» оказался под большим вопросом, а входившие ранее в состав России (СССР) её бывшие «края и народности» оказавшись в сфере действия (и интересов) иных геоэкономических и геополитических доминант, стали стремиться

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 28 июня 2000 года. [Электронное издание] <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (Дата доступа – 4.12.2020)

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 231.

интегрироваться в глобальные структуры и процессы самостоятельно, минуя посредничество Москвы. И России в своём современном «количестве» и, что ещё существеннее, «качестве» – сложно, практически невозможно изменить, переломить эту ситуацию, тем более, что в значительной части постсоветских государств она вполне вписывается в логику «многовекторности», «нового неприсоединения» (провозглашаемую и самой Российской Федерацией).

Характерно, что геостратегическую «многовекторность» последовательно культивируют и реализуют даже постсоветские страны, выступающие ближайшими стратегическими партнёрами Российской Федерации (в рамках Союзного государства, Евразийского экономического союза, а также ОДКБ). В данном контексте **удержание Россией своих позиций в Евразии – в существенной мере связано именно с сохранением оконтуривающего её с запада и юга пояса лимитрофов, с наращиванием в них своего влияния.** Реалии (социально-экономические и этнокультурные), при этом, таковы, что **Российская Федерация, вне сомнения, в существенно большей мере заинтересована именно в сохранении своих лимитрофов, в укреплении в них «российского вектора», чем в их каком-либо «поглощении», инкорпорировании в состав российского государства.**

Как не без основания полагали классики «евразийства», *«Россия должна остерегаться от всяких попыток присоединить к себе ту или иную страну, не входящую в географические пределы Евразии»*¹. Появление, а также вступление в социально активную стадию жизни уже постсоветских поколений с существенно видоизменённой (по сравнению даже с их родителями) идентичностью, позволяют переформулировать, скорректировать данный императив: **включёнными в Российскую Федерацию могут быть лишь территории с явной принадлежностью (либо абсолютным, решительным тяготением) к «Русскому миру»** и подобные шаги, кроме того, должны быть максимально осмыслены, выверены,

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. С. 58.

оценены с точки зрения своих ближних и дальних политических, культурных и экономических последствий.

Финансово-экономический аспект гипотетического инкорпорирования в состав современной России того или иного из её современных евразийских лимитрофов, кстати, весьма и весьма существенен, поскольку бенефициарами «приращения» территорий могут стать крупнейшие российские корпорации (их собственники и высший менеджмент), а издержки неизбежно окажутся перераспределены на всё общество, на федеральный бюджет, усугубляя накопившееся в стране (очень опасное для неё!) бремя социальных и инфраструктурных проблем.

Бюджетно-финансовая «цена» возможного присоединения, впрочем, всегда конкретна, зависима от ситуации. Если остановиться лишь на одном из её аспектов, связанных с «выравниванием» до среднероссийского (или близкого к нему, как это сейчас имеет место в Крыму) уровня пенсионного обеспечения, то наиболее существенной она окажется применительно к Украине, где (без учёта ДНР и ЛНР и, конечно же, Крыма) на 2018 год получателями различного рода пенсий согласно официальной украинской статистике выступало более 11,7 млн человек, а средняя пенсия равнялась 2479 гривнам (6620 рублей по курсу на конец ноября 2020 года). При этом, в самой Российской Федерации в аналогичный временной период средний размер начисленной пенсии составлял 13323 руб. (в том числе в Республике Крым – 12099 руб.). В итоге, лишь одна «доводка» размеров пенсий на Украине (в случае её абсолютно гипотетической реинтеграции в состав России) до «крымского уровня» способна вызвать дополнительную ежегодную трату в российском бюджете в размере 770 млрд рублей. Общая же величина вероятностной «украинской составляющей» пенсионных выплат РФ (в размере, сопоставимом с крымским) достигнет 1,7 трлн. рублей. Пенсионные расходы нашей страны, в итоге, вырастут на 20 % (с 7 до 8,7 трлн. руб.), что, конечно же, непростой ношей ляжет на бюджет, ухудшит (практически, сведёт на нет) возможности реализации каких бы то ни было (столь необходимых!) позитивных социальных, пространственных и иных

изменений.

«Пенсионные издержки» Российской Федерации за объединение с Белоруссией (где с августа 2020 г. резко проявился феномен «отложенного национализма»¹), кстати, существенно ниже, поскольку средний размер начисленной пенсии (11334 руб.) в этой республике лишь на 17 % уступает аналогичному российскому показателю и связанный с интеграцией «довесок» (с учётом, что в Республике Беларусь сейчас чуть более 2,5 млн получателей пенсии) составит лишь 61 млрд. руб., и это, кстати, уже не столь критично, учитывая сохраняющуюся пролонгированную финансовую поддержку, оказываемую этой стране со стороны Российской Федерации (согласно экспертным оценкам² ежегодная общая сумма дотаций, субсидий и преференций при поставке российских энергоносителей, а также других видов экономической помощи Белоруссии достигает 10 млрд долл. США в год).

Иная ситуация в Армении, где в анализируемый период (2018 г.) получателями пенсий являлись чуть более 460 тыс. человек, а средняя величина начисленных пенсий составляла эквивалент 6100 руб. («цена» выравнивания пенсий в этой стране до уровня Республики Крым, соответственно – 33,1 млрд руб. в год). Что касается Казахстана, то средний размер пенсий в этой стране – выше среднероссийского (на 1.01.2019 – 15422 руб. в пересчёте по актуальному на ноябрь 2020 года курсу), да и общая численность их получателей (в силу возрастной структуры населения) – также сравнительно невелика (около 2,2 млн человек).

Всё выше перечисленное, разумеется, – не более чем простая финансовая арифметика, которую можно лишь учитывать в реальной политике. Ведь как это абсолютно верно сформули-

¹ *Межевич Н. М.* Белоруссия: феномен отложенного национализма // Валдай. Международный дискуссионный клуб. [Электронное издание] https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/belorusiya-fenomen-otlozhennogo-natsionalizma/?utm_source=newsletter&utm_campaign=187&utm_medium=email (Дата доступа – 11.09.2020)

² *Сыздальцев А.* Кризис Союзного государства Белоруссии и России // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64, № 3. С. 56–67.

ровано в классических «евразийских» текстах – «справедливая и правильная организация экономической жизни является не целью в себе, но средством, необходимым для духовного процветания человека...»¹, а эгоцентризм «по существу антикультурен и антисоциален; он препятствует общежитию в широком смысле слова»². Впрочем и любого рода «покупка» лояльности той или иной территории – вещь заведомо сомнительная и с моральной, и с сугубо прагматической точки зрения, способная (в значительной части конкретных ситуаций) воспроизвести эффект «Троянского коня».

Российской Федерации, чтобы успешно реализовывать свой евразийский интеграционный проект и, одновременно, не оказаться в положении «самого обширного» лимитрофа, необходимо, в этой связи, становится либо мощнее (во всех аспектах), либо жертвеннее (представления Л. Н. Гумилёва о пассионарности³ – в данном случае и инструментарий, и индикатор, и ключ к пониманию современной ситуации, равно как и перспективы).

Россия сможет сохранить «центральность» в Евразии (в её «сердцевинной» части) исключительно будучи гиперактивна, сверхэффективна и формируя (на этой основе) собственное «большое пространство», одновременно чётко осознавая, что последнее не может (и не должно) оказаться для страны и её народов – непомерно «большим» (разнородным, аморфным, своими фрагментами изначально ориентированным на различные внешние центры). В этой связи, уже в самые ближайшие годы Российской Федерации предстоит, вне сомнения, преодолеть сложную траекторию между Сциллой и Харибдой – инерцией «скукоживания» былой великой державы и реализуемой по многим направлениям контртенденцией – реинтеграцией былых российских территорий, зачастую чреватой экономическими издержками и геостратегическими

¹ Евразийство. Декларация, формулировки, тезисы. Издание евразийцев. Прага: Политика, 1932. С. 18.

² Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920. С. 9.

³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.

рисками, способной породить потенциальные предпосылки для «расшатывания» страны (в том числе её территориальной целостности) уже изнутри.

Впрочем, в XXI столетии (всё чаще воспринимаемом как время перманентной войны¹, в которой сам феномен интервенции, тем не менее, уходит на второй план², а оккупация переосмысливается как социокультурная реконструкция³) Россия, как это подмечают даже зарубежные аналитики, «ищет пути обеспечения собственной безопасности, а не экспансии»⁴. Учитывая евразийские реалии, для нашей страны, её геоэкономики и геополитики, крайне важно, при этом, чтобы лимитрофы не просто **сохранялись**, но и **обретали существенно бóльшую «россиеориентированность»**, чтобы они не трансформировались (под влиянием внерегиональных сил) в нацеленный против Российской Федерации «санитарный кордон», не становились для неё источником военных, информационных, биологических и иного рода «гибридных» угроз.

Продолжая формировать, множить и расширять «островки» влияния как на постсоветском пространстве, так и в целом в пределах всей Евразии (в том числе и стремясь поставить под контроль максимально возможный объём геоэкономически и ресурсно ценных пространств⁵), Россия должна далее не только фокусировать приоритетное внимание на ситуации в своих лимитрофах (а весьма позитивная переоценка их значимости для нашей страны уже имеет место, что, в частности, наглядно

¹ Неклесса А. И. Небесный Вавилон, гибридный мир и сирийская комбинаторика // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 92–107.

² Дрезнер Д., Кребс Р., Швеллер Р. Конец Большой стратегии // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 83–95.

³ Неклесса А. И. Небесный Вавилон, гибридный мир и сирийская комбинаторика // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 92–107.

⁴ Фридман Дж. «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. С. 281.

⁵ Естафьев Д., Ильницкий А. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 58–68.

иллюстрируют новые декларируемые приоритеты в деятельности Россотрудничества¹), но и выстраивать по отношению к ним адаптивную, учитывающую реалии взаимоотношений с каждым конкретным постсоветским государством политику: в одних ситуациях чётко декларируя незыблемость границ, юридических статусов и союзнических обязательств, в других – осуществляя всемерное и эффективное сдерживание антироссийских сил и режимов и, при этом, во всех случаях, повсеместно, однозначно и неизменно поддерживая «русскость», «россиефильность», всё, что ориентированно на позитивное взаимодействие с Россией, на интересы и самой нашей страны, и (в более широком контуре) – всей «России – Евразии».

Постепенное (но неуклонное) восстановление евразийской целостности (в которой, как постулировали классики – *«слово «евразиец» и «русский» уживаются вместе не заменяя и не исключая друг друга»*²) необходимо осуществлять в «разноскоростном» режиме, в основном «мягко», но, моментами, и «жёстко», совмещая возможности (и стратегии) **общего государственностроительства** (осознавая, при этом, что если «СССР 2,0» всё ещё, в силу позитивной памяти, ментальности – отчасти возможен, то «Российская Империя 2,0» вряд ли будет всерьёз востребована в качестве прототипа совместного будущего) и, наряду с этим, **взаимоподдерживающего соразвития** государств на единой территориальной (евразийское «месторазвитие»), инфраструктурной (трансграничная система железнодорожных и автомобильных магистралей, трубопроводов, электрических сетей, морских портов и др.), коммуникативно-лингвистической (русский язык), общеэкономической (единое ресурсное, производственно-технологическое, таможенное пространство и, что важно, значимо – общая система фи-

¹ В Россотрудничестве объявили о смене приоритетов [Электронное издание] <https://eurasia.expert/v-rossotrudnichestve-obyavili-o-smene-prioritetov/> (Дата доступа – 28.11.2020)

² Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга четвёртая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. С. 379.

нансовых взаиморасчётов) а также, вне сомнения (учитывая, что в качестве главного конкурентного преимущества России ныне воспринимается именно военная мощь¹), военно-технологической основе. Именно таковой видится адаптивная, учитывающая реалии XXI века, имплементация «классических» подходов, равно как и магистральный, соответствующий возможностям и интересам нашей страны вектор её евразийской геостратегии.

¹ Эллисон Г. Новые сферы влияния // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 111–124.

Заключение

Общественно-географическая реальность – сложна и непредсказуемо динамична; неизбежные её метаморфозы подвергают кардинальной, подчас жёсткой ревизии любого рода умозаключения, идеи, концепты. Пролонгированные социальные процессы (в том числе геополитические, геоэкономические) предопределяют, впрочем, и вероятностный ренессанс тех или иных интеллектуальных проектов прошлого, инициируют их возрастающую востребованность, предполагают не только «новое прочтение», но и переосмысление, адаптацию к актуальному контексту, коррекцию, творческое развитие базовых установок, подходов, положений.

Идеологемы классического евразийства были сформулированы и озвучены в 1920-е годы. Непростой, противоречивой, но, одновременно с этим, успешной (как уже абсолютно очевидно столетие спустя!), плодотворной оказалась их последующая «судьба». Базирующиеся на конкретном географическом (а равно – историческом, этнологическом, экономическом, культурологическом) анализе представления П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского (и целой плеяды их соавторов, сподвижников) о «России-Евразии», её «месторазвитии», о «континентальности» нашей страны, о значимости для неё «внутриконтинентальных соседств», равно как и потенциале её «разворота к океану», о русско-туранских (тюркских) «скрепах» (во многом предопределивших пространственный контур государства и его фундаментальные характеристики) – не только оказались созвучными эпохе их становления, зарождения, но и по целому ряду моментов существенно опередили своё время. Они и поныне сохраняют безусловный инновационный научно-концептуальный и мировоззренческий потенциал, способны служить ориентиром в условиях растущей геостратегической нестабильности, неопределённости – неизбеж-

ной «спутнице» свершающихся (и, в ещё большей мере, вероятностных, пока лишь предвкушаемых) социально-экономических масштабных «тектонических сдвигов».

Современная Россия (Российская Федерация), конечно же, существенно отличается и от «предреволюционной» Российской Империи (выпестовавшей мировосприятие основоположников «евразийства»), и от Советского Союза (идеологически дистанцированного от евразийской доктрины, но, при этом, во-многом практически реализовавшего её постулаты в государственном, хозяйственном, национальном строительстве). Иные, к сожалению (!), сейчас у нашей страны «мощь», место в мире, имидж, внешние рубежи. За истекший вековой период серьёзнейшую (особенно – в последние три десятилетия) трансформацию претерпело и евразийское пространство, демонстрирующее возрастающую фрагментированность и многополюсность, оказавшееся плотно инкорпорированным в глобальные процессы, ставшее важнейшей ареной возобновившейся с новой силой геополитической «Большой Игры». Стремительно меняется, впрочем, и всё Мировое общество, обретая не только новые технико-технологические возможности и пространственные «скрепы», но и сталкиваясь со стремительно прирастающими (в экономике, гуманитарной сфере, экологии, области вооружений и др.) проблемными ситуациями, рисками, с эскалацией саморазрушительного для него (и имеющего повсеместные проявления) социального неравенства, отчуждения, ксенофобии, эгоизма. Обращаясь к текстам классиков «евразийства», по новому воспринимая их (и переосмысливая) – чрезвычайно важно, в этой связи, не только ориентироваться на их «букву», но и видеть, ценить их «дух», диалектику, мощный (до сих пор в полной мере не реализованный) когнитивный и конструктивный потенциал.

Междисциплинарность и поистине общепланетарный «масштаб» идеологием и подходов основоположников «евразийства» сочетается с их последовательной «россиеориентированностью» и, соответственно, повсеместно просматриваемой «географичностью», в том числе и чётко выраженными элементами обществен-

но-географического анализа (экономико-географического, геополитического, культурно-географического, историко-географического, этногеографического). В своей совокупности всё это – неотъемлемая, органичная и по-прежнему значимая составляющая нашего национального научно-интеллектуального Наследия. Мы же, современные российские географы-обществоведы, вне сомнения, должны помнить, знать, изучать и ценить постулаты классического евразийства, высоко чтить их авторов и, конечно же, ввести Петра Николаевича Савицкого (экономиста-географа, геополитика, исследователя с фундаментальным обществоведческим кругозором) в пантеон наших Выдающихся Предшественников и Учителей.

В новых реалиях воспроизводя свои евразийские факторы развития и характеристики, Российская Федерация уже (пока) не способна, конечно же, ни уподобляться идентифицированному первыми «евразийцами» «срединному материку», ни выступать «по умолчанию» его бесспорной доминантой, аттрактором, лидером. Идея устойчивой сопряжённости России и Евразии («красной нитью» проходящая через классические «евразийские» издания) всё же сохраняет свою изначальную ценность, фокусируя внимание на глубинной зависимости перспектив развития нашей страны и от её архисложной региональной, этнотерриториальной структуры, и от иных глобальных и евразийских «центров силы», и от оконтуривающего наше порубежье пояса старых и новых государств-соседей.

В текущем XXI столетии, когда именно Россия предстаёт одним из основных ареалов (и, вероятно, драйверов) грядущих геополитических и этнокультурных метаморфоз, не утрачивают свою ценность, актуальность и «евразийское» видение многообразия путей общественно-исторического развития и, следовательно, принципиально значимый акцент на преодоление нашей страной неприемлемых, крайне нежелательных для неё элементов периферийного геоэкономического и геокультурного статуса, установка на обретение реальной (а не декларативной) суверенной, самостоятельной позиции. Важно лишь, при этом, не проигнорировать

мнение «классиков», совершенно справедливо полагавших, что *«стремление к государственной самостоятельности... является оправданным... когда оно проявляется во имя самобытной национальной культуры, ибо государственная самостоятельность как самоцель – бессмысленна»*¹.

Сохраняя и обустроивая Россию, воспринимая нашу страну как особую цивилизационную целостность, укрепляя её планетарные позиции, отстаивая гуманитарные и хозяйственные интересы, защищая рубежи – важно, при этом, не заикливаться на геополитике, равно как и не сводить всё исключительно к экономике (в том числе и, как призывали первые «евразийцы», *«охранить себя от психологической американизации», при которой техника и материальные блага получают перевес над всем остальным и погоня за наживой становится единственной движущей пружиной – частной и общественной жизни»*²).

Человеческая же повседневность ныне, к сожалению, предельно и во вселенском масштабе сфокусирована уже не только на иллюзорных «экономических эффектах», либо потреблении (зачастую – бездумном и саморазрушительном), но и на элементарном выживании. Однако именно на этом (весьма удручающем) фоне многократно актуализируются вопросы развития культуры и духовности (в самом широком их понимании!), также составляющие мощный «пласт» классического «евразийского» наследия, к сожалению пока лишь частично вовлечённый в научный и интеллектуальный «оборот». В настоящее время и они, вне сомнения, становятся важнейшим фактором грядущей устойчивости российского общества, равно как и воспроизводства, сохранения нашего коллективного «месторазвития» (включая его природный компонент), конкурентного потенциала страны, её способности вновь вернуть себе былые (присущие эпохе СССР) глобальные ли-

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 78.

² Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. С. 165.

дерские позиции и, конечно же, стать притягательной для других народов. В этой связи прав, абсолютно прав был Г. В. Флоровский, когда столетие назад подчёркивал: *«Не о «Великой России» только должно гореть наше сердце, но прежде всего и перее всего, об очищении помрачённой русской души»*¹.

Именно акцент на возрождение и развитие русской культуры (в органичном, исторически сложившемся её единстве с культурами других народов России, а также на основе перманентного селективного заимствования лучших «мировых образцов»), дополненный одновременной манифестацией и безусловным признанием культурной суперценности для нас (граждан страны) самой российской территории (обширнейшей, беспрецедентной в планетарном масштабе, созданной многовековыми усилиями и, зачастую, жертвами нашего народа), – может, полагаю, стать базовым элементом, сердцевиной той «Большой Идеи» (правящей народами², жизненно необходимой для нашей «идеологизированной» страны³, способной наполнять национальное существование смыслом⁴), без которой, конечно же, сложно, практически невозможно ни сохранить, ни реконструировать «Россию – Евразию», ни выстроить, организовать архитектуру «большой» евразийской интеграции.

Призывая творить, создавать национальную культуру *«свободным напряжением индивидуальных сил»*⁵, авторы классических «евразийских» текстов явили нам замечательный, достойный

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. С. 13.

² Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. 175 с.

³ Караганов С. Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32.

⁴ Естафьев Д., Ильницкий А. Предположения о грядущем мире // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 58–68.

⁵ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.

подражания образец подобного «творческого напряжения». Наша же профессиональная (и гражданская, патриотическая) задача – сберечь, приумножить этот уже столетие сохраняющийся интеллектуальный импульс и, думая о России, не переоценивая (и не умаляя) ни её историческую «державность», ни системные риски, проблемы последующего развития, настойчиво преодолевая застарелую (и пагубную) привычку мнить себя (равно как и иных) «старшим братом», осмысливая сложно структурированную, неминуемо меняющуюся общественно-географическую реальность и, при этом, чётко осознавая единство и многообразие нашего Земного Мироздания, – нарабатывать новые концептуальные контуры ориентированного на позитивную перспективу широкого взаимодействия регионов, государств и народов не только в евразийском, но и планетарном масштабе.

Библиография

1. *Адамишин А. Л.* Конец Холодной войны 30 лет спустя // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 94–108.
2. *Александрова Т. Е.* Морская инфраструктура России: теория, основные этапы развития, проблемы. СПб.: “АврораДизайн”, 2010. 352 с.
3. *Алхименко А. П.* Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб., 2005, С. 5–23.
4. *Андреев А. Л.* Европа или Евразия? // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 10. С. 913–917.
5. *Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 334 с.
6. *Арбатова Н.* Станет ли Европейский союз мировым центром силы? // Мировая экономика и международные отношения. 2020, Т. 64, № 6. С. 51–65.
7. *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. С. 67.
8. *Асмус Р.* Евро-атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 3. С. 66–77.
9. *Баграмов Э. А.* От евразийской идеи к евразийскому сообществу // Евразия. Культуры. Народы. Религии. 2001. № 1–2. С. 80–85.
10. *Байфорд Э.* Евразия, пришедшая в движение // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 317–322.
11. *Бакланов П. Я.* Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015, № 5. С. 8–19.
12. *Бакланов П. Я., Мошков А. В., Романов М. Т.* Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2018. № 4. С. 74–82.
13. *Барановский В.* Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 7–23.

14. *Батюк В.* Баланс сил между США и РФ // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64, № 8. С. 63–69.
15. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
16. *Безруков Л. А.* Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // *Социально-экономическая география. Вестник АРГО.* 2015. С. 12–23.
17. *Безруков Л. А.* Политико-географические проблемы делимитации Севера и Арктики России // *География и природные ресурсы.* 2015. № 4 С. 68–80.
18. *Безруков Л. А.* Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // *Региональные исследования.* 2018. № 2 (60). С. 79–89.
19. *Безруков Л. А.* Географический смысл создания «Большой Евразии» // *География и природные ресурсы.* 2018. № 4. С. 5–14.
20. *Беляков С. С.* Евразийство Л. Н. Гумилёва // *Уральский исторический вестник.* 2009. № 4 (25). С. 14–22.
21. *Бердин А. Т., Буранчин А. М.* Современные течения евразийства в политической жизни России // *Панорама Евразии.* 2008. № 1. С. 58–64.
22. *Бердин А. Т.* Основные направления евразийства в постсоветской России // *Вестник Академии наук Республики Башкортостан.* 2015. Т. 20. № 4 (80). С. 49–58.
23. *Бердяев Н. А.* Евразийцы // *Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов.* М., 1992.
24. *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. Госиздат: Москва-Ленинград, 1930. 348 с.
25. *Биллингтон Д.* Россия в поисках себя. М., 2006.
26. *Богучарсков В. Т.* История географии и современность. М.: Академический проект, 2006. 560 с.
27. *Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова.* М.: Издательство «Весь Мир», 2014. 704 с.
28. *Бордачёв Т.* Новое евразийство // *Россия в глобальной политике.* 2015. № 5. [Электронное издание] <https://www.globalaffairs.ru/number/Новое-evraziistvo-17754> (Дата доступа – 23.08.2020)
29. *Бордачёв Т.* Биполярность или баланс? // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 4. С. 70–82.

30. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. 592 с.
31. *Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В.* Россия: новая империалистическая держава? // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 74–87.
32. *Бурла М. П.* Интеграционный потенциал Приднестровья и возможности его реализации в условиях неопределённости международного политико-правового статуса // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2019. № 8. С. 105–116.
33. *Вардомский Л. Б.* Государственная идентичность и пространственное развитие России: опыт столетия или уроки русских революций // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 12. С. 33–50.
34. *Вахитов Р. Р.* Евразийство и европеизация в России начала XX века: «Российский ориентализм» и антиориентализм евразийства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 2.
35. *Вахитов Р. Р.* Синтетический образ России-Евразии // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 193–200.
36. *Верещагин А. С.* Критики и сторонники евразийства: современные течения и интерпретаторы // Вестник ВЭГУ. 2009. № 6 (44). С. 4–14.
37. *Вернадский В. И.* Труды по истории науки. М.: Наука, 2002. 501 с.
38. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 264 с.
39. *Винокуров Е. Ю., Либман А. А.* Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2012.
40. *Витвер И. А.* Избранные сочинения. М.: Изд-во МГУ, 1998. 592 с.
41. *Гаджиев К.* Большие трещины на “Великой шахматной доске” // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 1. С. 29–42.
42. *Гаджиев К.* О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 102–112.
43. *Гарлик А. И.* Идеи евразийства в контексте современного развития России. Улан-Удэ, 2000. 364 с.
44. *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881. 170 с.
45. *Гаспринский И.* Россия и Восток. Казань, 1993. С. 62.

46. *Герасименко Т. И.* Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилёва. 2012. С. 38–50.
47. *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 846 с.
48. *Голубчиков Ю. Н.* Север в геостратегии России // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 4. С. 7–13.
49. *Горкин А. П.* О релятивности показателей и понятий в социально-экономической географии // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 1. С. 8–16.
50. *Горкина Т. И.* Океанический шельф как район нового освоения для мировой экономики // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 3. С. 19–28.
51. *Горохов С. А.* Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX – начале XXI в. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 6. С. 107–116.
52. *Горохов С. А.* География религий. Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
53. *Горшков С. Г.* Морская мощь государства. М.: Воениздат, 1976. 416 с.
54. *Горяев А. Т.* Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2001. 160 с.
55. *Грэм Т.* Пусть Россия будет Россией // Россия в глобальной политике. 2020. № 1. С. 174–190.
56. *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1967. 504 с.
57. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 497 с.
58. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
59. *Гумилев Л. Н.* Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3.
60. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). 606 с.
61. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
62. *Дергачёв В. А.* Создание зон комплиментарного развития на социокультурных рубежах // Вестник МГУ. Мер. 5. География. 1996. № 4.
63. *Дергачёв В. А.* Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 584 с.
64. *Дец И. А.* Подходы к идентификации и делимитации хинтерландов морских портов России на примере Новороссийска и Санкт-Петербурга // Географический вестник. 2017. № 4 (43). С. 60–68.

65. *Дмитревский Ю. Д.* Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап её решения) // *География в школе.* 1995. № 4. С. 32–36.
66. *Добрецов Н. Л., Конторович А. Э., Кулешов В. В.* и др. Стратегия социально-экономического развития Сибири: научные основы и начало реализации // *Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации.* М.: Наука, 2004. С. 479–592.
67. *Донских О. А.* Как мы потеряли Евразию // *Гуманитарные проблемы военного дела.* 2018. № 2(15). С. 33–37.
68. *Дрезнер Д., Кребс Р., Швеллер Р.* Конец Большой стратегии // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 4. С. 83–95.
69. *Дружинин А. Г., Суций С. Я.* География русской культуры: подходы к исследованию // *Известия русского географического общества.* Т. 125. Вып. 6. 1993.
70. *Дружинин А. Г.* Русский регионализм – явление в контексте геоэтно-культурогенеза // *Научная мысль Кавказа.* 1996. № 1. С. 3–10.
71. *Дружинин А. Г.* Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
72. *Дружинин А. Г.* Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилёва // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилёва.* 2012. С. 51–57.
73. *Дружинин А. Г.* Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов.* 2013. № 2. С. 25–36.
74. *Дружинин А. Г.* Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов.* 2014. № 3. С. 29–40.
75. *Дружинин А. Г.* Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
76. *Дружинин А. Г.* «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // *Известия РАН. Серия географическая.* 2016. С. 10–19.
77. *Дружинин А. Г.* Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // *Социально-экономическая география. Вестник АРГО.* 2017. № 6. С. 24–38.

78. Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Йылмаз С., Кромбах С. Российский вектор в современной евразийской геополитике Турции // Научная мысль Кавказа. 2017. № 3. С. 5–12.
79. Дружинин А. Г. Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геоэкономический аспект // Географический вестник. 2018. № 2. С. 28–39.
80. Дружинин А. Г. Евразийский вектор развития современной России: тюркская составляющая // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. № 4 (14). С. 11–24.
81. Дружинин А. Г. Пролонгация “москвоцентричности” российского пространства: pro et contra. // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.
82. Дружинин А. Г., Дун Явень. «Один пояс – один путь»: возможности для регионов западного порубежья России // Балтийский регион 2018 (10).. № 2. С. 39–55.
83. Дружинин А. Г. Геоконцепт «Евразия»: содержательные метаморфозы в меняющемся общественно-географическом контексте // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2019 (8). С. 24–44.
84. Дружинин А. Г. Трансформация пространства России в контексте формирования «Большой Евразии»: важнейшие факторы и векторы // Вопросы географии. Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред В. М. Котлякова и В. А. Шупера. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 110–143.
85. Дружинин А. Г. Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 4. С. 136–151.
86. Дружинин А. Г. Региональная локализация морехозяйственной активности в современной России: особенности, структуры, эффекты // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 34–45.
87. Дружинин А. Г., Лачининский С. С. Россия в Мировом океане: геоэкономические и геополитические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия Русского географического общества. 2019. Вып. 6. С. 1–19.
88. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2020. 268 с.
89. Дружинин А. Г. «Морская составляющая» общественной географии современной России: базовые подходы и концепты // Географический вестник. 2020. № 2 (53). С. 24–37.

90. Дружинин А. Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России: общественно-географические проекции // География и природные ресурсы. 2020. № 2. С. 5–14.
91. Дружинин А. Г. «Морская составляющая» современной российской геополитики: детерминанты, приоритеты, эффекты // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2020. № 9. С. 4–18.
92. Дружинин А. Г. «Миграционная детерминанта» и пространственные особенности формирования диаспор ведущих этносов Центральной Азии в современной России // Псковский регионологический журнал // 2020. № 2. С. 42–54.
93. Дружинин А. Г. Классики «евразийства» о русско-тюркском взаимодействии (взгляд на прошлое, обращённый в будущее) // Псковский регионологический журнал. 2020. № 3 (43). С. 3–15.
94. Дружинин А. Г. Концепт «внутриконтинентальных соседств» в идеологемах основоположников «евразийства» // Научная мысль Кавказа. 2020. № 2. С. 5–13.
95. Дружинин А. Г. «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. № 3. С. 89–104.
96. Дружинин А. Г., Лялина А. В. Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. № 2–1(2). С. 20–35.
97. Дружинин А. Г. Российское Причерноморье в современной Евразии: геополитические и морехозяйственные факторы региональной динамики // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3. С. 5–15.
98. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.
99. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 2000.
100. Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея, 2002. 144 с.
101. Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
102. Дугин А. Г. Геополитическое будущее России: многополярность и основные стратегические перспективы в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 68–97.
103. Дусинский И. И. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Т. 1. Цели нашей внешней политики. Одесса, 1910. 141 с.

104. *Дынкин А., Телегина Е., Халова Г.* Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. № 4, т. 62. С. 5–24.
105. *Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого.* Книга третья. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1923. 175 с.
106. *Евразийский временник. Непериодическое издание / под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого.* Книга четвертая. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 445 с.
107. *Евразийский сборник. Книга VI.* 1929. 79 с.
108. *Евразийство. Декларация, формулировки, тезисы. Издание евразийцев.* Прага: Политика, 1932. 29 с.
109. *Евразийство: философия, история, политика / Под ред. О. Т. Кирсанова.* Ростов-наДону: РГЭУ»РИНХ», 2006. 480 с.
110. *Елацков А. Б.* Общая геополитика. Вопросы теории и методологии в географической интерпретации. Москва: Инфра-М, 2017. 251 с.
111. *Ерасов Б. С.* О геополитическом и цивилизационном устройении Евразии // *Евразия. Народы. Культуры. Религия.* 1997. № 1–2. С. 25–35.
112. *Ерасов Б. С.* Социокультурные и геополитические принципы евразийства // *Полис. Политические исследования.* 2001. № 5.
113. *Еремин Н. А., Кондратюк А. Т., Еремин Ал. Н.* Ресурсная база нефти и газа Арктического шельфа России // *Георесурсы, геоэнергетика, геополитика.* 2010. № 1. С. 23–33.
114. *Естафьев Д., Ильницкий А.* Предположения о грядущем мире // *Россия в глобальной политике.* 2020. № 4. С. 58–68.
115. *Замятин Д. Н.* Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // *Политические исследования.* 2009. № 1. С. 71–90.
116. *Ибрагимов А.* Евразийская идея в Турции: особенности и тенденции // *Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география.* 2015. № 2 (11). С. 18–27.
117. *Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишкин М. Ю.* Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.
118. *Ивашов Л. Г., Кефели И. Ф.* Морская мощь российской Арктики: геополитический аспект // *Морской сборник.* 2012. Т. 1983. № 6. С. 43–49.
119. *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // *Балтийский регион.* 2012. № 2. С. 81–97.
120. *Иноземцев В. Л.* Расколота́я цивилизация: Научное издание. М.: Academia – Наука, 1999. 724 с.

121. *Исаченко А. Г.* Историзм в географии и поляризация основных направлений её эволюции // Известия РГО. 2011. Вып. 3. С. 1–16.
122. *Исаченко А. Г.* История географической науки как эстафета поколений учёных. Часть 1 // Известия РГО. 2012. Вып. 1. С. 1–16.
123. *Исаев И. А.* Евразийство: миф или традиция // Коммунист. 1991. № 12. С. 106–118.
124. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: Балканы, 1921. 135 с.
125. *Кабузан В.* Русские в мире. СПб., 1996. 352 с.
126. *Каганский В. Л.* «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.
127. *Каганский В. Л.* Евразийская концепция пространства России // Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М.: Наука, 2004. С. 201–216.
128. *Казин Ф. А.* «Фактор лимитрофов» в отношениях России с Евросоюзом // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 96–100.
129. *Кайзер М.* Евразия: социальная реальность или миф? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 4. С. 40–58.
130. *Каледин Н. В.* Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 32–42.
131. *Калуцков В. Н.* «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.
132. *Калюжный В. Г.* Кавказ: зона раздора или ареал сближения (в контексте российско-турецких отношений) // Наука и военная безопасность. 2017. № 3 (10). С. 37–45.
133. *Кара-Мурза А. А.* Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г. Р. Державин // Философские науки. 2017. № 8. С. 121–134.
134. *Караганов С.* С Востока на Запад или Большая Евразия // Российская газета – Федеральный выпуск № 7109 (241). 24.10.2016.
135. *Караганов С.* Новые идеи для себя и мира // Россия в глобальной политике. 2020. № 2. С. 21–32.
136. *Караганов С., Сулов Д.* Россия в мире после коронавируса: новые идеи для внешней политики // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 170–182.
137. *Карбаинов Н. И.* Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // Журнал социологии и социальной антропологии, 21(2): 45–74.

138. *Кефели И. Ф.* Геополитические риски и шансы в процессе становления «Большого евразийского партнёрства» // Геополитика и безопасность. 2017. № 2 (38). С. 38–46.
139. *Кизеветтер А. А.* Евразийство / Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.
140. *Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т., Студженицкий Т., Федоров Г. М.* Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7–28.
141. *Кисловский В.* О морской границе // Морской сборник. 2009. Т. 1945. № 3. С. 30–32.
142. *Козырев Г. И.* Субъектность русской интеллигенции в защите русского мира // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 55–64.
143. *Колесников А. А.* Турция на Каспии: модели влияния на развитие ситуации в регионе // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 10. С. 160–162.
144. *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2002. 479 с.
145. *Колосов В. А.* География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 8–20.
146. *Кортунов С. В.* Россия: не сердиться, а сосредоточиться // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 6. С. 22–33.
147. *Котляков В. М., Шупер В. А.* Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Россия в формирующейся Большой Евразии / под ред. В. М. Котлякова и В. А. Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 357–372.
148. *Кофнер Ю.* Евразийство: классическое, прагматическое, общественное [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eurasian-movement.ru/archives/747> (дата обращения – 22.08.2020).
149. Краткая история Золотой Орды и татарских ханств. К 750-летию Золотой Орды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 136 с.
150. *Крылов М. П.* Роль фактора пространства в науках об обществе и культурная география // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 2. С. 16–28.
151. *Кузнецова Н. И., Одинокова Л. Ю., Розов М. А.* Социальные куматоиды как объекты географии // V Сократические чтения по географии. М.: Эслан, 2004. С. 77–87.

152. Кули А., Нексон Д. Как заканчивается гегемония. Американская мощь расплзается на глазах // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 137–152.
153. Куприянов А. В. Конструируя Аркто-Пацифику // Россия в глобальной политике. 2020. № 6 (106). С. 150–152.
154. Лавров С. Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 28–41.
155. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
156. Лавров С. Б. Л. Н. Гумилёв и евразийство // Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. Спб.: Кристалл; М.: Оникс, 2003 (ГПП Печ. Двор). С. 5–11.
157. Ламанский В. Три мира Азийско-Европейского материка. Санкт-Петербург, 1892. 132 с.
158. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004.
159. Лачинский С. С., Шендрик А. В. Геополитические и геоэкономические мотивы в реализации морехозяйственной стратегии России в регионе Балтийского моря // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5 (15). Вып. 4. 2019. С. 62–74.
160. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 299–430.
161. Лескова И. В. Интеграционный потенциал евразийского пространства // Экономика и социум: современные модели развития. 2012. № 3. С. 171–175.
162. Ливен А. Прогрессивный национализм. Почему национальная мотивация нужна для развития и реформ // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 25–42.
163. Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Изд-во Северного (Арктического) ун-та, 2010. 400 с.
164. Лукьянов Ф. А. По законам военного бремени // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 3 (102). С. 5–8.
165. Лушников О. В. Евразийская идея на современном этапе: цивилизационный, геополитический и геоэкономический аспекты // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2019. № 4. С. 174–186.
166. Лушников О. В. Евразийская идея в России. Истоки и перспективы. Пермь: ЦЕИ ПГГПУ, 2019.
167. Лушников О. В. Классическое и современное евразийство: проблема преемственности идейного комплекса // Научный Татарстан. 2020. № 3. С. 129–140.

168. *Любичанковский А. В.* Пространственные формы этоса в этнологической географии // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2020 (9). С. 37–49.
169. *Люкс Л.* Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М., 2002. С. 136–161.
170. *Люкс Л.* Краткие заметки к дискуссии о «неоевразийстве» Александра Дугина и о «классическом» евразийстве на сайте gefter.ru // Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 204–208.
171. *Максаковский В. П.* Географическая культура. М.: Владос, 1998. 416 с.
172. *Малашенко А.* Российская мусульманская община в мировой Умме // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 98–104.
173. *Малышева Д.* Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 101–108.
174. *Манаков А. Г.* Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в начале XX – начале XXI в. // Географический вестник. 2019, 2 (49). С. 13–24.
175. *Манаков А. Г., Хохрин А. Г.* Трансформация этнического пространства Казахстана и Средней Азии между переписями населения 1970 и 1989 гг. // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2. С. 55–70.
176. *Мартынов В. Л., Кузин В. Ю.* Границы Арктики и границы в Арктике // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 4–17.
177. *Маслин М. А., Лупова А. А.* Эволюция евразийской идеи // Евразийство: Исследования и публикации / гл. ред. Ю. В. Мухачев. М., 2014. С. 42–249.
178. *Маслин М. А.* Классическое евразийство и его современные трансформации // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 201–210.
179. *Матишов Г. Г., Денисов В. В., Дженюк С. Л.* Интегрированное управление природопользованием в северных морях // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 3. С. 27–40.
180. *Межевич Н. М., Шамахов В. А.* Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая: научный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 54 с.
181. *Межевич Н. М.* Белоруссия: феномен отложенного национализма // Валдай. Международный дискуссионный клуб. [Электронное издание] https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/belorusiya-fenomen-otlozhennogo-natsionalizma/?utm_source=newsletter&utm_campaign=187&utm_medium=email (Дата доступа – 11.09.2020)

182. *Менделеев Д. И.* К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.
183. *Миловидов В., Аскер-заде Н.* Протекционизм 2. 0: новая реальность эпохи глобализации // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64, № 8. С. 37–45.
184. *Мироненко Н. С.* Геополитическая концепция евразийства // *Вестн. МГУ. Сер. 5. География.* 1997. № 6. С. 53–65.
185. *Михайлов В. В.* Идеология пантюркизма и мусульманство накануне распада Османской империи // *Религия в мировой истории и культуре.* Санкт-Петербург, 2004. С. 94–98.
186. *Михайлов Ю. П.* Куда идти Сибири: взгляд географа // *География и природные ресурсы.* 2007. № 3. С. 158–165.
187. *Морозова Н. М.* Русский язык в современном глобальном мире // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии.* 2019. № 5–3. С. 258–259.
188. *Мурзагалеев Р. Г.* Россия и тюркский мир в условиях интеграционных процессов в Евразии // *Вестник ВЭГУ.* 2013. № 5 (67). С. 50–58.
189. *Мухамметдинов Р. Ф.* Зарождение и эволюция тюркизма. Казань: За-ман, 1996.
190. На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Геликон, 1922. 357 с.
191. *Назарбаев Н. А.* Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М., 1997.
192. *Назарбаев Н. А.* О формировании Евразийского союза государств. Проект. 3 июня 1994 года // *Назарбаев Н. А. Стратегия независимости.* Алматы, 2003. С. 136–147.
193. *Назаров В. И.* Русский мир как особая социально-экономическая система // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество.* 2019. С. 90–93.
194. *Нарочницкая Н. А.* Русский мир. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 320 с.
195. *Неклесса А. И.* Небесный Вавилон, гибридный мир и сирийская комбинаторика // *Полис. Политические исследования.* 2016. № 3. С. 92–107.
196. *Овлащенко А. В.* ЕС: Единая морская политика как императив // *Современная Европа.* 2008. № 1(33). С. 42–5.
197. *Окунев И. Ю.* Политическая география. М.: Аспект Пресс, 2019. 512 с.
198. *Орлик И. И.* Евразийство: от зарождения до наших дней // *Новая и новейшая история.* 2010. № 1. С. 55–70.
199. *Орлова И. Б.* Евразийская цивилизация. М.: Норма, 1998.

200. Орлова И. Б. Евразийская идея: от истоков к современности // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 187–201.
201. Основы евразийства. М.: Арктогея-Центр, 2002. 624 с.
202. Панарин А. С. Между атлантизмом и евразийством: цивилизационный процесс и вызов Запада // Свободная мысль. 1993.
203. Панарин А. С. Атлантизм и евразийство: два сценария для России // Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994.
204. Панарин А. С. Православная цивилизация. М., 2014.
205. Пантин В., Лапкин В. Трансформация национального государства в условиях меняющегося мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 11. С. 95–104.
206. Парубочая Е. Ф. Интеграция тюркского мира на современном этапе // Грамота. 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 147–151.
207. Пащенко В. Я. Идеология евразийства. М., 2000.
208. Печатнов В. США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 10. С. 5–16.
209. Пилясов А. Н., Путилова Е. С. Новые проекты освоения российской Арктики: пространство значимо // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 21–43.
210. Покишишевский В. В., Федоров Г. М. Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана // География океана: теория, практика, проблемы. Л.: Наука, 1988. С. 148–161.
211. Половинкин С. М. Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. 1995. № 1. С. 731–761.
212. Потоцкая Т. И. Геополитический аспект современного транспортно-географического положения России // Известия РАН. Сер. географическая. 2018. № 3. С. 5–17.
213. Пржевальский Н. М. Четвёртое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашёва, 1888. 556 с.
214. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации : монография / под ред. А. Г. Дружинина. Сер. Научная мысль Балтийского федерального университета. М.: «ИНФРА-М», 2018. 216 с.
215. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.

216. Путин В. В. Большая Евразия – проект, устремленный в будущее // Большая Евразия. № 1. 2018.
217. Пылев А. И. Взаимоотношения Турции и «тюркского мира» СНГ: эволюция, итоги, уроки // Вестник Пермского университета. 2009. № 4 (8). С. 78–83.
218. Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого), Отдел V // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. СПб.: Питер, 2007.
219. Родин И. О. Современная Украина как государство-лимитроф // Евразийский союз ученых. 2020. № 3–6 (72). С. 33–36.
220. Родман Б. Б. О понятиях «материк», «континент» и «часть света» // Известия ВГО. 1959. № 2. С. 159–160.
221. Родман Б. Б. География, районирование, картоиды. М.: Ойкумена, 2007. 368 с.
222. Романенко А. А. Морские порты, транспортный флот и судостроение России // Морехозяйственный комплекс России. Санкт-Петербург: РГО, 2005. С. 24–73.
223. Россия в формирующейся Большой Евразии. Вопросы географии. Сб. 148. / В. М. Котляков, В. А. Шупер. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.
224. Россия и латинство. Берлин, 1923. 218 с.
225. Россия – особый географический мир. I. Континент-океан. II. Географический обзор России – Евразии. Прага, 1927. 68 с.
226. Сальников С. С. Экономическая география океана – новое перспективное направление экономической и социальной географии // Советская география. Л.: Наука, 1984. С. 231–242.
227. Савицкий П. Н. Географические особенности России. Часть 1. Расположенность и почвы. Прага, 1927. 180 с.
228. Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // В кн.: Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927. 234–263 с.
229. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
230. Севастьянов В. И. Татары-кряшены: православие в тюркском мире // ВОСТОК (ORIENT) 2010 № 6, с. 15-27
231. Селезнева Е. Н., Каменец А. В. Культурология Русского мира: Духовные основы национального менталитета: Монография. М.: Ритм, 2013. 432 с.
232. Семенов А., Цвык А. Концепция “общего будущего человечества” во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 8. С. 72–81.

233. Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Известия Русского Императорского географического общества. 1915. Том LI, вып. VIII. С. 425–457.
234. Силаев Н., Сущенцов А. Союзники России и геополитический фронт в Евразии // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 34–39.
235. Синцеров Л. М. Длинные волны глобальной интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5. С. 56–64.
236. Слевич С. Б. Океан: ресурсы и хозяйство. Л., 1988. 315 с.
237. Следзевский И. Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С. 82–90.
238. Смыслов Д. Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 2. С. 5–12.
239. Соболев А. В. Полюса евразийства // Новый мир. 1991. № 1. С. 181–186.
240. Сравнительное изучение цивилизаций / Под ред. Б. С. Ерасова. М., 1998. 866 с.
241. Стрелецкий В. Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.
242. Стрелецкий В. Н. Этноконфессиональный облик России: унаследованные пространственные структуры и сдвиги в конце XX – начале XXI веков // География мирового развития. Сер. «География мирового развития» / под ред. Л. М. Синцера. М., 2010. С. 442–459.
243. Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении России в конце XX – начале XXI веков // Южно-российский форум. 2011. № 1 (2). С. 51–72.
244. Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 1143–1157.
245. Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 472 с.
246. Суздальцев А. Кризис Союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 56–67.
247. Сухова Н. Г. Хорологическая концепция в российской географии // Известия РАН. Серия географическая. 2018. Т. 150, вып. 3. С. 59–78.
248. Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.
249. Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. 246 с.

250. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. П. Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
251. Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2017. 421 с.
252. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
253. Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. 1931. 319 с.
254. *Троянов А.* Изучение евразийства в современной зарубежной литературе // «Начала». 1992. № 4. С. 99–102.
255. *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920. 81 с.
256. *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925. 60 с.
257. *Трубецкой Н. С.* К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Евразийское книжное издательство, 1927. 96 с.
258. *Тулохонов А. К.* О географии в современном обществе, или уроки практической географии. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. 228 с.
259. *Тютюнник Ю. Г.* О феномене географии // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 6. С. 8–18.
260. *Фарделла Э., Проди Д.* «Один пояс, один путь» и его влияние на Европу // Валдайские записки № 82. Март, 2018. 11 с.
261. *Федорко В. Н., Дружинин А. Г., Стрелецкий В. Н.* Социально-экономическая география в Узбекистане: история формирования, современные векторы и международный контекст развития // Известия РАН. Серия географическая. 2020. Т. 84, № 4. С. 617–625.
262. *Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Разумовский В. М.* Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149. № 3. С. 15–31.
263. *Фененко А.* Чёрные лебеди глобализации. Российский совет по международным делам. [Электронное издание] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-globalizatsii/> (Дата обращения – 15.04.2020)
264. *Фридман Дж.* «Горячие» точки. Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. 400 с.
265. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.

266. *Хакимов Р. С.* Евразия как конфедерация стран и народов Востока // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 2-1. С. 248–254.
267. *Хакимов Р. С.* Евразия: история будущего (отрывки) // Научный Татарстан. 2011. № 1. С. 15–31.
268. *Хакимов Р. С.* Как возникла Великая Татария и чем она стала. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 2018. 197 с.
269. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во «АСТ», 2003. 608 с.
270. *Хатунцев С. В.* Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2. С. 56–71.
271. *Хатунцев С. В.* Запад и «Евразийская квадрига» (Россия, Китай, Индия, Иран) // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 45–52.
272. *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.
273. *Хекимоглу Л.* Куда движется «хартленд»? Центральная Азия, география, глобализация // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 79–97.
274. *Холмогоров Е. С.* В поисках утраченного Царьграда: Цымбурский и Данилевский // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 136–157.
275. *Холодковский К.* Глобализация vs национальное государство – попятное движение? / Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 12. С. 5–14.
276. *Хорев Б. С.* Территориальная организация общества. М.: Мысль, 1981. 320 с.
277. *Хоружий С. С.* Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 78–84.
278. *Хурдамиева С. Х., Юсуфов М. Г.* Евразийский диалог и русская литература. Махачкала, 2011.
279. *Чельшев Е. П.* Евразия: проблемы восточно-западного синтеза в русской культурной традиции и наследие евразийцев // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 8–16.
280. *Чесноков Г. Д.* Евразийство и проблемы современной России // Социальная теория и современность. Евразийский проект модернизации России: за и против. М., 1995.
281. *Чистобаев А. И., Шарыгин М. Д.* Экономическая и социальная география. Новый этап. Л.: Наука, 1990. 319 с.
282. *Чистобаев А. И.* Этнологи, опередившие время (к 90-летию Л. Н. Гумилева и 50-летию К. П. Иванова). СПб.: НИИХимии. СПбГУ, 2002.
283. *Чубаров И., Калашников Д.* “Один пояс – один путь”: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 1, т. 62. С. 25–33.

284. *Цвијић Јован*. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи антропогеографије. Београд, 1966. 582 с.
285. *Цымбурский В. Л.* «От великого острова Руси...» к пратосимволу российской цивилизации // Полис. Политические исследования. 1997. № 6. С. 34–56.
286. *Цымбурский В. Л.* Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. № 1,2. С. 6–30.
287. *Цымбурский В. Л.* Дваждырождённая «Евразия» и геостратегические циклы России // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 5–33.
288. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 543 с.
289. *Шаблій О. І.* Основи суспільної географії. Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2012. 295 с.
290. *Швец А. Б.* Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып. 2. 2018 г. С. 19–29.
291. *Шейнис В.* Европейский союз в динамике политического пространства / Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 10. С. 26–36.
292. *Шиловский М. В.* Евразийство: трансформация концептуальных подходов // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 2 (7). С. 59–63.
293. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
294. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. 620 с.
295. *Шупер В. А.* Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21.
296. *Шупер В. А.* Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 4. С. 7–17.
297. *Шупер В. А.* Самоорганизация на переломе траектории социально-экономического развития: вызовы для России // Известия РАН. Серия географическая. 2020. № 1. С. 147–155.
298. *Шупленков О. В.* Проблемы периодизации евразийства // Белые пятна российской и мировой истории. 2012. № 1. С. 50–66.
299. *Уразова Е. И.* Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., 2012
300. *Эллисон Г.* Новые сферы влияния // Россия в глобальной политике. 2020. № 4. С. 111–124.

301. Яковец А. В., Растворцев Е. Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений. Научный доклад. М.: МИСК, 2017. 63 с.
302. Andarova, R., Khussainova, Z., Bektleyeva, D., Zhanybayeva, Z., Zhartay, Z. (2016) Eurasian economic union: Potential, limiting factors, perspectives. *International Journal of Economic Perspectives*. 10(3), с. 13–23.
303. Akçali, E., Perinçek, M. (2009). Kemalist Eurasianism: An emerging geopolitical discourse in Turkey. *Geopolitics*. 14(3), с. 550–569.
304. Akçali, E., Korkut, U. (2012) Geographical metanarratives in east-central Europe: Neo-turanism in Hungary *Eurasian Geography and Economics*. 53(5), с. 596–614.
305. Anıl Çeçen. Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızılelma Yayıncılık, İstanbul, 1998, s. 125–126.
306. Aras, B., Fidan, H. (2009). Turkey and Eurasia: Frontiers of new geographic imagination. *New Perspectives on Turkey*. 40, с. 193–215.
307. Baigabylov, N. O., Maslov, K. B., Kozybayeva, M. M., Tuleubayev, Z. Z. (2013) The current development trends of relations between kazakhstan and turkey: The eurasian idea, the religious question and migration in the context of studying social history. *Middle East Journal of Scientific Research*. 16(12), с. 1648–1652.
308. Balogh, P. (2020) Clashing geopolitical self-images? The strange co-existence of Christian bulwark and Eurasianism (Turanism) in Hungary. *Eurasian Geography and Economics*. с. 1–27.
309. Barma, N., Ratner, E., & Weber, S. (2007). A world without the West. *The National Interest*, 90, 23–30.
310. Beloglazov, A. V., (2015) Akhmetzyanov, I. G. Russian-Kazakh cooperation as a factor in the implementation of the Eurasian idea *Journal of Sustainable Development*. 8(5), с. 176–183.
311. Brzezinski, Z. (1998). *The grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. New York: Basic Books.
312. Calder Kent. E. *Super Continent. The Logic of Eurasian Integration*. Stanford, California: Stanford University Press, 2019. 325 p.
313. Calheiros, B. (2019) The 3 seas initiative: Geopolitics and infrastructure *Janus. net*. 10 (2), с. 110–123.
314. Calwer. R. «Einführung in die Weltwirtschaft». Brl., 1906.
315. Çelikpala, M. (2015) Turkish-Russian relations in search of a way out of the rivarly-competition dilemma, *Bilig*, 72, с. 117–144.
316. Ciută, F. (2008) Region? Why region? Security, hermeneutics, and the making of the black sea region *Geopolitics*, 13(1), с. 120–147.

317. *Clover, C.* (1999) Dreams of the Eurasian heartland: the re-emergence of geopolitics. *Foreign Affairs*, 78(2), 9–13.
318. *Clover, C.* (2016) *Black Wind, White Snow: The Rise of Russia's New Nationalism*. с. 1–360.
319. *Davutoglu, A.* (2008) Turkey's new foreign policy vision: an assessment of 2007. *Insight Turkey*, 10(1), 77–96.
320. *Dönmez Fedakar, P.* (2006) «I. Uluslararası Türk dünyası kültür kurultayı» Ardından. *Milli Folklor*, 9(70), с. 138–142.
321. *Druzhinin A. G., Ibrahimov A., and Baskan A.* Interaction of Russia and Turkey in the Post_Soviet Period: Factors, Trends, Problems, Prospects // *Regional Research of Russia*, 2014, Vol. 4, No. 2, pp. 121–126.
322. *Druzhinin A.* (2016) Russia in modern Eurasia: The Vision of a Russian Geographer. *Quaestiones Geographicae* 35(3), Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, pp. 31–39.
323. *Druzhinin A.*, 2019. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia. *Quaestiones Geographicae*. 38 (2). Boducki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, pp. 91–100.
324. *Encyclopedia of the Peoples of Asia and Oceania*. 2008. Vol. 1. p. 826.
325. *Eder, T. S.* (2014) China-Russia Relations in Central Asia. *Energy Policy*, Beijing's New Assertiveness and 21st Century Geopolitics. 89 (2), с. 287–294.
326. *Entin, M., Entina, E.* (2016) The new role of Russia in the greater Eurasia. *Strategic Analysis*. 40(6), с. 590–603.
327. *Eren-Webb, E.* (2011) To which eurasia does Turkey belong? A comparative analysis of Turkish eurasianist geopolitical discourses *Bogazici Journal*. 25(2), с. 59–82.
328. *Ergun, M.*, (2003) Folklore scholarship in Turkish World – I | [Türk Dünyası folklor ve halk edebiyatına hizmet edenler – I] *Milli Folklor* 8(58), с. 39–46.
329. *Erşen, E.* (2013) The evolution of 'Eurasia' as a geopolitical concept in post-cold war turkey. *Geopolitics*. 18(1), с. 24–44.
330. *Hielscher, K.* (1993) Die Eurasien-Ideologie: Geschichtsmymthen der russischen 'Neuen Rechten. *Glaube in der 2. Welt*, 7/8, 25–30.
331. *Huntington, Samuel P.* *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon and Schuster, 1996. 367 p.
332. *Ingram, A.* (2001) Alexander Dugin: Geopolitics and neo-fascism in post-Soviet Russia. *Political Geography*. 20(8), с. 1029–1051.
333. *Landau J. M.* (1988) The fortunes and misfortunes of Pan-Turkism. *Central Asian Survey*, 7 (1): 1–5.

334. *Laruelle, M.* (2001) Alexandre Dugin: Esquisse d'un eurasisme d'extrême-droite en Russie post-soviétique. *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*. 32(3), c. 85–103.
335. *Louis Pétiniaud.* Du «lac russe» au «lac OTAN»? Enjeux géostratégiques en mer Noire post-Crimée. *Heérodote*, n° 166-167, La Découverte, 3e trimestre 2017. 217–228.
336. *Karlov, V. V.* (1998) Anthropology and Archeology of Eurasia. The idea of Eurasianism and Russian nationalism. 36(4), c. 32–50.
337. *Kosharnyi, V. P.* (1995) Eurasianism as an Object of Interdisciplinary Synthesis. *Russian Studies in Philosophy*. V. 34, Issue 3, December 1995, Pages 6–9.
338. *Küçük, S.*, (2018) “100. Yılında sovyet ihtilali ve türk dünyası” konulu 6. türkîyat araştırmaları sempozyumunun ardından *Bilig* 84, c. 337–340.
339. *Mackinder, H. J.* «The geographical pivot of history». *The Geographical Journal*, 1904, 23, pp. 421–37.
340. *Mahan A. T.* (1890) *The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783*. Little, Brown & Co. Boston, Repr. of 5th ed., Dover Publications, N. Y.
341. *Mallaby S.* Globalization Resets. *The Finance and Development Magazine*, Washington, IMF, December 2016. Available at: www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2016/12 (accessed 02.05.2020).
342. *Mazurek, S.* (2002) Russian Eurasianism – Historiosophy and ideology. *Studies in East European Thought*. 54(1–2), c. 105–123.
343. *Mongrenier Jean Sylvestre.* Poutine et la mer. Forteresse « Eurasie » et stratégie océanique mondiale // *Herodote*. 2016/4 (N° 163), p. 155–174.
344. *Morozova, N.* (2009) Geopolitics, Eurasianism and Russian foreign policy under Putin. *Geopolitics*. 14(4), c. 667–686.
345. *Mostafa, G.* (2013) The concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian policy and its implications. *Journal of Eurasian Studies*. 4(2), c. 160–170.
346. *Nicolas Escach,* Partage de la mer et nouveaux conflits géopolitiques en Baltique. *Hérodote* 2016/4 (N° 163), p. 175–191.
347. *O'Loughlin, J.* (2001) Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era. *Geopolitics*. 6(3), c. 17–48.
348. *O'Loughlin, J., Tuathail, G. O., Kolossov, V.* (2005) Russian geopolitical culture and public opinion: The masks of Proteus revisited. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 30(3), c. 322–335.
349. *O'Loughlin, J., Kolossov, V., Gearóid Tuathail, G. T.* (2011) Inside Abkhazia: Survey of attitudes in a de Facto state *Post-Soviet Affairs*. 27(1), c. 1–36.
350. *Öniş, Z., Yılmaz, Ş.* (2016) Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region *Third World Quarterly*, 37(1), c. 71–95.

351. *Pabst, A.* (2009) Central Eurasia in the emerging global balance of power. *American Foreign Policy Interests.* 31(3), c. 166–176.
352. *Patomäki, H., Pursiainen, C.* (1998). Western models and the ‘Russian idea’: Beyond inside/outside’ in discourses on civil society. *Millenium.* 28(1), c. 53–77.
353. *Pryce, P.* (2013) Putin’s third term: The Triumph of Eurasianism? *Romanian Journal of European Affairs.* 13(1), c. 25–43.
354. *Radnitz, Scott* (2018) Between Russia and a Hard Place: Great Power Grievances and Central Asian Ambivalence *Europe-Asia Studies* 70(10), c. 1597–1611.
355. *Radvanyi J.* Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // *Hérodote. Géopolitique de la Russie*, 2017 N° 166–167 pp. 113–132.
356. *Ram, H.* (2001) Imagining Eurasia: the poetics and ideology of Olzhas Suleimenov’s AZ i IA. *Slavic Review*, 60(No. 2 (Summer, 2001)), 289–311.
357. *Shlapentokh, D. V.* (1997) Eurasianism: Past and present. *Communist and Post-Communist Studies* 30(2), c. 129–151.
358. *Shlapentokh, D.* (2007) Dugin, Eurasianism, and Central Asia. *Communist and Post-Communist Studies.* 40(2), c. 143–156.
359. *Shlapentokh, D.* (2012) Lev Gumilev: The ideologist of the soviet empire. *History of European Ideas.* 38(3), c. 483–492.
360. *Shlapentokh, D.* (2016) The ideological framework of early post-soviet russia’s relationship with Turkey: The case of alexander dugin’s eurasianism. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies.* 18(3), c. 263–281.
361. *Smith, G.* (1999) The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism. *Transactions of the Institute of British Geographers.* 24(4), c. 481–494.
362. *Smith Laurence C.* *The World in 2050. Four Forces Shaping Civilization’s Northern Future.* London Plume Book. 2011. 320 p.
363. *Supan. A.* «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien». 1906.
364. *Svanstom, N.* (2012) Eurasia’s Ascent in Energy and Geopolitics: Rivalry or Partnership for China, Russia and Central Asia? 2012. c. 1–248.
365. *Umland, A.* (2008) Patholoaical tendencies in the Russian «neo-Eurasianism». *Voprosy Filosofii.* (3), c. 74–82.
366. *Waever O.* *Culture and Identity in the Baltic // Cooperation in the Baltic Sea / ed. by P. Joenniemi.* Washington, 1993. P. 23–50.
367. *Wiederkehr, S.* (2007) II. Eurasianism as a reaction to Pan-Turkism. *International Studies in Sociology and Social Anthropology.* 102, c. 39–60.
368. *Yanik, L. K.* (2019) Debating Eurasia: Political travels of a geographical

- concept in turkey | [Avrasya'yi Tartışmak: Coğrafi Bir Kavramın Türkiye'deki Siyasi Yolculuğu] Uluslararası İlişkiler. 16(63), c. 33–50.
369. *Yılmaz, S., Changming, L.* (2016) The rise of new eurasianism: China's "belt and road" initiative and its implications for euro-atlanticism. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2(3), c. 401–419.
370. *Yılmaz, S., Changming, L.* (2018) China's 'Belt and Road' Strategy in Eurasia and Euro-Atlanticism. *Europe – Asia Studies*. 70(2), c. 252–276.
371. *Zakaria, F.* (2008). *Post-American world*. London: Allen Lane.
372. *Zhanguzhin, R.* (2013) The Eurasian Union concept: Political or civilizational? *Central Asia and the Caucasus*. 15(2), c. 20–32.

Научное издание

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

**ИДЕИ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА
И СОВРЕМЕННОСТЬ:
общественно-географический анализ**

Монография

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук (с 1995 г.), профессор (с 1999 г.), Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (с 2010 г.), директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, профессор-исследователь Балтийского федерального университета им. И. Канта.

А. Г. Дружинин закончил в 1979 году (с золотой медалью) школу в г. Ростове-на-Дону с отличием – географическое отделение Ростовского государственного университета (1984 г.). Соискатель Ленинградского государственного университета (1985-1986 гг.); ученик доктора географических наук, профессора Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета, заслуженного деятеля науки РФ, Президента Русского географического общества Сергея Борисовича Лаврова. Профессор А. Г. Дружинин – автор более 540 научных работ, включая 36 монографий. Научные труды опубликованы на русском, английском, испанском, китайском, польском, турецком и французском языках. Под руководством А. Г. Дружинина реализовано свыше 30 крупных исследовательских проектов, в том числе поддержанных Российским научным фондом (РНФ), Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), фондом «Хамовники», Российской академией архитектуры и строительных наук и др. Подготовил (в качестве научного руководителя) 78 кандидатов, 1 PhD и 2-х докторов наук. Является главным редактором журнала «Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов». Член редколлегий и редакционных советов ряда российских («Балтийский регион», «Географический вестник», «Научная мысль Кавказа», «Псковский регионологический журнал», «Ученые записки Крымского федерального университета, серия "География-геология"», «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия естественные и медицинские науки») и зарубежных периодических научных изданий, включая: "Quaestiones Geographicae" (Польша), «Гласник Географског друштва Републике Српске» (Республика Сербская, Босния и Герцеговина), «Revista GeoUSAL» (Аргентина), «Slupskie Prace Geograficzne» (Польша), Boletín de GAEA Sociedad Argentina de Estudios Geográficos (Аргентина); «Известия Географического общества Узбекистана» (Узбекистан). Почётный зарубежный член Географического общества Республики Сербской и Географического общества Узбекистана. А.Г. Дружинин является активным путешественником (посетил 118 стран мира).

✉ alexdru9@mail.ru

9 785927 536658